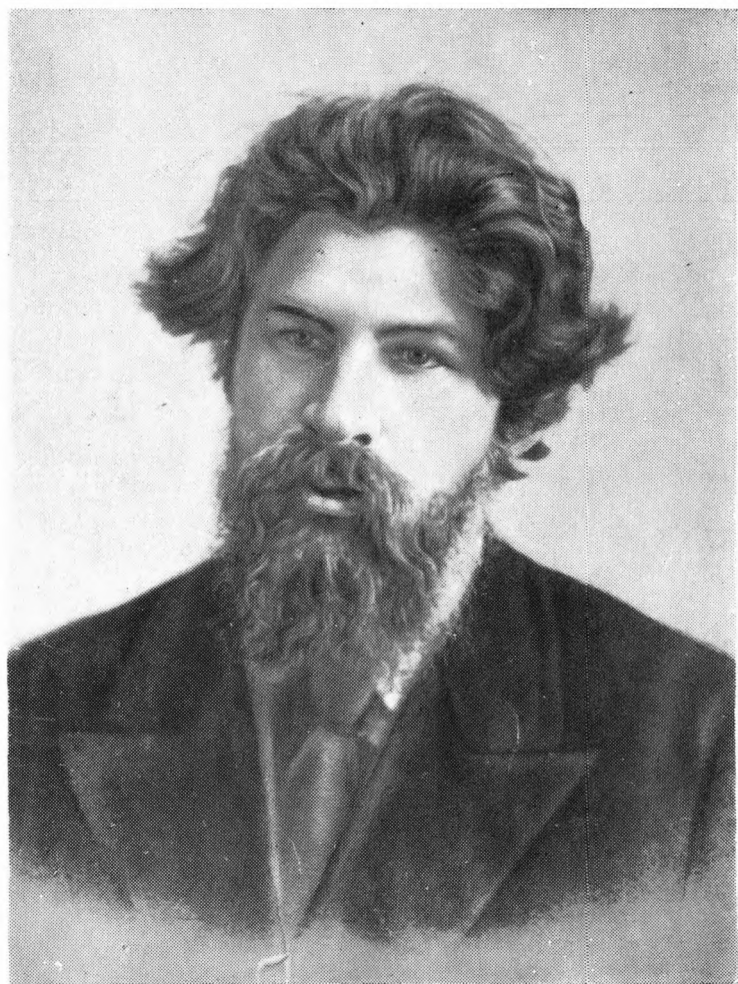

М. Верховская

АЛЕКСЕЙ
ПОГОРЕЛОВ

М. Верховская

✓
АЛЕКСЕЙ
ПОГОРЕЛОВ

Критико-биографический очерк

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕРМЬ — 1959

ВВЕДЕНИЕ

В середине 90-х годов XIX века в русской литературе появилось новое имя — А. Погорелов. Под этим псевдонимом печатался в столичных журналах и ряде провинциальных изданий уральский писатель Алексей Сергеевич Сигов. Он изображал в своих произведениях предреволюционный горнозаводский Урал. В разработке этой темы он продолжал и дополнял Решетникова и Мамина-Сибиряка. Одновременно с ним вошли в литературу уральцы: Туркин, Колотовкин, Заякин-Уральский, Носилов, Белорецкий и др. Этот отряд писателей обогатил русскую литературу художественным отражением своеобразного края — «древнего, седого Урала».

А. М. Горький ратовал за то, чтобы в нашей литературе была полнее отражена жизнь Урала, так как считал ее неисчерпаемым источником для творчества. Об этом писал и Мамин-Сибиряк, называя свой край «сокровищницей величайших национальных богатств» и в материальном и в духовном отношении. Он говорил о «бойкой и оригинальной жизни этого края» *, где «типов... не оберешься: бери кисть и рисуй» **.

Уральские писатели вовсе не были навсегда привязаны к Уралу, наоборот, многие, в их числе и А. Погорелов, на годы покидали свои родные места, но это лишь обогащало их новыми знаниями о России и помогало глубже осмыслить местную жизнь. Мамин-Сибиряк писал,

* Д. Н. Мамин-Сибиряк, Собр. соч., ГИХЛ, 1955, т. 8, стр. 430.

** Д. Н. Мамин-Сибиряк, «С Урала (письма)», газ. «Новости», 1884, № 108, 1-е издание.

что «нужно было долго пожить вдали от родины и потолкаться среди разного чужого люда, чтобы окончательно выяснить себе то, чем отличалась жизнь уральского населения. За внешними формами выступало глубокое внутреннее содержание, обуславливавшееся историей Урала, его разнообразными этнографическими элементами и особенно богатыми экономическими условиями» *.

Итак, не столько географическая, сколько творческая связь с Уралом объединяла наших писателей. Урал — не только место, где они трудились, а и жизненный материал для художественного мышления писателей, та действительность, из которой они черпали темы, образы, сюжеты; «поле наблюдений», говоря словами А. М. Горького. При этом Урал был для своих писателей хотя и главным, но отнюдь не единственным источником вдохновения.

Естественно, что на литературу, развивавшуюся на Урале в конце XIX — начале XX века, наложили отпечаток особенности исторического развития этого края.

В. И. Ленин указывал, что крепостное право очень долго давало о себе знать на важных сторонах горнозаводского быта Урала. Почти половина рабочих вотчинных заводов до 1917 года находилась в полукрепостнических отношениях к заводоладельцам. Население оставалось прикрепленным к заводам землей. Собственный домик, земельный участок, привязывавшие рабочих к месту, служили для угнетателей предлогом беспримерного снижения заработной платы. Но и на эти нищенские земельные участки непрерывно посягали хозяева, чиновники, кулаки. Земельный вопрос был буквально трагическим для трудового населения. Произвол заводской администрации, горных чиновников, полицейских ничем не ограничивался. Рабочий день длился двенадцать часов и более.

Не легче было положение крестьян. Они имели маленькие наделы при чересполосице, страдали от безземелья, нищеты, голода, уходили целыми деревнями на поиски «лучшей жизни». Процесс расслоения крестьянства шел быстро, на одном полюсе выделялось кулачество, на другом — огромная масса бедноты.

* Д. Н. Мамин-Сибиряк, Собр. соч., ГИХЛ, 1955, т. 8, стр. 431.

Была и еще одна категория населения, подвергавшаяся усиленному гнету, — это малые национальности, жившие в Пермской губернии, отличавшейся своей многонациональностью.

В конце XIX века Россия вступила в империалистическую стадию развития капитализма. Монополистический капитализм был переплетен с остатками феодально-крепостнических порядков. На Урале это переплетение гнета капиталистического и крепостнического было выражено особенно ярко. Полностью сохранилась такая черта экономической жизни, как наличие горнозаводской промышленности, связанной с крупным землевладением.

В начале XX века Россия переживала экономический кризис, вызвавший резкое сокращение промышленного производства. Сильнейшим образом кризис отразился на горнозаводской промышленности Урала, он был здесь длительным и перешел в депрессию, затянувшуюся до 1912 года. Кризис на Урале усугублялся технической отсталостью сравнительно с более молодым капиталистическим Югом, а также недостатком железнодорожных путей, которые связывали бы Урал с центральной Россией.

В такой обстановке разрывалась на Урале революционная борьба. Гегемоном в ней выступил рабочий класс. Крестьянство и угнетенные национальности тоже поднимались на борьбу.

Как во всей России, так и на Урале революционная ситуация к 1905 году вызрела и переросла в революцию. Революция всколыхнула широкие народные массы, пролетариат стал могучей революционной силой. Распространялись идеи марксизма. Из разрозненных групп создавалась социал-демократическая организация, руководившая движением масс.

Поражение революции и наступление реакции было длительным процессом. Большевицкая партия проводила тактику организованного отступления, рабочий класс Урала вел упорные бои с силами реакции.

Как для трудящихся всей России, так и для Урала революция 1905—1907 годов явилась генеральной репетицией Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года.

Русская действительность того времени остро ставила перед литературой задачу борьбы с эксплуататорским, антинародным строем. Эта задача выполнялась прогрессив-

ными писателями разных течений. Известно, какой многоплановостью и сложностью отличалось литературное развитие в России предреволюционного и революционного периода. Это была эпоха рождения новой эстетики и нового художественного метода. В самый разгар революционных событий 1905 года была опубликована статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», в которой великий учитель сформулировал принцип партийности литературы. Литература получала свое высшее назначение — быть частью общепролетарского дела. В творчестве великого пролетарского художника А. М. Горького, впитавшего все лучшие традиции литературы прошлого, возник и развивался метод социалистического реализма. В эту эпоху продолжали творить «старые» мастера критического реализма — Л. Толстой, Чехов, Короленко. Появилось новое поколение этой школы — Куприн, Вересаев, Серафимович, А. Толстой, Бунин, Скиталец и многие другие. В сложной борьбе противоречивых идейно-творческих элементов непреходящие художественные ценности создавали замечательные русские поэты — Блок и Брюсов. Мощно развивалась пролетарская революционная поэзия. Все истинно народное, передовое в русской литературе развивалось в упорной борьбе с декадентской литературой, в которой проявлялся распад гнивающей буржуазной культуры.

На таком общерусском литературном фоне в 90—900-х годах на Урале росла прогрессивная, демократическая литература. Продолжал творить Мамин-Сибиряк, по оценке В. И. Ленина, чрезвычайно рельефно отразивший в своих художественных полотнах своеобразный быт Урала. Заканчивала свой творческий путь писательница-демократка А. А. Кирпищикова. Новое пополнение реалистов, как уже говорилось выше, было довольно многочисленным.

Уральские писатели конца XIX—начала XX веков — Погорелов, Туркин, Колотовкин, Заякин-Уральский, Носилов, Белорецкий — должны быть отнесены к наиболее демократическому крылу нового поколения критических реалистов в русской литературе той поры. Они продолжали, в меру своих способностей, традиции Гоголя, Тургенева, Некрасова, Щедрина и других великих писателей, испытывали на себе влияние своих современников — Толстого, Чехова, Короленко, Горького. В их творчестве

ярко обнаружили существенные черты историко-литературного процесса этого периода, было много общего с творчеством Вересаева, Куприна, Серафимовича.

Уральские писатели испытали на себе сильнейшее влияние революции 1905 года. Для уяснения их идейных позиций надо вспомнить указания В. И. Ленина, который писал, что в эпоху революции 1905 года в России происходили две социальные войны: «Одна — общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т. е. за самодержавие народа, другая — классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества» *.

А. М. Горький художественно выразил идеи «второй войны» — классовой борьбы пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества. Представители нового поколения критических реалистов на Урале в большинстве своем оставались на уровне задач общенародной борьбы за свободу, за демократию, в революции воспринимали ее общедемократические интересы и выражали это во всем своем творчестве.

Характерно, что и после поражения революции 1905 года уральские писатели противостояли декадентской литературе и сохраняли верность принципам реализма и демократическому мировоззрению до конца своей жизни.

* В. И. Ленин, Соч., изд. 4-ое, т. 9, стр. 281.

НАЧАЛО ПУТИ

А. Погорелов (Алексей Сергеевич Сигов) происходил из среды уральских горнозаводских крепостных. О предках писателя рассказывает в неопубликованной рукописи его брат И. С. Сигов, публицист, пытавшийся написать беллетризованную биографию Погорелова, но остановившийся лишь на подступах к жизнеописанию самого писателя *.

Предки А. Погорелова по отцовской линии были крепостными помещиков Всеволожских и проживали в северной части Пермской губернии (в Соликамском уезде, в округе Пожевских заводов). Его предки по матери — Горбуновы — были крепостными купца Кнауфа, владевшего группой горных заводов в южных уездах Пермской и Вятской губерний. «История обоих этих родов (Сиговых и Горбуновых) на фоне крепостного быта, в своеобразных условиях горнозаводского хозяйства, чрезвычайно красочна и богата приключениями, весьма характерными для того времени», — пишет И. С. Сигов **. Он излагает историю жизни предков писателя, рисует черты старого быта и портреты людей.

Прадед писателя, Федор Петрович, работал молотобойцем в кузнице, затем кричным мастером. Богатырь, смолоду отличавшийся феноменальной силой, он был неизменным победителем в традиционных кулачных боях;

* См. Центральный государственный архив литературы и искусства (в дальнейшем ЦГАЛИ), ф. 448, о. 1, ед. хр. № 151, И. С. Сигов, «Предки Алексея Сергеевича Сигова (А. Погорелова)», «Первые главы биографического очерка».

** Там же, л. 1—2.

в последнем для него кулачном бою он участвовал по прихоти помещика в восьмидесятилетнем возрасте, победил, но надорвался и вскоре умер. Помещик Всеволожский, питавший симпатию к силачу, взял его сына Петра, деда

Дом в Перми, где родился А. С. Сигов.

писателя, в свой дом на воспитание, дал ему возможность получить образование и затем назначил лекарем Пожевских заводов. Сын же помещика, поссорившись с крепостным лекарем, сослал его в рудники на каторжные работы и приказал приковать к тачке. После каторги Петр Федорович был назначен смотрителем на золотой прииск, открыл баснословную по богатству россыпь, благодаря чему Всеволожские были спасены от грозившего им банкротства. В «благодарность» за это Петр Федорович был восстановлен в должности лекаря Пожевских заводов. Человек начитанный, сочувствующий передовым идеям своего века, Петр Сигов на каторге, на приiske, в одиночестве переживал тяжелую душевную драму.

Отец писателя, Сергей Петрович Сигов, служил то правителем дел, то конторщиком в правлении Пожевских заводов и в г. Дедюхине на соляных варницах. Из-за тя-

желой болезни он часто и подолгу оставался без заработка, и тогда семья жила в крайней бедности.

Предки А. Погорелова по матери были связаны с Кнауфскими заводами. Мать писателя, Анна Михайловна Горбунова, была дочерью караванного смотрителя. Должность эта считалась ответственной, семья жила довольно богато, но пожар подорвал ее благосостояние. Выйдя замуж, Анна Михайловна испытывала большую нужду, но переживала ее стойко и никогда не теряла бодрости.

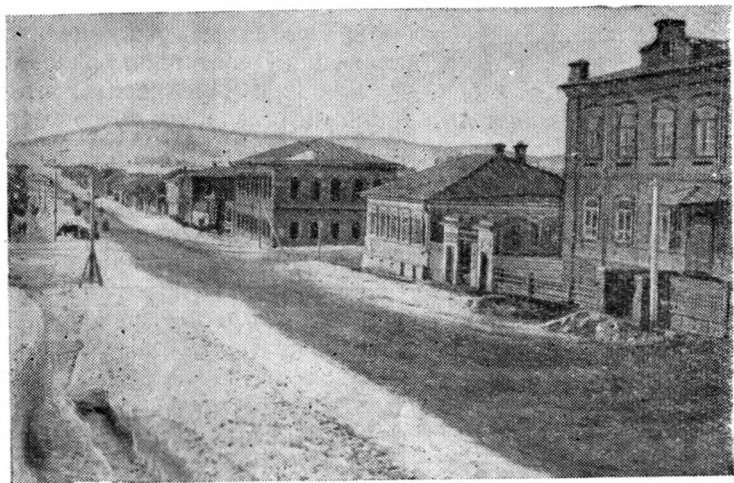
Итак, Сиговы и Горбуновы происходили из крепостной рабочей среды, но в новом поколении, оставаясь крепостными, принадлежали к низшей заводской администрации.

Алексей Сергеевич Сигов, будущий писатель, родился в Перми 10 февраля 1860 года. О его детстве и юности подробно рассказывает в своих воспоминаниях, написанных в 1929 году, сын писателя, Иван Алексеевич Сигов *. Он пишет, что в детстве Алексей Сергеевич жил в крайней нужде. Почти все школьные годы он провел частью в захолустных заводских поселениях, частью в уездном городе Красноуфимске. С раннего возраста в нем проявилась жажда знаний. Десяти лет он поступил во второй класс Красноуфимского городского училища, где его блестящие способности привлекли внимание нескольких молодых педагогов, с которыми у мальчика завязалась дружба. Помимо исключительного интереса к книге, в училище он проявил тяготение к живописи и музыке. Он недурно рисовал карандашом и акварелью с натуры. Стремясь выучиться играть на скрипке и не имея возможности купить ее, он сам смастерил себе подобие инструмента и упорно практиковался на нем, пока не получил в подарок от одного из своих друзей настоящую скрипку.

Истинной страстью мальчика было чтение. В первые же годы пребывания в училище он перечел все, что было в скудной школьной библиотеке и что удавалось доставать у преподавателей. Выбор чтения был, таким образом, случайный, из разных отраслей знания, многое тогда было выше его понимания, и недоуменные вопросы мучили мальчика. Нелегко давалась ему выработка литературно-

* См. Архив литературного музея Мамина-Сибиряка в г. Свердловске, фонд А. Погорелова, Ив. Сигов, «Сигов Алексей Сергеевич (А. Погорелов)».

го вкуса. Большим событием в его жизни явилось чтение романа Л. Толстого «Война и мир», поразившего его своей красотой.

Красноуфимское реальное училище (крайний дом справа)

В 1873 году к Красноуфимске были открыты первые классы реального училища. Погорелов поступил в старший класс и с первых дней выделился среди воспитанников по развитию и способностям.

Сын писателя в своих воспоминаниях пишет: «Домашняя обстановка, ввиду бедности, заключала в себе много неудобств для А. С.: у мальчика не было своих учебников; по вечерам приходилось работать на одном столе вчетвером при одной сальной свече; нередко случалось недоедать, иногда не было обуви и самой необходимой одежды. Но зато мальчику предоставлялась полная свобода, в семье он был окружен горячо любившими его, морально чистыми людьми...» *

Погорелову приходилось давать уроки, что оказывало заметную материальную помощь семье. Он заботливо и

* Архив литературного музея Мамина-Сибиряка в г. Свердловске, фонд А. Погорелова, И. А. Сигов — «Сигов Алексей Сергеевич (А. Погорелов)», л. 2.

нежно относился к матери, помогал ей в домашнем труде, носил воду, колол дрова, топил печь, мыл полы, вставал в четыре часа утра, чтобы прогнать корову в стадо. Кроме того, он помогал своим братьям и товарищам в ученье.

Как правило, многие учителя реального училища были сухими формалистами, исключение составлял преподаватель русского языка Роснянский. Прекрасный чтец, он часто устраивал литературные вечера, на которых читал запрещенные тогда стихотворения Некрасова и других революционных поэтов. Погорелов всегда с большой любовью вспоминал о Роснянском.

Брат Погорелова Павел Сигов сообщает в своих воспоминаниях, что когда Алексей учился в последних классах в Красноуфимске, туда на каникулы приезжали студенты, с которыми он проводил целые дни в спорах, в чтении Добролюбова, Писарева, Салтыкова-Щедрина, Некрасова.

К последнему году учения в Красноуфимске (1878) относится попытка Погорелова написать самостоятельное сочинение. Это — «Новый год. (С натуры). Сочинение Ивана Гуся». Здесь описывается бал, на который собралось красноуфимское общество в дом съезда мировых судей. По стилю (если вообще можно говорить о стиле по отношению к такой незрелой ученической вещи) это прямое подражание Гоголю, под обаянием которого находился рвущийся к творчеству юноша. Например, изображается уездный доктор, «во всех отношениях прекраснейший человек», «прелесть». Автор распространяется о его некрасивых прямых волосах, уделяя этой детали преувеличенно много места, за счет описания внутренних качеств доктора. О последних же он говорит: «Достойный человек! Поговаривают, что он по медицине ничего не смыслит, да ведь это что же? Это ничего. И на что в самом деле медицину? По-моему, уж если человеку умереть, так непременно умереть, а если выздороветь, так уж тоже бог не без милости... Да вот поговаривают еще, пожалуй, что и к делу не совсем-то внимателен и что в земской больнице больные мрут как мухи, но это ведь только говорят еще, а на самом деле.. да впрочем что ж такое, если это и правда? Человек не бог, не без слабостей.

Да, прекрасный человек наш доктор, прекраснейший!

Я впрочем о нем говорить больше не буду, скажу только, что я всякого, всегда и всюду буду уверять, что доктор — человек необыкновенный» *.

Очевидно, что автор сочинения использует здесь приемы Гоголя из «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», мотивы из «Ревизора», пишет от имени вымышленного автора (Ивана Гуся), как Гоголь в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Осуществление, конечно, слабо, наивно, но юноша уловил гоголевскую интонацию, приемы алогизма, неожиданности заключений, сатирический смысл иронической восторженности, когда речь идет об отрицательном, о безобразном.

В 1879 году из всех учеников Красноуфимского реального училища только один Погорелов выдержал переходный экзамен в шестой класс. Естественно, что класс этот не был открыт, и Алексей Сергеевич переехал для окончания училища в Пермь, где вскоре его успешно окончил. В эти годы он еще глубже воспринимал сочинения Добролюбова, Писарева, Салтыкова-Щедрина, Некрасова. Он находился в самых тесных отношениях с приезжавшими из столицы студентами и проводил с ними в чтении и спорах целые дни.

Умственные интересы Погорелова этой поры в некоторой степени отражает ученическая тетрадь за 1879 год, хранящаяся в фонде писателя в Центральном государственном архиве литературы и искусства. В ней, кроме записей по учебным предметам, находится множество записей на самые различные темы. Перелистывая эту толстую общую тетрадь, убеждаешься в сильной тяге юноши к творчеству, в стремлении его посвятить себя писательскому делу. В ней имеются драматургические наброски (сценки), остроумные этюды об училищном начальстве. Один из них написан в гоголевской манере: «Знаете ли вы Евсея Альбертовича? Нет, вы не знаете его» **. И далее следует его характеристика в иронически-патетическом тоне. Встречаются комические записи уроков, в которых высмеивается религиозное воспитание учащихся (например, диалог между учителем и учеником о сотворении человека). О чтении Белинского свидетельствует выписка из рецензии великого критика на «Ледяной дом»

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 104, л. 11.

** Там же, ед. хр. № 144.

Петр Филиппович Якубович (1882 г.).

Лажечникова. Рисунки в тетради говорят о способностях Погорелова как рисовальщика.

Годы ученья Погорелова совпали с расцветом деятельности революционного народничества 70-х годов. Народническое движение захватило юношу. Он познакомился с народнической литературой, легальной и нелегальной. По утверждению И. А. Сигова, Погореловым овладело властное побуждение отдать жизнь борьбе за освобождение народа^{*}. В 1880 году, окончив реальное училище, он уехал в Петербург, чтобы получить высшее образование и быть в центре революционного движения.

В Петербурге Погорелов выдержал конкурсный экзамен в Институт гражданских инженеров, оказавшись в числе пятидесяти принятых из шестисот абитуриентов. Находясь в институте, он вступил в партию «Народной воли» и работал преимущественно среди студенчества вместе с известным поэтом-народовольцем П. Ф. Якубовичем (Мельшиным), с которым они вместе редактировали нелегальный журнал «Студенчество». Дружба Погорелова с Якубовичем продолжалась до самой смерти последнего.

Брат писателя, Павел Сергеевич Сигов, вспоминает об этой поре в жизни Погорелова: «В первые же каникулы он вернулся настроенным революционно. Целыми днями он рассказывал матери о происходящем революционном движении, о героях, жертвующих своей жизнью за счастье народа и т. д. Мать вначале была ошеломлена рассказами сына, приходила в ужас за его судьбу, но постепенно успокоилась и стала смотреть на сына чуть не с благоговением... Алексей Сергеевич привез с собой много нелегальной литературы, а также большую книгу номеров издававшегося при его участии журнала «Студенчество»^{**}.

В 1883 году, будучи студентом третьего курса, Погорелов был вынужден скрыться из Петербурга, так как полиция начала его преследовать. Он уехал в Балахну, Нижегородской губернии, и поступил техником на завод Рагозина и К^о, но в декабре был арестован, увезен в

^{*} Архив литературного музея Мамина-Сибиряка в г. Свердловске, фонд А. Погорелова. Ив. Сигов, «Сигов Алексей Сергеевич (А. Погорелов)», л. 2.

^{**} Тот же архив, инв. № 3775, л. 10 (воспоминания П. С. Сигова).

Нижний Новгород и заключен в Пугачевскую башню. И. А. Сигов пишет, что в ней отец пробыл восемь месяцев «без света (маленькое окошечко находилось на высоте 1½ саж. от пола, а искусственного освещения ни днем, ни вечером не полагалось), без книг и письменных принадлежностей, без свиданий и передач» *.

Во всех биографических справках о Погорелове встречается утверждение, что в нижегородской тюрьме в 1884 году он встретился во время прогулки в тюремном дворе с Владимиром Галактионовичем Короленко. Сам Погорелов впоследствии в одном из писем к Короленко писал, что им привелось познакомиться «при странных обстоятельствах» **. Эта первая встреча послужила началом длительной дружбы писателей. Впоследствии они переписывались, и Погорелов отдавал большинство своих произведений в журнал «Русское Богатство», где Короленко редактировал беллетристический отдел.

Жесткий тюремный режим тяжело повлиял на здоровье Погорелова, заболевшего сильным нервным расстройством. После недолгого пребывания в тюремной больнице он был выслан на родину под надзор полиции.

Мировоззрение Погорелова сложилось под воздействием революционного народничества. Об этом сын писателя Михаил Сигов в своих «Заметках о жизни и творчестве А. Погорелова» пишет: «Его любимейшими героями в ореоле борьбы, мученичества и славы являлись Желябов, Перовская, Кибальчич, Вера Фигнер. По детским воспоминаниям я знаю, что любимой, священной для отца книгой был отчет о судебном заседании сената под заголовком «Суд над цареубийцами», с речами подсудимых. Своим народовольческим революционным убеждениям Погорелов не изменял до конца своих дней и в петербургский период жизни входил в группу старых народовольцев» ***.

Это последнее подтверждается высказыванием и самого Погорелова. В 1915 году в некрологе писателю и

* Архив литературного музея Мамина-Сибиряка в г. Свердловске, фонд А. Погорелова, Ив. Сигов, «Сигов Алексей Сергеевич (А. Погорелов)», л. 2:

** См. там же, письмо А. С. Сигова из Красноуфимска В. Г. Короленко, 1888 г.

*** Там же, М. А. Сигов — «Заметки о жизни и творчестве А. Погорелова», л. 1.

общественному деятелю П. А. Голубеву он говорит о «бурном и могучем движении 70-х годов» и называет эти годы «удивительной эпохой» *.

Вскоре после освобождения из тюрьмы Алексей Сергеевич женился на Ольге Порфирьевне Левашовой, окончившей к тому времени медицинский институт, и поселился в Красноуфимске, где устроился в земстве техником по распланированию селений уезда. Затем он перевелся в Пермь на должность заведующего отделением по распланированию селений в губернии. Ольга Порфирьевна работала земским врачом.

С земской службой Погорелов сочетал большую и разнообразную общественную деятельность, о которой И. А. Сигов пишет: «...основным мотивом ее служило всегда одно и то же: борьба за политическую свободу и защита интересов крестьянства. Последний мотив заставил А. С. принять на себя тягостную роль безмездного ходатая по общественным делам крестьян и горнозаводских мастеровых. При царивших тогда безудержных злоупотреблениях местных властей, и в особенности горнозаводских управлений на почве земельных захватов и притеснений, общества крестьян и мастеровых были совершенно беспомощны... И к А. С. нередко издалека приезжали ходоки-крестьяне или мастеровые. В борьбе с темными силами, за которыми стоял нередко аппарат местной власти, А. С., конечно, чаще всего приходилось терпеть поражение, а иногда и личные неприятности. Однако, наряду с поражениями, у А. С. бывали и удачи, а иногда и крупные успехи, которые хотя на короткое время приносили радость и нравственное удовлетворение» **.

Журналист В. А. Весновский в своих воспоминаниях о писателе пишет, что «сиговское юридическое бюро» пользовалось большой популярностью среди крестьян и мастеровых и вызывало неудовольствие всех хищников и эксплуататоров ***.

Частые разъезды по заводам и деревням, связанные с работой в земстве, дали Погорелову возможность близко

* «Русские записки», 1915 г., № 2.

** Архив литературного музея Мамина-Сибиряка в г. Свердловске, Ив. Сигов, «Сигов Алексей Сергеевич (А. Погорелов)», л. 3.

*** См. там же, В. А. Весновский, «Сигов Алексей Сергеевич (листки из воспоминаний)», лл. 6—7.

столкнуться с народом, познакомиться с положением рабочих и крестьян. Проникнутый любовью к народу, обладая умением подойти к трудящемуся населению, понять его нужды и чаяния, Погорелов в этих связях с массами накопил богатый материал, который потом превратил в художественную форму. Таким образом, практическая деятельность была для него школой жизни и подготовкой к творчеству.

Эта жизненная школа сочеталась с усиленными теоретическими занятиями писателя. Погорелов стремился выработать систему эстетических взглядов, изучал произведения русской и зарубежной эстетики. Материалы московского архивного фонда говорят о большом влиянии статей революционно-демократических критиков, и прежде всего Белинского и Чернышевского, на формирование взглядов Погорелова на искусство.

Уже упоминалось, что он в ранние юношеские годы с большим увлечением читал сочинения Белинского, Писарева, Добролюбова, Стасова. Настольной книгой Погорелова на всем протяжении его творческой деятельности была, по утверждению М. А. Сигова, диссертация Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности». Руководящим для него стал следующий тезис Чернышевского: «Воспроизведение жизни есть главная задача искусства, но часто его произведения имеют и другую задачу: объяснять жизнь, или быть приговором о явлениях жизни». И произведения Погорелова, действительно, художественно воспроизводили жизнь и произносили приговор над явлениями жизни», — пишет М. А. Сигов *. Воспитанный на традициях революционно-демократической эстетики, Погорелов считал, что произведение искусства должно быть прежде всего высокоидейным, насыщенным самыми жгучими и большими вопросами современной жизни народа, благородным пафосом обличения господствующего зла и противодействия ему.

Занятия Погорелова эстетикой носили систематический и целеустремленный характер. Его привлекала проблема соотношения эстетических взглядов Чернышевского и Льва Толстого, и он поставил своей

* Архив литературного музея Мамина-Сибиряка в г. Свердловске, фонд А. Погорелова, инв. № 3775, стр. 5.

задачей составить подробные конспекты их сочинений по эстетике. В зарубежной эстетике его занимали книги Гийо и Прудона. К сожалению, из всех конспектов Погорелова по вопросам эстетики сохранился лишь конспект книги Гийо «Искусство с точки зрения социологии» и критические заметки к ней.

Архивные материалы отражают и некоторые моменты в процессе выработки Погореловым философских взглядов. В области философии Погорелов стоял на материалистических позициях. В раннем своем сочинении «Об относительном и абсолютном», относящемся к 80-м годам, в очень простой форме Погорелов говорит о материи, о чувствующем человеке, на которого воздействуют материальные силы, об относительных понятиях, которые могут все более и более приближаться к абсолютной истине в процессе познания. Погорелов подчеркивает, что представления человека о времени, протяженности, величине всегда идет от конкретного, от окружающей действительности, в которой мы сравниваем предметы. Этот маленький философский набросок не закончен, но и по началу его уже определяется материалистический подход автора к трактовке природы и воздействия сил природы на человека *.

Второй документ, озаглавленный в описи архивного фонда Погорелова в ЦГАЛИ «Диалектика, материализм...», указывает на то, что Погорелов пристальное внимание обратил на философские труды Маркса и Энгельса. Он изучал Предисловие к «Критике политической экономии», частью конспектировал этот труд, обращался к сочинениям Энгельса. При этом он сплошь и рядом верно схватывал суть марксизма. В начале своей статьи, где Погорелов пытается изложить, как он понимает важнейшие положения марксизма, он пишет: «В духовном творчестве Маркса слились три крупные умственные течения новейшего времени: английская политическая экономия, французский социализм и немецкая философия — и дали новый и совершенно своеобразный продукт» **. Говоря так, Погорелов проявил глубокое понимание источников марксизма, а также нового качества этого учения.

* См. ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 73.

** Там же, ед. хр. № 96, л. 1.

Далее Погорелов продолжает: «От немецкой идеалистической философии Маркс и Энгельс формально сохранили ее диалектический метод; но, поставив гегелевскую диалектику «на ноги» (по выражению Энгельса), т. е. вложив в чисто формальный метод совершенно реальное содержание, Маркс проводил под этим названием две точки зрения: 1) эволюции и 2) относительности. Все развивается: абсолютных истин и абсолютных понятий нет. Социологическое учение Маркса (экономический, исторический и диалектический материализм или материалистическое понимание истории), хотя *генетически* и связано с метафизическим материализмом, но, по своему существу, является независимым от какой-либо метафизической доктрины. Лежащее в основе этой концепции положение о первенстве бытия над сознанием, равно как и положение о бессознательном характере общественной эволюции, не имеют у Маркса метафизического характера, а выводятся им из исторических фактов. Материалистическое понимание истории, служащее фундаментом научной системы и практических идеалов Маркса, он сам сформулировал в следующих положениях...» * Затем следует близкое к тексту оригинала изложение знаменитого места из Предисловия к «Критике политической экономии»: «В общественном производстве, служащем поддержанию жизни, люди вступают в определенные, необходимые, не зависящие от их воли отношения, которые соответствуют определенной ступени развития материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальный базис, над которым возвышается *юридическая и политическая* надстройка и которому соответствуют определенные общественные формы сознания. Способом производства материальной жизни обуславливаются социальный, политический и духовный процессы жизни. Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производственные силы общества приходят в столкновение с существующими производственными отношениями, в рамках которых они до тех пор существовали, — или, что есть лишь юридическое выражение того же явления, с

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 96, л. 1.

отношениями собственности. Тогда наступает эпоха социального переворота. (Предисловие к *Zur Kritik...*) *. Это положение Маркса Погорелов осмысливает так: «Таким образом, производственные отношения, т. е. тот самый базис, на котором вырастает политическое и общественное сознание общества, у Маркса понятие социально-юридическое. Но, как мы видим, эволюцию самих производственных отношений он ставит в зависимость от развития производительных сил, т. е. от власти человека над природой, которая выражается в технике. Никакая общественная организация не погибает, не развив...» ** На этом обрывается запись.

Наряду с глубоким пониманием ряда положений изучаемой теории, у Погорелова, конечно, неточна и несовершенна терминология. Писатель не дифференцирует понятий диалектического и исторического материализма, хотя в поисках термина, определяющего «социологическое учение» Маркса, проявляет понимание сути его, когда пишет: «экономический, исторический или диалектический материализм или материалистическое понимание истории».

Погорелов ошибочно приписывает Марксу простое отрицание абсолютных истин, не усвоив Марксовой диалектики категорий абсолютной и относительной истины. В то же время следует учесть, что в этом месте конспекта он подчеркивает главное, что имел в виду здесь выразить, — идею развития («Все развивается: абсолютных истин и абсолютных понятий нет»).

Погорелов хорошо понял взаимоотношение производительных сил и производственных отношений, но определяет производственные отношения в учении Маркса, как якобы понятие «социально-юридическое». Трудно судить по этому краткому отрывку, то ли это у писателя только терминологическая путаница, или проявление более глубоких влияний на него идеалистических концепций, усложнявших процесс усвоения им марксизма.

Но симптоматично само стремление писателя к изучению марксизма. По сравнению с писателями-предшественниками он делает шаг вперед в выборе самого направле-

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 96, л. 1 цитируется так, как в рукописи А. Погорелова. С текстом К. Маркса в рукописи А. Погорелова есть целый ряд разночтений, не искажающих смысл оригинала.

** Там же. Цитируется по рукописи А. Погорелова.

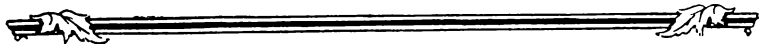
ния своего философского развития. Однако ряд усвоенных Погореловым марксистских положений не стал органической основой его мировоззрения, не внес существенных изменений в общедемократический смысл его творчества. Погорелов не постиг действительного значения марксизма. Он не понял главных политических выводов, к которым приходит К. Маркс: о совершении пролетарской социалистической революции, установлении диктатуры пролетариата. Это особенно сказалось впоследствии в его попытках вывести в своих произведениях образы марксистов, которые у него высказываются в духе легального марксизма. Сам того не желая, Погорелов в этих своих попытках показать марксистов скатывался на путь либерализации марксизма.

Однако обращение к трудам Маркса, Энгельса укрепляло Погорелова на тех материалистических позициях, которые он усваивал еще раньше, при чтении Белинского, Герцена, Чернышевского, и открывало перед ним величие качественно новой философии (это он понимал), весь смысл которой писатель-демократ до конца все же не постиг.

Итак, подготовка Погорелова к литературному творчеству была серьезной и длительной. Она складывалась из накопления большого опыта практической общественной деятельности, богатого жизненного материала, ознакомления с русской и мировой классикой, изучения эстетических теорий и занятий философией.

Писать Погорелов стал рано, в начале 80-х годов. Но он был чрезвычайно скромн и, главное, требователен к себе и долго не решался выступить в печати. Первое свое произведение он опубликовал, когда ему было уже тридцать пять лет.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕРМСКОГО ПЕРИОДА

Первым выступлением Погорелова в печати был рассказ «Мрак», опубликованный в двенадцатом номере журнала «Русская мысль» в 1895 году. Содержание рассказа, как верно отметил анонимный критик «Русского Богатства», складывается из двух тесно сплетающихся между собой элементов: психологического и общественного. Общественная линия в рассказе отражает «густую сеть пошехонских чудес», которой были опутаны трудящиеся массы Урала.

В основу повествования Погорелов взял типичное явление пореформенной уральской действительности: глубочайший, на целые десятилетия затянувшийся кризис промышленности и связанные с ним бедствия народа, страдающего от нищеты, безработицы, беззакония и дикого произвола заводской и сельской администрации.

Под именем Верх-Камышинского завода Погорелов изобразил громадное имение с тысячами крепостных рабочих, принадлежащих когда-то большому барину, жившему постоянно в Петербурге и за границей, потом взятое в казенное управление и оказавшееся для казны сущей обузой. Писатель рельефно нарисовал остановившееся производство, безобразные развалины заводских строений. Перед читателем возникает «кричная фабрика с рухнувшею внутрь корпуса крышей, развалившаяся и размытая дождем доменная печь, покачнувшееся набок здание бывшей заводской конторы с зияющими окнами без рам, голые черные остовы истлевших заводских сараев». Производительность давным-давно бездействующих Камышинских заводов «умерла вместе с крепостным

правом». Пруд, бывший источником энергии для завода, обмелел, шахты засыпались землей и обросли лесом. «Навсегда умолк перекрестный стук кричных молотов, грохот машин и могучие вздохи доменных печей», — пишет автор. Безденежье стало хроническим недугом заводууправления, те, кто числился еще зависимым от завода, не получали жалованья по несколько лет и превратились в хищную шайку грабителей, растаскивавших имущество завода, истреблявших лес.

Используя документальный материал, вплетая его в художественную ткань, Погорелов создал типичную картину экономического положения многих уральских заводов конца века — картину разорения, запустения, разрухи.

Большое значение в сюжете рассказа имеет дело погорельцев. В заводе произошел пожар, уничтоживший более двухсот пятидесяти дворов. Погорельцы ходатайствовали о лесе для новых изб, им предоставили для вырубki лес, к которому нет никакого проезда. Для решения затянувшегося дела был прислан из губернии управляющий Камышинскими заводами горный инженер Псалтырин. Мужики целыми часами стояли без шапок у ворот, мокли на дожде, плакали, кланялись в ноги, угрожали жалобой исправнику, губернатору, «высшему правительству». Положение их было вопиюще: жили кто в бане, кто в амбаре, кто в шалашике из досок, на холоде, под дождем с маленькими детьми, питались милостыней, не имели ни крова, ни хлеба, ни работы.

Псалтырин понимал, что все дело погорельцев уже заранее решено в сговоре заводского смотрителя Голубева и старшины, которые за большую взятку предоставили мужикам право рубить лес, где они хотят.

После пространного и точного изложения дела Погорелов ведет дальнейшее повествование преимущественно в форме диалогов, в которых очерчиваются типы тех, кто творил преступления против народа.

Отрицательные образы заводского смотрителя Голубева и сельского старшины, «мироеда» Тихона Ивановича, наиболее удались автору. Голубева в народе называли Иродом, и меткость этой клички раскрывается прежде всего во внешности и речевой манере смотрителя. У него деревянное лицо, безжизненная походка, сухой смех и «общие», осторожные слова, за которыми он старается

скрыть правду. Он принимает любое предложение Псалтырина относительно погорельцев, потому что у него все заранее определено в блоке со старшиной и он убежден, что все будет так, как хочет он. Он уже объявил мужикам, что с каждого двора возьмет за лес по двадцать рублей. Староста более труслив, менее умен, чем Голубев, но «плести сеть лжи» он умеет не хуже Ирода. Речь старосты насквозь фальшива, он может настроить свой голос на искренние нотки, освоив все приемы лицемера. Он притворяется, будто бы жалеет погорельцев и действует движимый этой «скорбью», а сам уже давно роздал кулакам деньги, собранные для погоревших бедняков. Все прямые вопросы Псалтырина он отклоняет, затемняя дело бессмысленными фразами с обильным употреблением слов-паразитов: того, этого, именно и т. д.

В сцене на улице диалог этих двух мироедов построен в виде чрезвычайно коротких реплик; в словах, кажущихся бессмысленными, скрывается потайной смысл, понятный им обоим. Вот староста хочет склонить Ирода к тому, чтобы тот сбавил цену на лес, наложенную на каждый двор, потому что она мужикам непосильна, а он боится их возмущения:

«— Ты бы того... что ли... этого...

— Чего?

— Как-нибудь того бы, а? Какого лешего в самом деле.

— О чем ты?

— Да ты бы того... сбавил маленько, а?

— Чего сбавил?

— Ну вот! Ведь мы один на один. Ты бы по-божьи... по пяти рубликов, а? Чудесное бы дело!

— Десять, меньше ни копейки».

И ниже:

«— ...ты бы поопасался маленько того.

— Чего поопасался?

— А того... такая штука, что разговоры идут нехорошие.

— Какие разговоры?

— Сам знаешь, какой у нас народ... самый отчаянный.

— Ну?

— Ну вот, и идут разговоры. Говорят: «Что Ионычу было, то и ему будет». Про тебя, значит.

Голубев побледнел: Ионыч был вальдмейстер, которого убили».

Но для запугивания народа у Голубева имелись свои средства: «доводить» протоколами, угрожать тюрьмой, потому что каждый мужик побывал в лесу для самовольных порубок.

Вскоре Псалтырин узнал, что староста из волостных страховых денег выложил Ироду всю сумму за лес, и этим разоблачением страшно напугал старосту. Голубев же воспринял это с полным спокойствием, потому что Псалтырин был у него, «как муха в тенетах»; если бы он вздумал уволить смотрителя, надо было бы передавать имущество, вскрылась бы крайняя запутанность дел, система страшных преступлений, совершенных при попустительстве Псалтырина, который к тому же был должен кассе. Поэтому в конечном счете восторжествовал Голубев.

Рассказ делится на шесть глав, но более ощутимо для читателя другое деление — по внутреннему смыслу, по содержанию, — на две части: в первых четырех главах преобладает материал социальный, в последних двух повествование переключается в психологический план (не утрачивая, однако, и социального смысла). Психологическая тема связана с Псалтыриным. Его история — это история морального падения интеллигента под влиянием обстоятельств, которым он не сумел противостоять. Мучения «больной совести» человека, не нашедшего выхода, заканчиваются безобразным запоем.

Псалтырин в молодости был смел, жизнерадостен, исполнен благих намерений и блестящих надежд на «благоденствие человеческого рода вообще и местного населения в частности», говорит не без иронии автор. Теперь, после участия его в деле с погорельцами, эти надежды казались ему возмутительным лицемерием и обманом. Он подвергает беспощадному анализу существующие порядки и свое собственное поведение, разоблачает эти порядки, а себя осуждает за то, что умеет негодовать лишь на словах, а сам же всему покоряется, например, он униженно просил Голубева остаться на должности смотрителя. Он было пытался усыпить свою совесть мелкой «правдишкой», выражаемой словами: «Не все ли равно? Наплевать!» Но на этом не успокоился, впал в отчаяние, затосковал. Он мысленно обличал теперь не одного Ирода, а все нравы

в бюрократическом мире, «мерзавцев покрупнее Ирода», которым он, однако, при встрече пожимал руки. «Разве не везде одно и то же: грабеж, насилие, без стыда, без совести, без малейшей жалости к человеку!..» — думает Псалтырин. Он считает, что все на свете бессмысленно и нелепо, впереди один мрак, пустота. Он не имел представления о живых и честных силах эпохи, он пришел к выводу, что кругом одна подлость, паразиты, тунеядцы, честных людей нет; собственная служба — сплошное фарисейство, покорность подлецам, драпировка в тогу бескорыстия и благонамеренности. Псалтырин искренне и тяжело переживает это осознание своего падения и царящей вокруг лжи. Теперь все представляется ему безобразным: и дочь Катя, и сын — «умеренный и аккуратный Митя», заводящий уже в девятнадцать лет «полезные связи», довольствующийся общими местами, ровный и холодный — «этот Молчалин». Разоблачение Мити, будущего чиновника, уже смолоду готового стать послушным орудием реакции, дается в рассказе с помощью гениальных грибоедовских и щердинских образов и политических формул великого сатирика («умеренность и аккуратность» у Грибоедова и в новом осмыслении у Щедрина — формула либерального предательства и приспособленчества).

Продолжая традицию Щедрина, разоблачавшего исподличавшуюся либеральную интеллигенцию, пополняющую ряды царской бюрократии, Погорелов называет Митю именем одного из Щердинских персонажей «Митенькой Козелковым», «будущим помпадуром».

В истерических пьяных выкриках и речах Псалтырина в конце рассказа противоречиво сочетаются и пессимизм, и бессилие, и разум, стремление к большой правде, которую он, конечно, в его положении не обретет. И в этом его трагедия. Прав критик «Русского Богатства», который указывает на трактовку автором этого морального кризиса Псалтырина, кризиса, не обещающего возрождения к новой жизни. Он пишет, что в густой сети «пошехонских чудес» с фатальной неизбежностью запуталась слабая душа интеллигента, однажды вступившего на путь активного участия в процессе созидания этих чудес, запуталась до того, что он «утрачивает если не самый образ человеческий, то, по меньшей мере, уверенность в

своем праве именоваться человеком» *. Критик говорит о судорожном усилии Псалтырина разорвать сплетение лжи, хищений, плутней, образовавшихся годами, и о полной несостоятельности его в этом стремлении. Это трагедия «больной совести», трагедия — «столь же серая и будничная, как и породившая ее житейская обстановка, но именно своей заправской подлинностью, совершенно лишенной элемента «выдумки» (к чему она, если действительность диковиннее всякой фантазии?), неотразимо захватывающая читателя, перед которым встает удивительно целостная, законченная и гармоничная в своем роде картина поистине непроглядного и безысходного «мрака» **.

В рассказе «Мрак» Погорелов — суровый обличитель эксплуататорского мира. В нем чувствуется сильное влияние Салтыкова-Щедрина в манере создавать общую мрачную атмосферу, используя для этого прием соответствующей эмоциональной окраски пейзажа и всей обстановки, окружающей героя. В начале рассказа его мрачное содержание предвосхищается описанием господского дома в Камышинском заводе, где остановился Псалтырин. Здесь все говорит о разрушении, распаде: покосившиеся полы, обвалившаяся штукатурка лепных потолков, голые, ободранные стены. А за окном — тусклое, дождливое осеннее утро. «Дождь монотонно отбивал непрерывную дробь, и водяные струйки, как бесконечные слезы, торопливо сбегали вниз по стеклу, перегоняя друг друга», — пишет автор. Монотонный шум дождя, «прихотливо-тоскливая песнь потухающего самовара» — своеобразное музыкальное сопровождение к тяжелым думам Псалтырина.

Еще мрачнее пейзаж в конце рассказа, когда рисуется отъезд Псалтырина с завода: «Непролазная грязь, темно-синее, хмурое небо, холодный, насквозь пронизывающий сыростью ветер, мокрые заборы, мокрые крыши, черные стаи галок на колокольне, хмурые лица встречающих мужиков и баб — все казалось проникнутым безнадежной тоской, скукой, хандрой». Погорелов встречал в «Господах Головлевых» Щедрина высокий художественный образец сгущения хмурых, безобразных деталей в доме Головлевых и в природе, символизирующих распад, гниение

* «Русское Богатство», 1901, № 3, стр. 30—31.

** Там же, стр. 31.

помещичьего гнезда. В рассказе «Мрак» он пошел по пути применения этого выразительного приема.

Первый рассказ Погорелова демонстрирует характерный и для всего его последующего творчества интерес к психологической теме. Он широко использует прием внутреннего монолога, заполнившего значительные части глав 4-й, 6-й и всю главу 5-ю целиком. Автор цитированной выше рецензии пишет о мастерстве психологического анализа в рассказе «Мрак»: «Очень также удаются г. Погорелову отдельные психологические моменты, и, например, картину душевного состояния Псалтырина (в очерке «Мрак») смело можно назвать незаурядною по художественной законченности и силе» *.

Проблеме интеллигенции, ее мучительных идейных исканий и разброда посвящен очерк Погорелова «Среди ночи» («Русская мысль», 1897, № 5). В нем речь идет о том духовном кризисе, который переживала большая часть интеллигенции в эпоху дикой и разнузданной реакции 80-х годов. На построении очерка сказалось влияние вступительной части герценовского рассказа «Сорока-воровка», где приведен спор трех представителей различных идейных течений 40-х годов: славянофила, западника-космополита и лица, выражающего мысли самого автора. Весь очерк Погорелова тоже представляет собою спор трех интеллигентов, который невольно подслушал автор, проснувшись ночью на камском пароходе. Собеседников Погорелов называет одного белокурым (агронома), другого — черноватым (земского врача), третий выступает почти без примет и без реплик. Погорелов пишет: «За столом сидели трое интеллигентов и вели интеллигентные разговоры». Таким образом, главная проблема очерка, проблема идейной жизни интеллигенции подчеркнута в самом начале. Темой этих разговоров являлись вопросы: куда идти, в какие идеалы верить, как жить? Белокурый ополчился против «отрицательной литературы» — литературы Щедрина, Успенского, против всего сатирического направления, которое якобы критикой, показом безобразного, пошлого отняло положительный идеал, в результате чего людям, находящимся под влиянием этой литературы, стало неизвестно, для чего жить, и они впали в апатию, превра-

* «Русское Богатство», 1901, № 3, стр. 32.

тились в лишних людей. Им якобы ничего не говорили о том, что прекрасно.

Эта критика «отрицательного направления» весьма ограничена. За обличением, отрицанием у Гоголя, Щедрина и Успенского стояли великие положительные идеалы, во имя которых и производилось отрицание всего отжившего, реакционного. И второй собеседник, черноватый, опровергает мысли первого: «Ну, уж тут ты просто врешь. Та же литература всегда давала и нечто положительное, она всегда указывала нам идеалы: вот как должно и вот как нужно, вот где истина, правда, справедливость...»

Однако понять значение этих идеалов, проникнуться ими, почувствовать их животворную силу многие интеллигенты не сумели. В дальнейшем споре агроном стал нападать уже не на критику в демократической литературе, а на ее идеалы, думая, что именно идеалы будущего помешали в настоящем молодому поколению стать пригодным к жизни: «Ты инженер, должен приложить свои знания на предприятии, капитале или купоне, как выражается Глеб Успенский. Но идеалы не позволяют поддерживать купонный строй жизни... ты не можешь смотреть на себя просто, как на рабочего, продающего свой труд, ты сознаешь в себе интеллигента, носящего в себе сознание своего долга народу». Агроном сетует на эти идеалы, потому что они помогают понять, что все служат капиталу. Отсюда мучения совести, ненависть к своей деятельности, на которую приходится смотреть, как на предательство. Это повторяет мучения купринского героя, инженера Боброва, трагически воспринимающего свое служение ненавистному Молоху, воплощающему в его сознании капиталистическую эксплуатацию.

Утрата идеалов, отсутствие большой идеи трагически воспринимается лучшими из интеллигентов, застрявших на бездорожье. Агроном, рыдая, взволнованно повторяет: «Но так жить нельзя. Нельзя жить, постоянно себя презирая... Как хотите, это противоестественно, и нужен какой-либо выход...» Он понимает, что там, где нет веры в лучшее будущее, человек неминуемо приходит к нравственному и умственному одичанию. Он призывает хотя бы лживого пророка, который красивым обманом оживил бы сердца. Этим его мыслям созвучно предсмертное стихотворение Надсона, тоже призывающего пророка, хотя бы лживого.

Позиция лирического героя, повествователя, оценивающего все услышанное, тоже противоречива. С одной стороны, ему хотелось обличить неверие и малодушие белокурого, крикнуть ему, что он лжет, что вера в идеалы не угасла, что он клеветает на людей. С другой стороны, он не знает, какие бы аргументы он мог привести в подтверждение своей веры. В состоянии этой раздвоенности он чувствует себя совершенно разбитым. У него тоже не было широкой и ясной социальной программы, конкретного положительного идеала, сам он поддался настроению отчаяния, ощущению бездорожья. Сила же и значение очерка — в искренней, взволнованной передаче переживаний той части интеллигенции, которая тянулась к идеалу, но найти его не могла. В определенный исторический момент это была одна из существенных сторон русской идейной жизни. Погорелов пишет: «В самом деле, откуда все эти нравственные уродства и умственные убожества, которыми так кишит русская жизнь? Эта всеобщая вялость и дряблость мысли, притупленность чувств, помрачение совести, отсутствие живых стремлений, лень, безжизненность?» Автор много и мучительно думал над этими вопросами.

По своим мотивам очерк «Среди ночи» перекликается с замечательной чеховской повестью «Скучная история». Чехов показывает трагедию честной интеллигенции в буржуазном обществе, интеллигенции, понимающей, что жизнь без главной идеи — ужасна, что идея — это «бог живого человека», и в то же время не находящей этой большой цели, главной идеи. Персонажам погореловского очерка присуща та же страстная напряженность переживаний, что и героям чеховского рассказа.

В конце очерка, вопреки всему его мрачному колориту, все же прорвалась по-чеховски светлая вера в будущее в противопоставлении двух пейзажей. Ночь, темноты которой не разгоняли тускло светящиеся звезды и кроваво-красный серп луны, вышедшей из зловещих облаков, сменилась рассветом, зажегшим на востоке светлую полосу. «И глядя на нее, я подумал, что пройдет еще немного времени, и она разгорится в целое зарево света, рассеется тьма, исчезнут ночные призраки, взойдет солнце, и тогда все оживет, встрепенется, заблестит и заиграет всеми цветами радуги...» У Чехова в ряде рассказов мы встречаем подобную пейзажную символику, выражающую

веру в грядущее обновление жизни. При всей своей абстрактности, концовка очерка была попыткой Погорелова смягчить его трагедийный колорит и закончить мажорной нотой, потому что и в минуты сильнейшего отчаяния он верил и в человека, и в жизнь.

В 1899 году Погорелов выступил в «Русском Богатстве» с первым крупным произведением — «Перед грозой». Журнал определяет жанр произведения как повесть, однако критика единодушно назвала его романом. В. Г. Короленко непосредственно содействовал напечатанию этого романа.

Действие в романе происходит на протяжении десятилетия, приблизительно с середины 80-х до середины 90-х годов. События разворачиваются в «горном крае», для характеристики которого Погорелов черпал материал из жизни Пермской губернии, крупного центра горнозаводской промышленности.

Неизвестный автор рецензии, помещенной на роман в «Русском Богатстве», пишет о некоторой тематической близости рассказа «Мрак» с романом «Перед грозой»: содержание обоих произведений складывается из двух тесно сплетающихся между собой элементов — психологического и общественного *.

В романе прослеживается идейная эволюция интеллигента Николая Ивановича Толмачева, который в силу определенных социально-исторических обстоятельств и своих субъективных качеств превращается в прекрасного земского агронома и деятельного земского начальника, служащего интересам заводчиков, объективно ставшего послушным орудием в руках господствующего класса.

Жизненному пути Толмачева противопоставляется жизненный путь Петра Филипповича Чагина, сначала ходатай по делам крестьян, подвергшегося полицейским репрессиям, затем столичного литератора и общественно-го деятеля. В конце романа эти бывшие приятели резко расходятся.

Как правильно замечает рецензент «Русского Богатства», «центр тяжести, главный интерес романа «Перед грозой» лежит, впрочем, не в психологии Николая Ивановича, а также и не в личности Чагина..., а в тех широких

* См. «Русское Богатство», 1901, № 3, стр. 30.

бытовых картинах, которые автор разворачивает перед нами с несомненным повествовательным талантом и основательной *connissance de cause*» *.

В романе изображаются картины деревенской и заводской жизни, положение народа, его нищета, темнота, бесправие; автор приводит вопиющие факты беззакония заводовладельцев и административных властей, аппарата, обслуживающего уральских магнатов. Эти факты и картины не выдуманы, а взяты «с натуры», художественно обобщены в яркой, выразительной форме.

Характеристика изображенного края и народной жизни вложена в уста Чагина на одной из последних страниц романа: «...прощай и ты, горная страна, где с первых дней твоей исторической жизни царит жадное корыстолюбие и произвол, где искони тысячи человеческих жертв приносятся Молоху... страна, где до сих пор не исчезло рабство, немая и безмолвная, как эта пустыня под сумраком ночи...» Эти слова можно было бы поставить эпиграфом ко всему роману.

Большое значение в произведении имеет тема обезземеления крестьянства, тема, которую редко обходил писатель того времени, если он отражал русскую жизнь с народных позиций. В романе Погорелова эта тема земли, страданий обезземеленного крестьянства и борьбы его за землю раскрывается главным образом через трех мужиков, несколько раз выходящих на первый план в сюжетном развитии романа. Это ходатаи от «общества», ведущие изнурительную тяжбу с помещиком Смолиным, отнявшим у крестьян землю. «Сто лет жили на земле мужики, считая ее своей неотъемлемою собственностью, платили подати, отбывали повинности, и вдруг, по щучьему веленью, оказались живущими на земле почтенного Петра Петровича», — говорит Толмачев Марье Ивановне, жене Смолина. Мужики не покорились, началась тяжба. Николай Иванович объясняет Смолиной, что такое мужицкая тяжба для самих крестьян: «Обивать пороги, валяться в ногах у властей, стоять сутками у подъездов, писать бестолковые жалобы, пропускать сроки, попадать в руки проходимцев, терпеливо переносить насмешки и оскорбления, мыкаться в кромешной тьме канцелярской волокиты и ровно ничего не понимать — вот мужицкая тяжба!»

* См. «Русское Богатство», 1901, № 3, стр. 32.

Толмачев разоблачает хитрую провокационную политику Смолина, стремившегося вызвать мужиков на бунт. Помещик знал, что подавление этого бунта будет делом несложным и только укрепит его позиции: исключит возможность всякого заступничества за крестьян и разобьет у них самих последние иллюзии, докажет им всемогущество помещика и властей. Так и было. Мужики были побеждены и прекратили тяжбу. Но жизнь делалась для них все более невыносимой. Через некоторое время тяжба возобновилась. Этому способствовало и вмешательство Чагина, которого крестьяне сделали своим поверенным как раз тогда, когда Смолин решил заложить деревню Неволинку в банк и окончательно согнать крестьян с земли.

Образы мужиков запоминаются благодаря своей рельефности, правдивости и теплоте, с которой они обрисованы автором. Погорелов испытал сильное влияние Толстого, его «Плодов просвещения»: погореловские мужики иной раз прямо повторяют реплики трех толстовских мужиков, даже роли между ними распределены сходно. И в то же время они у Погорелова настолько оригинальны и идут от самой жизни, что не могут восприниматься как простое подражание великому литературному образцу. При всей несоизмеримости талантов Толстого и Погорелова, сходство созданных ими образов рождалось близостью к жизни обоих писателей.

«Главкомандующий» среди этих трех ходоков у Погорелова — Парфен Лукич Мухин, человек лет сорока пяти, с черной бородой и сердитыми глазами («черный мужик»). Второй — Лука Парамоныч Ухарев — лет пятидесяти двух, высокий, худощавый, белокурый, с выражением глубокой затаенной тоски в голубых, детски-наивных и мечтательных глазах. Третий, глухой семидесятилетний старик, с седой как лушь бородой, «хожательский казначей» — Иван Степанович Пимокатов. Он держит за пазухой мирской кошелек. Чагин характеризует старика так: «Он стар и глух, как и все казначеи, но к делу рачителен. Он же и контролер: он не даст ни одной копейки, пока не убедится, что она имеет правильное назначение... Собственно, вполне правильными он считает только две категории расходов: на марки и на взятки. Взятки мы не даем, но старик глух и объясняться с ним тяжело, поэтому значительную часть расходов мы относим для старика в эту последнюю категорию. На содер-

жание в городе он выдает каждому по 15 копеек в день, а себе берет только десять. Конечно, все трое живут впроголодь».

Пимокатов, совсем как толстовский третий мужик, говорит: «На фатеру теперича пойдем, али как?» А высокий белокурый повторяет реплику: «О господи!»

Погорелов правильно показал сильные и слабые стороны сознания крестьян: их протест, невозможность далее мириться с существующим положением, преданность делам общества и незнание путей, по которым надо идти, надежду на «начальство» и отчаяние. Им кажется, что средством решения всего их дела был бы наем землемера для составления плана принадлежащих общине земель, с которых помещик теперь согнал мужиков. Однако, говоря о плане, Мухин чувствует, что это не то, что настоящего-то пути он не знает, и в словах его звучит неподдельная тоска: «Во тьме ходим, соколик, как в темном лесу... Разорились в корень... Царица небесная!» Но все они твердо знают одно: «Наш хлеб и сено наше — больше ничего!»

Возмущение неволинских мужиков наконец приняло грозную форму, и когда их ходатаи продолжали свои хлопоты в городе, крестьяне в имении сделали покушение на Смолина. Проснувшись, помещик вышел в сад и только спустился с террасы, как грянули два выстрела, и сбежавшиеся увидели его плавающим в крови. Скоро выяснилось, что рана не опасна.

По подозрению в совершении этого покушения были арестованы трое мужиков-ходатаев и посажены в тюрьму. Погорелов подробно описывает ход следствия. Показания свидетелей были искусно подтасованы и направлены на признание ходатаев виновными, причем отметались все неудобные для обвинения показания и детали, которые могли внести в ловко составленное обвинение «путаницу» (то есть, в действительности, ясность).

Отдельная глава романа посвящена изображению процедуры суда, где появляются мужики-подсудимые, ошеломленные многолюдием, блеском мундиров, торжественностью обстановки. «Они шли, спотыкаясь, как слепые, в серых арестантских халатах, понуждаемые двумя солдатами, и долго не могли понять, чего от них хочет маленький господин с цепью на шее». Мухин похудел, осунулся, с лица его сошел здоровый деревенский загар

и сменился землистой тюремной бледностью; прежняя суровость сердитых черных глаз смягчилась затаенной грустью и покорностью судьбе. Спутанные волосы и широкая окладистая борода наполовину поседели. Своими детски-наивными, мечтательными глазами смотрел на судей белокурый мужик. Старик, у которого заметно тряслась голова, еще больше оглох в тюрьме и на вопросы председателя отвечал: «Не чую», «Как меня зовут? На вот! Разве ты не знаешь? Ну, Иваном».

Мужики были оправданы. Землемер Сопелкин, нанятый ими за двести рублей для составления плана, показал на суде, вопреки своим показаниям на следствии, что как раз в те минуты, когда в усадьбе Смолина произошло покушение, они были в городе, у него на квартире, по делам общества. Как к чтению обвинительного акта мужики отнеслись совершенно безучастно, так и оправдание сначала восприняли с видом тупого недоумения, но когда, наконец, поняли, в чем дело, перекрестились широким крестом и упали в ноги перед судом.

Такова в романе «мужицкая эпопея», отражающая типичные черты крестьянской пореформенной жизни.

Урал с его пестрым национальным составом давал писателю материал и для другой не менее скорбной эпопеи — башкирской. Тема ужасного положения малых национальностей в царской России — «тюрьме народов» — затронута в отдельном эпизоде, но он так художественно силен, что выступает в ряду важнейших мест произведения. Заключается этот эпизод в следующем.

Объездчики, лесники, под предводительством Петухова, помощника управителя имениями князя Рукавицына, учинили дикую зверскую расправу над башкирами, которых поймали с лыками. Башкир всего трое, а пьяных лесников-истязателей двенадцать человек. Башкиры увезли лыки не с рукавицынской дачи, а... со своей собственной. На недоуменный вопрос Толмачева, свидетеля всей страшной сцены, — «Как же это так?» — один мужик объяснил: «А так. Без билета. Татаришки дураки начальникам приговор дали, чтобы без билета не возить. За билет деньги надо, а где татарину взять? С голоду, собаки,дохнут, ну и воруют свой лес без билета. У них свой караул, там-то пропустят, так опять здесь рукавицынские ловят. Поймают и сваливают во двор. Дрова валят, лес валят, лыки ли, мочало ли — им все единственно. Гляди,

весь двор завалили, после продавать зачнут...» В рассказе крестьянина то и дело мелькает брань — «собаки, поганные», — выражающая отношение к башкирам, внедрявшееся националистической пропагандой царских властей и церкви. Но несмотря на это, в словах крестьян слышится сочувствие обездоленным, угнетенным татарам, которые «тоже пить-есть хотят», «с голодной смерти воруют». Крестьяне понимают, что у них с этими несчастными людьми один общий враг.

Когда Толмачев кинулся к самому месту преступления, его глазам представилось «страшное, возмутительное зрелище». Описание этого зрелища полно зримых, потрясающих образов, написано писателем кровью его сердца.

Все трое башкир, окровавленные, без тубетеек, валялись на земле и визжали высокими, пронзительными голосами. Одна партия пьяных лесников била их, а другая разгружала возы. «Вдруг один из башкир рванулся, вскочил на ноги, отчаянно и нелепо замахал руками, подбежал к груде лык и с необыкновенным проворством стал складывать их обратно на воз. Он был в каком-то исступлении и, очевидно, не сознавал, что делал. За ним, спотыкаясь, падая и перегоняя друг друга, устремились пьяные и возбужденные дракой лесники. Окровавленный, растерзанный татарин, с искаженным, как у остервенелого волка, лицом, щелкнул зубами, изломал вязанку лык, сжал кулаки и, оскалив зубы, завыл, как зверь.

— Собака! Собака! — кричал и выл он, бестолково размахивая руками, как помешанный. И он, в состоянии крайнего умоисступления, продолжал выкрикивать эту единственную брань, которая застряла у него в горле, пока лесник не подскочил к нему и со всего размаха не ударил его по голове». Истязатели и их «вдохновитель» Петухов, с кулаками, «что пудовые гири, изувечившими не одного мужика на всю жизнь», представлены как воплощение чудовищно дикого насилия.

В той части романа, в которой повествуется о пребывании агронома Толмачева в деревне на борьбе с белым червем, портящим посевы, выведен интересный образ Сутяги. Через него дано резкое разоблачение произвола, душегубства, измывательств над народом, преступности власть имущих. Это обличитель, носящий в груди своей ненависть к угнетателям, всеми гонимый «деревенский пария», поднимающий свой голос за правду, за обижен-

ных. У него большой жизненный опыт, острый и неприимый ум, речь прирожденного оратора. В прошлом он был и приказчиком, и лесничим, и землемером, «пил человеческую кровь вместе с прочими», по его же словам, но взбунтовался против несправды, опутавшей всю жизнь, — и теперь гордится, что прогнан с завода за правду. При встрече с Толмачевым, в присутствии старосты, кулака и крестьян, он говорит ему: «Вот вы, ваше благородие, червей описываете, а вы бы лучше описали наши порядки и как мужики живут, какой они надел получили и за что выкуп платят». В страстной речи Сутяга клеймит все эти «порядки» и конкретных носителей зла.

Сутяга говорит о князе Рукавицыне, известном по всей империи владельце миллиона десятин земли, заводов, фабрик, золотых приисков; об управителе — немце Гельцермане, держащем в своих руках «все власти» и баснословно наживающемся на разорении крестьян; о карликовых, нищенских крестьянских наделах; о системе узаконенного разбоя, о котором он хорошо знает, потому что сам в нем участвовал, пока не заговорила совесть. «Была нас целая орава проходимцев — рассказывает Сутяга, — поверенные, землемеры, лесничие, чертежники. А тут еще казенные землемеры, мировые посредники... Пьянство, карты, разврат... Деньгами сорили, как щепками, потому что брали с князя и с крестьян... Что делалось, что только делалось — даже страшно, и не расхлебать мужикам во веки вечные». Сутяга говорит о том, как драли народ, припасая возов по десять розог, тиранствовали, разорили мужиков вконец, в надел после реформы оставили им косогоры да буераки. «Смешно сказать, живем, как звери в лесу, а топить нечем. Вы заметили, какие у мужиков хоромы, соломенные дворцы... Только у кулаков и дома, а то все свиные стойла. Лесу нет и взять негде. Раньше хоть у башкир пользовались, теперь и этому конец! Пошли новые порядки. Как расхитили башкирские леса, тогда за ум взялись: собрали соединенный сход трех башкирских волостей и заставили приговор дать, чтобы всякая рубка леса отдавалась на торгах под наблюдением начальства. Это лесопромышленникам, а крестьянам не иначе, как с согласия того же соединенного схода... Значит, шабаш! Подите-ка, собери теперь соединенный сход! Одним словом, обременили мужиков, да и башкирам смерть, потому что теперь они сами-то, дура-

ки этикие, не могут вывезти из дачи ни одного бревна... Сами у себя и воруют... А кому от этого польза? Опять же одному господину Гельцерману да вот разве что еще хозяину вашему Прохору Кузьмичу с братией... С чухонцем у них дружба, у наших-то мироедов...»

Сутяга хорошо понимает социальное расслоение в деревне, ненавидит «мироедов» и «живодеров». Он говорит, что будь его воля, он всех повесил бы на первой осине, этих кровопийц, окончательно съевших мужика. Сутяга глубоко заглянул в сущность отношений в пореформенной деревне и разоблачил бездну преступлений.

Гнев и протест Сутяги, а также его сочувствие народу проявились со всей отчаянной силой в момент избиения башкир. Лесникам, помощнику управителя Петухову он кричал: «Варвары!.. убийцы!.. звери!.. анафемы!.. убьет вас бог, убьет, убьет!.. будет и на вас суд!.. я до царя дойду, я правду сыщу... Изверги!..» Приступ гнева разрядился неудержимыми рыданиями.

Сутяга — правдоискатель, народолюбец, но он трагически одинок и путей к правде не знает. Он только в отчаянии и душевной муке, потрясенный побоищем, тоскливо твердит: «Есть бог!.. есть! Не может быть, чтоб его не было!.. Не может быть! Не может этого быть!..»

Образ Сутяги имеет некоторое сходство с образом обличителя, одинокого правдоискателя Михаила Ивановича из очерков Глеба Успенского «Разоренье», но Сутяга — человек с иным, чем у Михаила Ивановича, прошлым: к непримиримой ненависти к кровопийцам, мироедам Сутяга пришел из лагеря этих же кровопийц, а Михаил Иванович — из гущи рабочей массы.

Последняя часть романа вся насыщена социальным содержанием. Это определило ее публицистический характер. Однако автор старался сохранить приемы занимательного сюжетного повествования, и этот материал дан не в виде прямых авторских публицистических отступлений, а в форме рассказов действующих лиц, связанных с их сильными переживаниями. В этой части романа Николай Иванович Толмачев выведен уже земским начальником одного из горных округов. Повествование здесь менее живо и образно, потому что о заводских порядках рассказывается в монологах персонажей, а люди, массы не являются непосредственно действующими лицами. Описательный элемент

преобладает над конкретно-образным. Тем не менее описание горнозаводского быта расширяет рамки социальной тематики романа. Во всем повествовании автор проявляет превосходное знание социально-экономических, политических, правовых отношений в горнозаводском деле. Художник-демократ и здесь выступает как обличитель эксплуататоров и выражает горячее сочувствие трудящимся.

Погорелов показывает систему беспощадной капиталистической эксплуатации в горнозаводской промышленности, смешанной с пережитками эксплуатации крепостнической. Он изображает бедствия «полурабочих-полукрестьян». Кризис уральской промышленности, безработица, крайнее обезземеление населения, бесправное положение его, беспримерная по своему цинизму система насилий, произвола, ограбления народных масс — такова в романе обличительная картина предреволюционной жизни. И несмотря на то, что трудящиеся непосредственно не действуют в этой части романа, в ней все же четко вырисовываются два лагеря — угнетенных и угнетателей.

Наиболее индивидуализирован здесь образ главного управляющего заводами, горного инженера Сопегина. Это циник, откровенно ненавидящий и презирающий рабочих, сознающий свою огромную власть, не признающий законов, значения печати, норм морали. Ему присуща психология монополистов, чувствовавших себя «государством в государстве». В его разговоре с Толмачевым и судебным следователем раскрывается не только его психология, но и бедственное положение горнозаводских трудящихся. Сопегин говорит об избытке рабочих рук, из-за чего работа производится в три смены, то есть каждый рабочий одну неделю работает, а две «гуляет». «Работа дается им в виде особого снисхождения, — заявляет он, — и хозяева положения мы, заводская администрация... Если я откажу от работы, ведь ему, мерзавцу, прямо голодная смерть». Сопегин называет рабочих «людьми без логики»; по «логике» этого ярого угнетателя, рабочие, в силу своего положения, должны были особенно ценить работу, быть покорными, не «фордыбачить», не протестовать. Но эти «люди без логики» протестуют... И Сопегин перечисляет те особые меры, которые он принял, чтобы ввести их «в оглобли»: «Во-первых, штрафы, а главное — лесные порубки! Они воображали, что имеют какие-то права на

льготное пользование лесом, ссылаясь на уставную грамоту и обычай... Я доказал, что право их — мыльный пузырь, я доказал, что могу, если захочу, все население оставить без топлива... Они принялись было за воровство, но и это обошлось им недешево. Наконец, они убедились, кажется, что куда ни кинь — все клин. Особенно в делах о самовольном кошении... У меня теперь по этим делам до семисот исполнительных листов, от двадцати до трехсот рублей каждый. По этим листам я могу во всякую минуту описать у них все: дом, лошадь, корову, домашнюю рухлядь». Сопегину нужно, чтобы народ чувствовал, что находится у него в руках и пользуется покосами «не по праву, а по милости». На замечание судебного следователя, что народ очень недоволен Сопегиным, жалуется на него, тот отвечает, что интересы местного населения для него нуль, что он не намерен ни в чем руководствоваться соображениями филантропии, что неуклюжих, неумных, некультурных русских рабочих он с радостью сослал бы куда-нибудь на Сахалин и заменил бы их заграничными рабочими. Он знает, как ужасно положение мастеровых, которых завод совсем не обеспечивает, но он требует совершенного их обезземеления, ибо даже самого мелкого собственника не считает за рабочего и желает полной пролетаризации крестьян. Поэтому он всеми мерами сопротивляется закону от 15 мая 1893 года о наделении посессионных крестьян землей, требуя от земского начальника Толмачева пойти на преступление, но обойти этот закон, тем более, что его формулировка очень расплывчата, выражена так, чтобы удобно было его по-разному толковать, и что по поводу его невыполнения все согласовано в высших сферах и есть даже соответствующие инструкции.

Этот закон и события, связанные с ним в уральской жизни 90-х годов, имели большое значение, этим объясняется сосредоточенное внимание писателя на них. О сути этого дела Погорелов рассказывает в романе, пользуясь приемом «исповеди» Толмачева перед Чагиным. Толмачев кается, что стал во всей этой преступной истории «невольным» оружием в руках Сопегина.

В «исповеди» Николая Ивановича приводятся новые факты, характеризующие положение населения, не обеспеченного заводами, бродящего в поисках заработка. Мастеровые не получили земельных наделов, но факти-

чески они с давних времен пользовались выгонами, покосами, рощистями. Затем заводчики, узнав, что готовится закон о передаче во владение посессионным заводским мастерским земли, которой они пользовались не по найму от заводов, постарались заручиться доказательствами, что фактическими владельцами этих земель являются заводы (следовательно, эти земли не могут перейти в полную собственность мастерских). Заводская администрация повернула дело так, будто бы мастерские получили покосы в дополнение к заработной плате от заводоуправлений. Для этого она принудила их брать билеты на право пользования этими угодьями. Но народ, чуя обман, сопротивлялся, «стал стеной». За это мастерских еще сильнее преследовали, увольняли с работы, отдавали под суд. Однако билеты не брали. Народ боролся против новой попытки обезземелить его «на законном основании».

Погорелов не оставляет без внимания ни одну из темных сторон народной жизни. Он рассказывает и о преследовании кустарей-кузнецов, которых карают как браконьеров или контрабандистов, о железном голоде населения в этом крае железоделательной промышленности, о пожарах и опасной, разорительной для крестьян повинности по тушению пожаров и т. д.

Погорелов обличает шпионаж за рабочими и служащими, осуществляемый заводской тайной полицией, которая следила за всеми, изводила людей доносами, преследованиями. Если рабочий искал правды, его увольняли «по циркуляру» (нечто вроде волчьего паспорта) как неблагонадежного, и он никуда уже не мог поступить. Писатель вводит эпизодическое лицо—землемера Петровского, сочувствовавшего мастерским, дававшего им советы, за что он попал в замкнутый круг полицейского шпионажа и преследований.

В. Г. Короленко ценил роман Погорелова за широкую картину капиталистической эксплуатации и положения трудящихся. Он высказался о романе в своей статье «О сложности жизни» в том же номере «Русского Богатства», в котором были напечатаны и главы романа.

В своей статье Короленко пишет о быстром развитии капитализма в России, о том, что «условия промышленной эволюции» напирают на человека «самыми острыми и жесткими своими гранями» *. «Капитализм пришел, —

* «Русское Богатство», 1899, № 8 (11), стр. 190.

В. Г. Короленко. Фотография, подаренная А. Сигову.

пишет Короленко, — значит, звать его уже поздно. Он уже действует, а во многих местах даже властвует» *. Короленко считает, что фаталистически покоряться капиталистической эксплуатации нельзя, что надо «защищать» человека от рабства, насилия, дикостей капитализма. Он призывает глубже проникнуть в «сложности жизни» при капитализме и не забывать о них. Роман Погорелова он относит к числу таких произведений, которые помогают это сделать. «...Во имя «человека» и «человечности», во имя даже самого прогресса нам приходится то и дело вооружаться всем, что дает нам печатное слово, чтобы защитить тот или другой угол жизни от излишних притязаний капитала. Прочитайте печатающийся у нас роман г. Погорелова, и перед вами встанет яркая, выхваченная прямо из жизни картина порабощения «человека» промышленными владыками Урала... Г. Погорелов рисует систему «заводской тайной полиции» и атмосферу «заводской неблагонадежности на уральских заводах»... ** Короленко привлекает дальше корреспонденцию из Пермской губернии в «Северном курьере», в которой автор приводит факты полицейского надзора агентов заводоуправления за рабочими и их преследования, вплоть до увольнения, и указывает: «Корреспондент прибавляет, что явления, им нарисованные, *типичны* для многих уральских заводов, а г. Погорелов сводит их в живую и яркую бытовую картину» ***. И далее Короленко, пользуясь материалом романа «Перед грозой», характеризует безработицу, обезземеление уральского горнопромышленного населения и влияние капитализма на народную жизнь. Апологетам капитализма, призывавшим фаталистически преклониться перед исторической неизбежностью «капиталистических форм прогресса», Короленко противопоставляет свое требование бороться за человека, против насилий над ним. И он считает, что этой борьбе помогают книги, вроде романа Погорелова. Это было признанием высокой познавательной и общественной значимости творчества уральского писателя.

Погорелов не сказал бы всей правды о жизни горнопромышленного Урала, если бы умолчал о движении протеста трудящихся. Ряд персонажей вспоминает о

* «Русское Богатство», 1899, № 8 (11), стр. 190.

** Там же, стр. 194—195.

*** Там же, стр. 195.

крестьянских волнениях в прошлом, входят в роман и отдельные эпизоды народного протеста. В конце романа изображается крупное выступление крестьян, имевшее мирный, но настойчивый и затяжной характер. Автор показывает соединенный сельский сход, на котором народ потребовал удаления управляющего заводами Сопегина, так как он «наносит вред и обиды нашему обществу и всем общественникам», почти поголовно всех предал суду, всех объявил самоуправщиками, «допускает всевозможные обиды и стеснения на цеховых и конных работах».

«Дерзость» мастеровых произвела страшный переполох в среде заводской и местной администрации, которая заметалась, как «вспугнутое стадо». Сопегин проявил крайнее малодушие, заискивал перед людьми, с которыми до того держался нагло.

Борьба мастеровых против Сопегина вылилась в дальнейшем своем развитии в своеобразную форму: рабочие задумали унижить Сопегина, своего обидчика, и выпроводить его с завода в самом смешном положении — в рессорной коляске, запряженной тройкой разношерстных лошадей, и с кучером, нарядившимся «шутком гороховым». Эту последнюю роль взял на себя угольный мастер, детина огромного роста, вырядившийся в изъеденный молью цилиндр древнего образца. Всю сцену Погорелов рисует с юмором, хорошо передающим комический замысел мастеровых.

Насмерть перепуганный при известии, что «лошади от общества ему поданы», Сопегин решил ехать на этих лошадях и «с этим болваном», попросив в сопровождающие стражников. На совет Толмачева не подчиняться этому «глупому фарсу» Сопегин ответил: «Я подчиняюсь насилию... Что я могу сделать против грубой силы? Пусть, пусть, все равно... расплата будет потом... а пока мне больше ничего не остается». Когда выехали за околицу, увидели, что мастеровые выстроились там по обе стороны дороги, как солдаты. Они насмешливо кланялись проезжавшему мимо Сопегину, снимая шапки.

Вскоре «зачинщики» были арестованы. На завод приехали испразник, прокурор, жандармский полковник и др. Для допроса согнали старост, мастеровых разных цехов, чернорабочих. Процедура допроса продолжалась два дня, причем выяснились новые вопиющие злоупотребления заводоуправления.

Волнения мастеровых продолжались: от двух сельских обществ был избран Иван Атаманов уполномоченным для защиты их интересов в судах и других учреждениях и выделены на расходы из «мирских капиталов» две тысячи рублей.

В изображенном Погореловым выступлении мастеровых еще нет признаков того зрелого, организованного рабочего движения, которое уже разворачивалось в 90-х годах. Но для Урала это было характерно, ибо рабочие еще не счень сильно отличались от крестьян.

Весь обширный социальный материал располагается в романе вокруг образа Николая Ивановича, выступающего участником, или свидетелем, или рассказчиком событий. Но этот образ либерального интеллигента и сам по себе в какой-то степени интересуется писателя.

Толмачев относится к той части интеллигенции 80—90-х годов, которая под влиянием размежевания классовых сил шла к политическому перерождению, вначале проявляла демократические, хотя и не глубокие, симпатии, а затем становилась послушным орудием реакции. Эволюцию либерального интеллигента, его идейную и моральную деградацию показывает Погорелов через образ Толмачева.

Если в рассказе «Мрак» Псалтырин, запутавшийся в паутине «пошехонских чудес», свой компромисс, свою измену переживает трагически, то история «больной совести» Толмачева в романе «Перед грозой» носит трагикомический характер. С первой же страницы романа, на которой появляется Николай Иванович, автор принимает по отношению к нему иронический тон и сохраняет его в большинстве сцен с Толмачевым, если он в них главное действующее лицо. Обрисовывая характер Толмачева, автор показывает, что в его натуре нет глубины и искренности, что он крайне непоследователен в отношении к людям, не имеет определенной цели в жизни, убеждений. Это «слабодушный кисляй», «бесхарактерный россиянин», по выражению одного критика. Он не лишен доброты, иной раз умеет тонко почувствовать красоту, в нем нет-нет да и вспыхнет возвышенное переживание, но быстро угаснет, не оставив никакого следа, никакого благотворного результата. Он способен страдать при виде подлости, насилия, но не только не может бороться против несправедливости, а капитулирует

перед ней, становится слугой антинародного режима. Например, он мог бы своим показанием реабилитировать трех мужиков, которых отдали под суд, но быстро сдался на убеждения судебного следователя, он мучился, в зале суда проливал слезы радости, когда мужиков оправдали, чувствовал себя подлецом, но в новых случаях, требовавших от него принципиальности и мужества, поступал снова и снова в угоду хозяевам положения. Он предавался самобичеваниям и опускался все ниже и ниже.

В отношении к женщине Толмачев тоже не был способен на искреннее, глубокое чувство. Он мог только минутно увлечься хорошеньким личиком, но там, где от него требовалось настоящее чувство, характер, он оказывался несостоятельным, дряблым, пустым. Таков он в его взаимоотношениях со Смолиной. Ничтожна, мелка и его семейная жизнь с пустой и беспринципной Лидочкой Половодовой.

Погорелов показал Толмачева балансирующим между двумя полюсами: он тянулся к Чагину, ему казалось даже, что он тяготеет к народу (он называл себя народником); он защищал избиваемых башкир, возмущался царскими несправедливостями; он с волнением исповедовался перед Чагиным в том, как помог заводууправлению обезземелить мастеровых, но тотчас после этой исповеди он приказал арестовать «зачинщиков» волнений против Сопегина. Причем в начале романа это была действительно внутренняя раздвоенность, а в конце — лишь внешняя, а внутренне он весь был на стороне реакции, хотя продолжал по привычке каяться.

Беспринципность Толмачева хорошо характеризует эпизод с доктором Красногорским, «переметной сумой»: во время попойки в клубе Толмачев его в одно и то же время и целует и называет подлецом. Таков же он и по отношению к Смолину, которого ненавидит и в разговоре с его женой разоблачает, а при встрече пресмыкается перед ним и сам же себя за это презирает. В конце романа, когда Чагин резко расходится с Толмачевым, последний пытается под свое ренегатство подвести некую «теоретическую» основу. Он говорит Чагину: «Ты можешь звать нас изменниками... Но мы изменники только потому, что не хотим сидеть сложа руки... Да-с, потому что лишь на почве компромиссов возможна какая-то деятельность». Кипящая жизнь требует деятельности, «не иде-

альной, к сожалению, а применительно к обстоятельствам», — заключает Толмачев. И он действует применительно к обстоятельствам, или, лучше сказать пощедрински, «применительно к подлости».

При расставании с Чагиным он переживает последний припадок самобичевания, называя себя флюгером, ничтожеством, трусом, боящимся своей жены, даже писаря; говорит, что скатывается вниз, в сырую, темную, вонючую яму, что он пропащий человек. В азарте самобичевания он признается, что писал доносы главному начальнику заводов, чтоб тот не усмотрел с его стороны попустительства, что стал прихвостнем заводчиков из страха перед законом. Это уже циничная бравада, а не мучения совести, и Чагина коробит, когда Толмачев тут же разглагольствует о своей ненависти к богатым и власть имущим. Ясно, что он безраздельно отдался им в рабство. Процесс деградации интеллигента закончился.

Рецензент из «Русского Богатства» останавливается на оценке художественного мастерства Погорелова в раскрытии образа Толмачева. Он подчеркивает, что для художника и психолога тип Толмачева, «по крайнему своему убожеству, представляет материал в высшей степени неблагодарный... Эта работа требует такой мелочной отделки деталей, на которую у нашего автора, по видимому, не хватает ни терпения, ни охоты» *.

Рецензент говорит, что воспроизведение эволюции характеров (а это труднее, чем изображение «стационарного» состояния человека или отдельного психологического момента) автору не очень удастся. Он отдает решительное предпочтение мастерству Погорелова в изображении Псалтырина, он считает, что для эволюции Толмачева у автора не хватило светотеней. Однако мы думаем, что если этот упрек был бы верен по отношению, например, к образам Марии Ивановны, Чагина, то дальнейшая детализация характера Толмачева вряд ли нужна. Этот характер существенно и не должен был меняться, он сразу дан с теми задатками, которые при определенных условиях должны были привести к приспособленчеству. И как это с Толмачевым произошло, раскрыто Погореловым достаточно детально, вряд ли здесь требовались дополнительные светотени. Творческий ин-

* «Русское Богатство», 1901, № 3, стр. 31—32.

терес писателя постоянно вырывался из рамок изображения убогой внутренней жизни Толмачева к темам народной жизни.

Разоблачение либеральной интеллигенции было важной и актуальной задачей литературы, которую выполняли многие передовые писатели-реалисты того времени. Погорелов обратился к этой теме несколько раньше, чем, например, Вересаев, который в повести «На повороте» (1901) нарисовал идейную эволюцию Токарева в условиях подъема революционного движения, когда усилился разброд в некоторой части интеллигенции. Токарев, бывший «социалист», после ссылки стал ренегатом. Вересаев тщательно проследил этот процесс и обнажил банкротство Токарева, его душевную дряблость, пессимизм, обывательщину. Вскрыв корни мещанской психологии Токарева, Вересаев выразил презрение к приспособленцам, хоть и не довел до конца политическое обличение людей этого типа, которых В. И. Ленин за оппортунизм и отступничество назвал «болотными людьми».

Погорелову еще менее, чем Вересаеву, удалось противопоставить приспособленцу человека-борца, революционера, но и выполненная часть задачи (обличение либерального интеллигента) повышала общественное значение романа.

В качестве антипода Толмачева задуман Чагин. Авторы критических откликов на роман сходятся во взгляде на этот образ как на наименее удавшийся Погорелову. Он, по их мнению, маложизненный, очерчен, как слабый силуэт, несмотря на свою крупную роль в фабуле романа. «Не везет у нас вообще положительному типу», — писал рецензент из «Русского Богатства» *.

Главный недостаток в обрисовке Чагина заключается в неопределенности его позиций, расплывчатости идеалов, хотя задуман он как положительный герой, сильный духом, стойкий, о котором один из персонажей говорит, что он принадлежит к категории «рыцарей без страха и упрека». Погорелов наделил Чагина рядом положительных черт, но они проявляются часто не в той сфере, в какой должны бы проявляться общественным деятелем, борцом.

* «Русское Богатство», 1901, № 3, стр. 32.

Чагин в начале романа — провинциальный обличитель, восстановивший против себя «все общество», ходатай по делам неволинских мужиков, ведущий их тяжбу со Смолиным. В конце романа, через семь лет, он уже известный столичный литератор, снова приехавший на прежние места для собирания материалов о народной жизни. Он всю свою жизнь проводит в труде, в борьбе за интересы угнетенных. Это энтузиаст общественного дела, забывающий о себе, о личной жизни, развлечениях, отдыхе. Он бодр, не унывает ни при каких обстоятельствах, стоически принимает известие о высылке из губернии. Он не питает никаких иллюзий относительно своего положения и заранее уверен, что те, против которых он борется, сильнее его и поэтому они «слопают» его. В самые трудные минуты он не теряет спокойствия, и Николай Иванович любит всегда его бодрыми, уверенными движениями, мужественным, прекрасным лицом. Он добр, идет туда, где страдает человек, и старается помочь ему. Он ухаживает за больным учителем Березиным, за всей его семьей, проявляя при этом самоотверженность, редкую чуткость и выносливость. Десять суток он не спал, и доктор не мог прогнать его от постели больного: «Упрям как бык», — говорил о нем доктор. Березин, гонимый властями, преклонялся перед Чагиным, его смелостью и великодушием, он думал: «Столько жалости, любви к человеку, столько спокойствия и правды во всем».

Чагин проявлял горячий интерес к народу, его положению, шел в его гущу. В первой части мы видим его в постоянном общении с мужиками-ходатаями, делом которых он занимался по договору со всем сельским обществом. В третьей части он, приехав в горнопромышленный округ, где был земским начальником Толмачев, вел деятельный образ жизни. Он побывал на всех заводских работах, спускался в рудники, ходил на прииски, знакомился с рабочими, старателями, рудокопами, кустарями, гостил у пудлингового мастера. В канцелярии земского начальника он просиживал с утра до ночи над бумагами, вникая в чудовищный переплет преступлений и насилий над рабочими.

Чагин правдив и принципиален. Он сразу увидел, к чему пришел его приятель Толмачев, которого еще семь лет назад предупреждал, что лень, трусость, праздность

беспринципность могут привести в стан «ликующих, праздноболтающих». Он решительно разошелся с Толмачевым впоследствии, не скрывая своего презрения и отворачивания к нему.

Во всех этих сторонах облика Чагина проявляются некоторые черты тургеневского Базарова, Рязанова (из повести Слепцова «Трудное время»), Лопухова (из романа Чернышевского «Что делать?»). Погорелов ориентировался на положительный тип в русской классической литературе, стремясь создать образ человека «особой породы». Но этот образ оказался не по плечу Погорелову, под его пером он распадается, дробится, то и дело соскальзывает с той тропы, по которой должен был бы твердо идти. У Чагина, в сущности, очень неопределенное мировоззрение. Он думает о том, как много в мире горя, страданий, обид, злобы, черной неправды, и борется против зла. Но тут же попадает во власть сомнений: зачем эта борьба, не все ли равно, из-за чего хлопотать? Всех людей одинаково ждет смерть, никому неизвестно, что будет дальше, когда не будет тебя самого. Он даже признается себе, что не так уж жалеет мужиков, за которых вступается, не так уж ненавидит Смолина, против которого борется. С одной стороны, он предан интересам крестьян, с другой стороны, разговаривает с ними нетерпеливо, резко, неврастенично. Он возмущается их темнотой, трусостью, хочет их просветить, но, видимо, тяготится взятым на себя делом. И мужики говорят, что барин «мудрен больно». Сам Чагин понимает, что крестьяне не до конца доверяют ему.

Чагин часто приходит к ощущению холода и пустоты жизни. Он старается преодолеть это настроение, внушая себе: «Не надо терять веры в животворящую, победоносную силу добра: в ней все содержание, вся красота жизни... Надо побороть в себе равнодушие, надо рассеять сомнение, которое заползает в душу, как змея... Не может быть, чтобы зло было творческой и всемогущей силой...» Он вспоминает свою первую молодость, желание бороться со злом, «преследовать его по пятам... смело ринуться в битву...» И в этом заключалось тогда его счастье. Теперь он не знает этого счастья, ни одного дела не удалось ему довести до конца, ни одно не дало ему радости торжества... Он почувствовал себя совсем больным и уставшим. Подобные переживания Чагина могли бы

совсем разрушить цельность образа, если бы положение не спасло то, что он сам объясняет их болезнью, нервным расстройством. Однако образ положительного героя, достойного подражания, невозможно создать в художественной литературе, подчиняя строй его мыслей и переживаний воздействию больных нервов. Подчас Чагин приближается к типу слабых душой, разочарованных людей, а задуман как их антипод. Характер его не целен в этом смысле. Следует отметить, что о силе, стойкости, бодрости Чагина говорят в основном другие персонажи, а когда Чагин высказывается сам, то он проявляет преимущественно свои слабости.

Чагин выведен в романе одиноким: у него нет рядом с ним единомышленников, друзей. Такое одиночество для передовых общественных деятелей, особенно в 90-е годы, было, конечно, нехарактерно.

В самом конце романа еще раз обнаруживается ограниченность общественного горизонта Чагина. Он едет в поезде в столицу, простившись с горной страной. И ему хочется плакать, оттого что «в его жизни было так мало радости и так много неудач, и оттого, что так сини и хмуры далекие горы, и оттого, что там, вдалеке, как казалось ему, есть где-то другая жизнь, прекрасная, как мечта; и оттого еще, что ему известно было, что нет нигде той прекрасной жизни и что там, за горами, так же сыро, холодно и скучно, как и здесь, вблизи, перед глазами». Этим минорным аккордом заканчивается весь роман. Если бы сам писатель знал, что впереди, если бы он понимал (что понимали тогда, впрочем, сравнительно немногие), что Россия стояла на пороге революций, которые приведут к преобразованию всей жизни, к крушению мира «зла и черной неправды», то он сумел бы вывести своего героя из состояния такой безнадежности. Но Погорелова ограничивало то, что он остановился перед марксизмом, не проник в ведущие закономерности развития России в период уже начавшегося пролетарского освободительного движения. Отсюда отчаяние его героя, отсюда преобладание мрачного колорита в его произведениях.

Критика не без оснований утверждала, что образ «слабого душой» Толмачева типичнее, художественно удачнее, чем образ «сильного душой» Чагина.

Рецензент из «Русского Богатства» обращает внимание читателя на многочисленные эпизодические лица в ро-

мане, правдивые и яркие. Эти эпизодические лица создают общественный фон.

Среди них рядом с уже известным Сопегиным можно поставить всесильного дельца и воротилу, крупного землевладельца Смолина. Даже низкие люди из губернской квазиинтеллигенции называют его мошенником высокого полета, за которым стоит легион таких лиц, «которых и рукой не достанешь». Посредством «баснословно мошеннических махинаций» он отнял у крестьян земли. «Прожженный, талантливый и дальновидный негодяй» уверен в своей силе и безнаказанности. Он не скрывает своих реакционных взглядов; людям, защищающим мужиков, он кричит: «С кем вы воюете?... А-а-а! проклятые!.. бунтовщики! агитаторы!.. Не-ет, врете-с: я вас задушу, в порошок изотру, искрошу в куски!.. Мальчишка, ничтожество!.. в тюрьме не сиживали? Гадины!..» Смолин был организатором доноса на Чагина. Погорелов описывает весь ход темного заговора Смолина вкупе с исправником, полицейскими, городским головой, винокуренным заводчиком и другими. Грубость его натуры обнаруживается и в обращении с женой, Марьей Ивановной, которую он посредством брани и зверских побоев заставляет подписать доверенность на заклад Неволинки. Насилиями Смолина над крестьянами и было вызвано их покушение на его жизнь.

Запоминается образ доктора Красногорского, «переметной сумы», в котором Погорелов изобразил предельную беспринципность. Он с одинаковым энтузиазмом доносит на оба лагеря — и на Смолина, и на Чагина, предает всех и вся ежеминутно, об одном и том же факте судит в одно и то же время в противоположном духе. Это «Иуда», как его зовут те же, кому он утром служит, а вечером пакостит.

В романе проходит перед читателем целая вереница служилой мелкоты, развращенной зависимостью от Сопегиных и Смолиных. Это, например, Мироносцев, секретарь присутствия, составляющий для Смолина донос на Чагина. Он весь — воплощение жалкой угодливости, робости, самоуничтожения. Это Сопелкин, «из страха иудейска» показывавший на следствии против крестьян-ходоков, а на суде в их пользу.

Живо, индивидуализированно изображены исправники, судьи, следователи и прочие чиновники, вершители

темных дел, стоящие на страже интересов помещиков и капиталистов.

Кроме представителей народа, страдающих от произвола господ, в романе выведены люди и из других слоев, по-своему глубоко несчастные в этом мире несправедливостей и торжествующей подлости. Такова, например, Марья Ивановна, жена Смолина. Молодая и красивая, она изнывает от тоски, от неудовлетворенной жажды счастья. В силу ее неразвитости, мечты о счастье у нее невысокого полета, носят характер наивных «институтских» фантазий о сказочных рыцарях-похитителях. Жажда любви и душевного участия у нее так велика, что она бросается на шею случайно попавшемуся на ее пути Толмачеву и уже через минуту убеждена, что любит его «безумно». Но постепенно, задумываясь над несправедливостью и подлостью, окружающей ее, она становится серьезнее. У нее открываются глаза на темные дела мужа. Внутренне неиспорченная, она протестует против этих подлостей, защищает неволинских мужиков, терпит за это побои от мужа. Тоска ее становится более осознанной. Она стремится к другой жизни, хотела бы вырваться из семьи, в которой задыхается. Она старается вникнуть в заговор против Чагина, совершающийся в ее доме, идет к Чагину и предупреждает его о готовящемся доносе. К Чагину она пришла не только с этим, но и с мучительным вопросом — что делать? Он сухо и наставительно ответил ей, что надо отдать землю мужикам. В ее положении это не было помощью со стороны Чагина, потому что самостоятельно распорядиться землей она не могла. Чагин не пожелал вникнуть в состояние этой женщины, что также противоречит логике его образа. Не мог дать ей совета и Толмачев, мямливший свои бесконечные «не знаю», «в таком деле трудно советовать» и т. п.

Автор не дорисовывает образ Марьи Ивановны, оставляет ее в момент кризиса, и читатель не может даже предположить, что с ней будет дальше. Эта незаконченность образа является художественным просчетом писателя. Прав критик, писавший, что «интересный в сущности и благородный образ жены Смолина» производит впечатление «недоделанного черного наброска». Он оценивает мужество, с которым Марья Ивановна пошла к Чагину, называет ее поступок даже героическим. Критик обвиняет Погорелова в его «жестокой прихоти», по кото-

рой Марья Ивановна должна была при первом же появлении на страницах романа кинуться на шею не совсем трезвому и мало ей до того знакомому Толмачеву. Еще более «крутую и короткую расправу» с ней произвел автор, когда потерял всякий интерес к Марье Ивановне и перестал о ней говорить, заставил ее исчезнуть со страниц романа в момент ее жизни, отнюдь не лишенный интереса и ждущий решения. Погорелова вообще нельзя упрекнуть в недостатке теплоты, но здесь этой теплоты как раз не хватило.

Так же мало повезло и другому женскому образу — Кате Сопегиной, тяжело переживающей злодеяства своего отца по отношению к мастеровым. Читатель понимает, что Катя переживает душевную драму, но и этот образ, наметив его правдиво и интересно, Погорелов недорабатывает. Марья Ивановна и Катя должны бы были принадлежать к эволюционирующим характерам, но их эволюция неоправданно прервана автором на полпути.

Более законченным является в романе статичный образ Лидочки Половодовой, пустой барышни, затем жены Толмачева — женщины ограниченной, карьеристки, ни о чем не рассуждающей, а требующей от мужа лишь приспособления к обстоятельствам.

Представителем разночинной интеллигенции выведен в произведении Березин, в судьбе которого принимает горячее участие Чагин и во взаимоотношениях с которым раскрываются положительные стороны натуры Чагина. Чагин рекомендует школьного учителя Березина как «самого маленького из всех самых маленьких людей». Судьбу этих маленьких людей и воплощает в своей судьбе Березин. Чагин рассказывает о нем Толмачеву: «Он во всех отношениях человек замечательный. Начать с того, что он кандидат университета, всесторонне образованный человек, знает три европейских языка, сотрудник педагогических журналов, знаток русской и иностранной литературы. Я люблю его за смелый и светлый ум, за кротость и незлобивость характера, за честность и прямоту убеждений... Способностей он необыкновенных, трудолюбия необычайного и, кажется, мог бы пойти далеко, а между тем посмотри, как он жалок, забит, робок и беден...» Погорелов в ряде глав возвращается к образу Березина, к мытарствам этого человека, народного учителя, прекрасного педагога, который именно поэтому у инспекции на плохом счету. Он голодал

с большой семьей, ему не на что было учить детей. Он преклонялся перед Чагиным, который один его поддерживал, тяжело пережил высылку Чагина, остался без него совершенно одиноким и беспомощным. В довершение всего он, прослуживший учителем двадцать лет, был уволен за знакомство с Чагиным. От голодной смерти спас его Толмачев, нашедший ему место частного учителя в доме купца Салмина, для его сына Яшки.

Образ Якова Салмина заслуживает особого внимания. В романе изображены его детство и студенческие годы. С большой теплотой и юмором показан Яшка в детстве. Его воспитание — одно из свидетельств дикости старого быта. Он, сын состоятельного человека, бывшего заводского управителя, жил у отца на кухне. Отец не знал, как растет его сын, считал его идиотом. С изумлением убедился он однажды, что мальчик умен, шустр и даже грамотен.

Учитель Березин обучил Яшку, и через несколько лет он стал студентом. Якову Салмину отведена особая роль: в его образе Погорелов задумал вывести студента-марксиста. В заключительной части романа он высказывает свои политические взгляды. Погорелов следил за спорами марксистов с народниками в тогдашней печати, перенес их на страницы романа. Но существа марксизма Погорелов не воспринял глубоко и не сумел художественно выразить самые передовые идеи века. Яков Салмин повторяет только мертвые формулы «марксизма» без его революционной души. Утверждая такие истины, которые входили в круг марксистских идей, что, например, обезземеление народа, разложение общин при капитализме неизбежны, он в то же время заявляет: «Хлопотать об обеспечении земель населения, да еще заводского населения, препятствовать накоплению и концентрации капитала — значит... идти против законов истории, бороться с ветряными мельницами, и для чего? к чему? во имя каких идеалов? Ради какой будущности?» Или: «Помогать голодающим все равно, что лить воду в дырявую кадку» и т. д. Этот юноша, воспринимавший лишь поверхностные знания из области, как ему казалось, марксистских идей, не понимал, что «хлопотать» стоит, и ради такого будущего, как социализм. Он стоял на точке зрения подчинения необходимым экономическим закономерностям, без перспективы, без революционной программы. Поэтому

оппоненты Салмина оказались сильнее его, гуманнее, ратовали за помощь человеку, народу, за «защиту» его. Например, Чагин говорил Салмину: «По-видимому, вы не остановитесь ни перед какой жертвой Молоху... разумеется, это так и должно быть, если признать, что другого бога не существует... Но точно ли нет других богов? И не преувеличиваете ли вы значение и могущество вашего кумира? Ведь надо иметь слишком крепкую веру, чтоб решиться на человеческие жертвоприношения». Объективно Салмин покорился экономической необходимости капитализма, его бесчеловечным порядкам, он видел только железные законы экономического развития. Он знал, каковы они, но не говорил о том, к чему они ведут, как порождают ту общественную силу — революционный пролетариат, которая уничтожит капиталистический строй. Критика капитализма превратилась у него по существу в апологию капитализма, по крайней мере в капитуляцию перед ним.

Короленко в статье «О сложностях жизни», раздумывая по поводу этого места в романе, ставит такие вопросы: если капитализм развивается и законы его неизбежны, то значит ли это, что не надо «защищать» народ, покоровшись неизбежности? Не сложнее ли обстоит дело в самой жизни? Но Короленко тоже был не в силах решить этот вопрос. И в гуманном стремлении защитить человека от железных законов капитализма он смотрел не вперед, не в пролетарскую революцию, а выражал надежду, что, может быть, община и не так уж бессильна в этом смысле, может быть, она еще сумеет защитить человека?

На все эти вопросы правильно отвечало лишь одно учение — учение революционного марксизма. Его сущности Погорелов не постиг, и это помешало ему прийти к правильным выводам. Но ценно то, что Погорелов с позиций гуманиста-демократа выступил против беспощадной капиталистической эксплуатации трудящихся.

Общая оценка художественной силы романа со стороны современников Погорелова была единодушно положительной.

Критики отмечали правдивость картин народной жизни, подчеркивали обличительный тон произведения. Рецензент из «Одесского листка» даже заявил, что со времени «Губернских очерков» Щедрина он не помнит «ничего столь сильного и яркого (в смысле обличения

захолустных порядков), как эта повесть» *. Он пишет о потрясающих картинах, правдивых, списанных с натуры.

Роман «Перед грозой» — это произведение, крепко спаянное с жизнью, со многими большими вопросами своего времени. Так же прочно связано оно и с литературой, полно прямых откликов на произведения Толстого, Куприна, Вересаева 90-х годов, на журнальную полемику этого десятилетия.

Погорелов следовал в этом романе обличительным традициям Салтыкова-Щедрина, социально-публицистическим традициям Глеба Успенского. Тема, жизненный материал горнозаводского Урала сближает роман Погорелова с романами Мамина-Сибиряка, линию которых как бы продолжал Погорелов, рисуя Урал нового исторического периода.

Произведение Погорелова написано чистым, уверенным, культурным языком, в котором отразился опыт русской прозы второй половины XIX века, сказалось его упорное ученье в области стиля у Тургенева и Гончарова. Своеобразие мастерства Погорелова проявилось прежде всего в его приемах живописания картин и образов, а особенно в диалогах, в передаче индивидуальной речи персонажей.

Критики указывали на исключительно мрачный колорит романа. Действительно, мрачные краски в нем преобладают. Однако роман называется «Перед грозой». Уже само заглавие, передавая ощущение предгрозовой эпохи, окрашивает произведение в определенный оптимистический тон. Может быть, заглавие слабо реализуется в самой ткани романа, он силен не революционной романтикой, чего можно было бы ждать от произведения с таким заглавием, а реалистическим, критическим изображением социального зла, дикостей жизни, произвола и насилий над народом. Правда, в романе показан протест трудящихся. Но ведь брожения в народе были и за сто лет до того, ими сопровождалась вся эпоха крепостнической и капиталистической эксплуатации. И по своей форме изображенные Погореловым волнения не несли в себе ничего нового, указывающего на вступление в историческую деятельность

* «Одесский листок», 1899, № 309.

революционного пролетариата и неизбежность его победы. Поэтому заглавие «Перед грозой» во всем контексте романа воспринимается скорее не как пророчество готовой грянуть бури, а как выражение мысли автора: так дальше жить нельзя, нужна очистительная гроза. Эта мысль была навеяна писателю всей обстановкой в стране в преддверии первой великой народной революции.

После своего романа Погорелов выступил в жанре очерка, продолжая традиции Щедрина, Успенского, Слепцова и других писателей, содействовавших высокому развитию очеркового жанра в русской литературе второй половины XIX века. Наиболее удачным в творчестве Погорелова является очерк «Мохов», опубликованный в № 2 «Русского Богатства» за 1901 год.

Тема капиталистической наживы, поднятая в очерке, была в то время актуальной и привлекала внимание многих писателей. Ставя в центре очерка образ буржуа, Погорелов показывает его развитие, вплоть до полного преуспевания. Как и во многих антибуржуазных произведениях конца века, в очерке утверждается мысль, что капиталистическое накопительство связано с преступлением. Тип буржуа подвергается резкому разоблачению.

Эволюция образа капиталиста Мохова — самая сильная сторона очерка. С этим образом связаны наиболее динамичные, живые сцены. В то же время имеются чрезмерно длинные описания авантур, предпринимаемых Моховым для личного обогащения, тогда очерк становится сухим, скучным. Против самого этого материала возражать нельзя, в жанре очерка он закономерен и ведет к определенным политическим обобщениям, но автор должен был бы преодолеть сложность и запутанность изложения замысловатых махинаций Мохова.

Другим излишеством, отяжеляющим очерк, является чрезмерное перенаселение его образами чиновников, названных по фамилии, с детализированными характеристиками, неуместными хотя бы потому, что некоторые из этих персонажей появляются в очерке, чтобы произнести лишь одну-две реплики. Наконец, слишком растянуты сцены заседания земской управы. Одним словом, очерк, вообще довольно короткий, в то же время вызывает желание видеть его еще более компактным. Это потому, что основная его задача — показ буржуа — как раз выполнена с большим лаконизмом.

При имеющихся недостатках, очерк производит сильное впечатление именно благодаря фигуре Мохова. У этого типа своя большая, давняя литературная традиция. Недаром одна из рецензий на очерк называется «Современный Чичиков» *, и в ней тип дельца Мохова связывается с бессмертным гоголевским образом предпринимателя-накопителя. Рецензент говорит также о «чисто салтыковском жанре очерка», о том, что Мохов «совмещает в своей душе все черты Колупаева и Разуваева». На наш взгляд, он еще ближе к щедринскому Осипу Ивановичу Дерунову из «Благонамеренных речей»: сходны история и методы их обогащения, приемы изображения эволюции типа, его превращений. Тем не менее это сходство не означает подражательности образа, несамостоятельности Погорелова. Мохов обладает своими индивидуальными чертами и взят, как и Дерунов, из самой жизни. Рецензент пишет, что очерк производит впечатление очень живой и «несочиненной» вещи.

Повествование в «Мохове» ведется от первого лица, автор является рассказчиком и свидетелем описываемых событий.

Эволюция Мохова протекает на протяжении десяти лет. Он был сначала поставщиком земской управы, а в конце стал тузом-воротилой, миллионером.

Выразителен и дан в развитии портрет Мохова. Это был коренастый, небольшого роста человек, с маленькими свинными глазками, с широким, плоским лицом, мочального цвета бородой. Если некоторые из этих черт утрачиваются, меняются в связи с возвышением Мохова в обществе, то неизменной остается характерная для него веселая, придурковатая улыбка. Портретная эволюция отражает эволюцию общественного положения буржуа, быстро идущего в гору. В начале своей карьеры Мохов таков: «При появлении каждого чисто одетого человека он испуганно вскакивал и стоял навтыжку до тех пор, пока в передней (земства — М. В.) не оставались опять одни сторожа. И зимой и жарким летом он ходил в черном засаленном сюртуке из толстого, крепкого драпа, в коротких брюках навывпуск, из-под которых выглядывали рыжие голенища неуклюжих деревенских сапог. Когда его звали в присутствие, он менялся в лице, краснел, вы-

* «Биржевые ведомости», № 76 за 1901 г.

нимал гребень и торопливо на обе стороны расчесывал волосы, плевал на руки и приглаживал виски, отряхивал фалды сюртука и, крадучись, шел по длинному коридору. Перед дверями присутствия он останавливался на секунду, шептал что-то и с смиренно-благоговейным видом, точно собираясь войти в церковь, осторожно отворял двери. Входил он так тихо, что сидевшие за столом члены присутствия долго не замечали его. Тогда он тихо кашлял в кулак и, обратив таким образом на себя внимание, кланялся, кротко и застенчиво улыбаясь». Мелкие служащие канцелярии трепали его по животу, называя «толстопузым», рассказывали про него небылицы, а он добродушно ухмылялся и охотно разыгрывал роль шута. Он ни от чего не отказывался, был «сговорчив». «Плут, но незамеченный человек», — говорили про него в «деловых» кругах.

Через некоторое время, когда Мохов стал «выходить в люди», выражение робости и приниженности сменилось выражением достоинства. Он не сидел в передней со сторожами, дожидаясь, когда его позовут, а шел прямо в присутствие без доклада. Он превратился в одного из «столпов» общества, газеты его называли «известным благотворителем и общественным деятелем, заслуги которого перед краем навсегда будут памяты потомству». Он именовался теперь то Павлом Павловичем, то многоуважаемым господином Моховым.

В зените своей карьеры миллионщик Мохов описан так: «В залу вошел толстый, солидный и важный господин — я едва узнал в нем Мохова. Он был во фраке, в белом галстуке, борода и волосы были подстрижены; на животе висела золотая цепь». Он говорил теперь сочным басом. Сохранилась только прежняя веселая и немного придурковатая улыбка.

Не менее выразительно эволюция социального типа передана и в развитии речевого портрета Мохова. В начале очерка он говорит с председателем управы робко, позволяет себя распекать, извиняется, речь его состоит из выражений: «не досмотрел», «извините», «слушаю-с», «как воля ваша», «покорно благодарим». За этой покорностью скрывалась уверенность в себе большого плута, сознающего свою силу, но пока не показывающего ее. С мелкими канцелярскими сошками он тоже был угодлив, заигрывал: «В случае чего, братцы, уж вы того... я на вас,

как на каменную стену... Я то есть с моим удовольствием... со всяким моим расположением... Как мы к вам, так и вы к нам... Помилуйте!..» Когда ему говорили, что он плут, он с готовностью отвечал: «Это верно».

Выгляды мелким поставщиком и считая выгодным до поры до времени приbedняться, Мохов, на самом деле уже крупный землевладелец, говорил: «Какое наше богатство! С хлеба на квас», — и уверял, что денег у него нет: «А вот скажи теперича сто рублей — совсем нету!»

На втором этапе своей эволюции Мохов говорит веско, уверенно. На заседании земской думы, где обсуждался щепетильный вопрос об убытках, которые управа понесла в связи с одной коммерческой операцией, он, решив покрыть этот убыток, сказал только одно слово: «Жертвую!» На гром рукоплесканий и похвал Мохов отвечал: «А теперь, господа, какого ляда! Закрывайте заседание, милости прошу ко мне... всех, всех прошу, господа!.. Чтобы, значит, дрызгов этих не было».

В конце очерка, когда Мохов — уже господин во фраке, он наделен самоуверенным тоном, лаконичной и решительной манерой говорить, властной и деловой, хотя в речи остаются прежние «пущай», «мучка хорошая-с» и т. п. Он не произносит ни одного лишнего, не относящегося к коммерческому делу слова. Теперь в оценке губернатора и членов управы он «золотой человек».

Портретная и речевая характеристика, от выразительности которой зависит в большой степени живость и убедительность образа, не раскрывает сама по себе полностью социальный тип, хотя и ярко его индивидуализирует. Социальная сущность Мохова, как типа восходящего российского буржуа, раскрывается в его биографии, поступках и делах.

Мохов из разночинцев, было время, когда он извозчиком ездил, потом коробушку таскал. А затем стал «дела делать», разбогател.

Русская демократическая литература — от Гоголя до Чехова, — полно раскрывшая процесс капитализации России и создавшая галерею типических образов буржуа, ярко показала, что в основе капиталистической наживы всегда лежит преступление, раскрыла авантюристический, мошеннический характер обогащений, разоблачила чудовищные махинации «чумазах». Эта литература обнажила моральную растленность буржуазии. Щедрин ярко пока-

зал блок реакционной буржуазии с правительством, с чиновническими кругами, с монархической властью.

Многие черты этого типа, индивидуально, по-своему отмеченные каждым писателем, несет в себе и Мохов. В отличие от Щедрина, который показал Дерунова и в семейно-бытовой сфере, Погорелов остановился лишь на деловой стороне жизни Мохова.

Путь Мохова полон жульничества, преступлений и подлости. Это видят представители власти, но воздают ему всё больший почет пропорционально растущему богатству, абсолютно ограждающему Мохова от ответственности перед законом и от морального осуждения.

Сначала, когда Мохов еще не укрепился в своем положении, он три раза судился за мошенничество и подлоги, но был оправдан. Затем он сделал довольно крупное пожертвование в дамский комитет, и важные люди города при встречах стали подавать ему руку. Затем, совершив одно весьма некрасивое дело, он исчез, не потому что понес наказание, а просто перебрался в губернский город и стал делать там «большие дела». Опасаясь, что его мошенничества получат огласку, он вносил известную сумму и становился «героем дня».

Одну крупную махинацию Мохова Погорелов излагает со всеми подробностями. В связи с этим в очерке появляется тема голода начала 90-х годов, мимо которой не прошел почти ни один русский писатель того времени. На голоде, неурожайе Мохов чудовищно нажился. Всенародное бедствие оказалось для него самым благоприятным моментом для спекуляции и наживы. В его деятельности резко проявились черты чичиковщины. Мохов добился своего назначения единственным в крае комиссионером по закупке хлеба. «Ну и ловок! Ах, ловок! Этакого ловкача поискать! — с восхищением и завистью говорили про Мохова отвергнутые претенденты». Не брезгуя никакими ходами, даже связанными с уголовщиной, Мохов, когда надо, скрывался с горизонта. Когда его спекуляции на голоде превзошли всякую меру и в театре галерка ошкаркала «мошенника, кровопийцу и вора», он пожертвовал на голодающих в распоряжение ее превосходительства десять тысяч рублей — и Мохова простили. Затем он выступил в роли «изобретателя»: он изобрел хлеб из соловой муки с незначительной примесью ржаных отру-

бей — и стал постоянным членом продовольственного совещания.

Заканчивается очерк рассказом о новой махинации Мохова, закупившего двадцать вагонов муки, представляющей собой зеленовато-серые и черные слежавшиеся комья. «Мучка хорошая-с, — сказал он, — сбудем и еще пользу возьмем. В нашем обороте уйдет». Это вызвало ликование всех членов продовольственного совещания, состоявшего из губернатора, пароходовладельцев, председателя губернской управы, чиновников, купцов. Вечером в дворянском клубе Мохов устроил всем попойку, адвокат восхвалял Мохова, как «самого лучшего человека на свете *», самого тароватого, самого умного, честнейшего, почтеннейшего Павла Павловича Мохова.

Очерк заканчивается речью адвоката, идеолога капиталистов, который выражает «философию» хищников, объявляющих свой класс солью земли: «Господа! — начал адвокат заплетающимся языком, поднимая бокал, — я пью за сословие, в руках которого наше будущее, наша надежда, наше спасение... Оно — соль земли!.. Да, да! Я пью за представителя его, в котором пышным цветом сочетались все наилучшие черты, все наилучшие свойства его, который является нашей славой и гордостью, за почтеннейшего, всеми уважаемого, всеми любимого Павла Павловича Мохова... Уррра!..» Этот мотив встречается в повести Куприна «Молох», где капиталист Квашин так же беззастенчиво утверждает всесилие буржуазии. Классическое выражение этой идеологии дает Горький в повести «Фома Гордеев», где Маякин произносит застольную речь на банкете об экономической мощи буржуазии. В те годы промышленного развития речи подобного рода раздавались часто, и это нашло широкое отражение в литературе. Горький установил связь подобной идеологии с реакционной философией Ницше.

Погорелов изобразил Мохова в апогее его уверенной силы, экономического и политического могущества. В это же самое время А. П. Чехов в своих антибуржуазных рассказах («Три года», «Бабы царство», «Случай из практики») подчеркивал вырождение, чувство неустойчивости, исторической обреченности буржуазии, ее распад, отражавшийся во всем мироощущении представителей этого

* Таков смысл первоначального иронического заглавия очерка — «Самый лучший человек».

класса. В связи с этим у Чехова центр тяжести был перенесен в психологию персонажей, в то время как о психологии Мохова или Квашнина и говорить не приходится, психологический рисунок при замысле Куприна и Погорелова исключался. Чехов, изображая капиталистов в процессе распада, верно указывал историческую перспективу этого класса. В «Мохов» Погорелов еще не ставил перед собой подобной задачи, она была им решена несколько позднее. Ценность очерка «Мохов» заключалась в обличении преступного хищничества буржуазии.

Большой социальной насыщенностью отличается следующее произведение Погорелова — рассказ «Впотьмах», напечатанный также в журнале «Русское Богатство» и впоследствии несколько раз переиздававшийся.

Действие происходит в одном из горных округов в середине 90-х годов XIX века, когда чрезвычайно обострилась борьба уральских трудящихся против заводчиков в связи с законом от 19 мая 1893 года, использованным заводчиками для полного обезземеления мастеровых (о влиянии этого закона на жизнь трудового населения Погорелов уже писал в романе «Перед грозой»). Чтобы не закреплять согласно этому закону за крестьянами земли, на которых они жили и работали, заводчики совместно с администрацией под всякими предложениями сгоняли их с этих земель, разоряли дом, усадьбу, сносили их «заимки» с лица земли.

Центральным эпизодом в рассказе и является разорение заимки бывшего мастерового Митрохина. Для совершения этой операции собрались пристав, урядник, подрядчик, старшина, полицейские, лесные сторожа, около пятидесяти подвод.

Вся процедура изображена детально. Скорбны и величественны образы крестьян, членов семьи Митрохина. Когда под пение «Дубинушки» выломали ворота, затем двери и пристав вошел в одну из комнат, он увидел в полутьме перед иконостасом склонившуюся на коленях старуху. Она не отвечала на его вопросы, продолжая молиться, истово крестясь.

Выломали другую дверь и вошли в комнату, где собралась вся семья: «На голбце сидел сам хозяин в безмятежной позе погруженного в работу человека. В руках у него был лапоть и кочедык, а на коленях и на полу лежали лыки. Он был бледен, как надетая на нем рубаха,

лапоть и лыки прыгали в его руках. Он не оглянулся на шум и продолжал свою работу, бесцельно тыкая кочедыком».

Митрохин проявляет выдержку, достоинство и неукротимый смелый протест против совершаемого насилия. Это передано в диалоге его с приставом. Пристав разыгрывает комедию соблюдения «правил» процедуры, стараясь придать ей «законный» характер, Митрохин разоблачает беззаконие и поднимает бунт против него. Приведем этот диалог (с некоторыми сокращениями).

«— Парамон Митрохин! — громко и отчетливо, стараясь перекрыть причитанье баб и плач ребенка, обратился пристав к хозяину. — Встать должен, когда с тобой говорят, — прибавил он, понижая голос, — встань!

— Пошто? — не изменяя позы, отвечал Митрохин.

— А по то, что я с тобой говорю!

— Разбойничать приехал, меня грабить, а я тебе кланяйся! Нет, не будет этого никогда! Разбойничай! Правь свое дело! На что тебе мои поклоны?

Митрохина подняли.

— Так, — продолжал пристав, — теперь слушай...

— Не желаю слушать.

— Все равно, молчи. Суд приговорил все твои постройки к сносу — ты это знаешь.

— Нет, не знаю и тебя с антихристом не признаю.

— Затем присуждено с тебя за пользование покосом и усадьбой 624 рубля 70 копеек и судебных издержек 60 рублей, а всего 684 рубля 70 копеек. Тебе это тоже известно.

— Я судов ваших не признаю.

— Это все равно. Денег ты не уплатил, поэтому у тебя были описаны и проданы с торгов постройки твои как строительный материал. Понимаешь?

— Грабители вы — это я понимаю».

Чем дольше Митрохин сдерживал свой гнев, тем сильнее проявился его протест, когда он сбросил с себя руки державших его лесников, рванулся вперед и закричал:

«— Дьявол!.. Это мое место, моя земля! Дедовская она, вот что! Дед владел, отец владел, я владею тридцать лет... наше вековое владение. По всем законам мое... мое оно... мое. Отнять захотели, ограбить?.. Анафемы! Не-ет, не троны!.. Не дам!.. Пусть пропадает все! Не достанется вам... А-а!..»

В иступлении он схватил топор и с необычайной силой стал рубить голбец, полати, косяки окон. Толпа отпрянула, пристав с ужасом ожидал своей смерти. Окровавленного Митрохина связали. Пристав составил протокол о вооруженном сопротивлении.

Судьба Митрохина глубоко характерна для того времени, когда уральских безработных мастеровых сгоняли с земли, а мастеровые отвечали на это ненавистью и протестом.

Погорелов нарисовал выразительную картину разоренной заимки: «На истоптанном снегу валялись клочья соломы, осколки бревен, отвалившиеся углы, жерди, гнилые балки, стойки, половицы, домашний скarb. Посреди четырехугольной серой ямы, которою означалось место, где была изба, возвышалась огромная глинобитная печь с кирпичной трубой». Психологически верен такой штрих: жена хозяина, не отдавая себе отчета, для чего это она делает, переставляла горшки и собирала рассыпанный по снегу овес.

Автор упоминает о разорении и другого выселка, обитатели которого покинули дом до прихода разорителей. Таким образом, случай с Митрохиным выступает не как исключительный, а как повседневный.

Среди отрицательных персонажей особенно завершен в художественном отношении отталкивающий образ подрядчика Мамаева, купившего на торгах постройки Митрохина. Это хищник, обогащающийся на несчастьях своего же брата — крестьянина, кулак, не брезгающий никакими методами наживы. Он сам понимает, что не всякий пойдет на такой путь обогащения, потому что, по его словам, «здешние боятся покупать, кабы голову, например, не оторвали и тому подобное...»

Мамаев пользуется беззаконием властей, бедствиями народа и сам цинично открывает свои карты в разговоре с урядником:

«— За семь с полтиной, говоришь? — спрашивал урядник.

— За эту самую цифру, господин офицер. Окромя того, вывозка конторская.

— Какая дешевись!..

— По-моему, не очень. Прошлый раз Никольский выселок продавали, так я по рубли с гривной за двор купил... А контора не корыстуетя: ей лишь бы разорить

гнездо, а барышов ей не надо. Поэтому, собственно, и оценка рупь или полтинник. Накинул пятак и получай в потомственное владение. Разумеется, будь у меня настоящий капитал, не стал бы я и соваться в такие дела: беспокойство большое.

— Само собой.

— Надо мне по первому разу в силу войти, чтобы было с чем взяться. А дела здесь — золотое дно, самородная жила! Во-первых, необразованность... Во-вторых, контора в пустяки не вникает, да и ей что? Загребает она миллионы, стало быть, ей расчёту нет беспокоить себя».

В Мамаеве уже виден будущий крупный капиталист.

Мамаеву присуще отчаянное, неумное мужество. Оно вдруг проявляется, например, в его сумасшедшей езде на рысаке. Вот это место, написанное с большой экспрессией:

«Минут двадцать спустя Мамаев мчался на своем жебце, как бешеный, обгоняя обоз. Его разноцветные сани, ныряя в снег, бились о стволы деревьев, ложились то на правый, то на левый бок, то, выпрямляясь, скрывались в ухабе. Вороной конь минутами совершенно исчезал в снежном вихре. Сам Мамаев с вдохновенным видом стоял на ногах, натянув вожжи, и каждую минуту казалось, что он разожжет себе голову. Мелькнув, как метеор, он скрылся впереди за поворотом дороги.

— Сущий дьявол, — с восхищением произнес пристав».

Это не была истинная удаля русского человека, а бесшабашное лихачество циника, готового на небезопасные, грязные дела, на разбой. Таким он и выступает во всей сцене разорения Митрохина. При всем том Мамаев подхалим, пресмыкающийся перед полицейскими и местными властями, под покровительством которых он совершает темные дела. Он обещает приставу подарить коня, принимает покорный, заискивающий тон, употребляет уменьшительные слова. «Поверните головку направо», — говорит он приставу. Он пересыпает речь искаженными, некстати употребленными «учеными» словами. «Олеография в полном смысле», — говорит он, расхваливая рысака. Так же бессмысленна излюбленная его поговорка — «десять персиков и одна малина». Вся его речь — это пестрая мешанина, отражающая его путаную, темную душу.

Мамаев не придает никакого значения моральным качествам человека. Когда ему говорят: «Копеечная твоя

душа», — он отвечает: «Очень может быть-с, мы не спорим. Ваше дело большое, наше маленькое». Или: «У тебя голик, вместо сердца». — «Ну и голик... нам ладно. Не знаю, как вам, а нам превосходно».

В обрисовке образа Мамаева сказались гоголевские традиции, в нем проглядывают черты Ноздрева.

В рассказе надо выделить еще один образ — старика, политического ссыльного, находящегося под полицейским надзором. Это образ правдоискателя, вышедшего из гущи народной. В его речах раскрываются новые стороны тяжелой жизни народа. Дана его беседа с судебным приставом и секретарем уездного суда. Старик говорит о главном деле своей жизни: «Мы ищем правду, которая по закону, а не которая по писанию. Уж об том, что по писанию-то, мы молчим». На его глазах всю жизнь творятся дикие безобразия, царит беззаконие, но он не теряет веры в торжество справедливости. А пока он неутомимо воюет за правду. Он выступает защитником крестьян, у которых отобрали дедовские покосы и продали с торгов, он изобличает мошенничества заводовладельцев и их слуг: «Лес теперича рубят. На нашей земле он растет, лес-от, мы его вырастили, наш он по всем правам, по всем законам, а они знать ничего не хотят, грозятся весь лес вырубить. И негде искать защиты...» Старик рассказывает, как управляющий проводил железную дорогу по селу, по жилым местам, и обрезал земли у крестьян; о повальном воровстве на заводах, причем инженеры крадут миллионы, но очень щепетильны в отношении мастеровых, которых увольняют за кражу какого-нибудь железного обрезка. Старик хранит в своей памяти множество вопиющих фактов произвола, насилия над рабочими. И в то же время он говорит, что есть на земле и закон и правда. Пристав на это ответил старику, что законы есть, а законных оснований ждать нечего, и выгнал его. Тьму, в которой будет бродить и искать правду этот крестьянский защитник, Погорелов символизирует непроглядным мраком улицы, на которую он вышел.

В развитии сюжета рассказа большую роль играет образ Прохора Кузьмича. Многие реалистические картины действительности даются в его восприятии. Вместе с тем именно через этот образ внесен в рассказ фантастический элемент. Прохор Кузьмич одержим навязчивыми идеями, психика его нездорова, он верит во всякую чертовщину,

не отличая реальных событий жизни от порождений его больной фантазии. Причем он очень обыкновенный, сухонький старичок с приятным лицом. Он сорок пять лет прослужил смотрителем на заводе, сам человек подневольный, и в то же время, как исполнитель воли хозяев, заслуживший ненависть населения. И это его мучает.

Начинается рассказ прямо с галлюцинаций Прохора Кузьмича. Он едет зимой на лошади через лес, и ему кажется, что за ним гонится умерший двадцать лет тому назад мастеровой Алешка Безматерных, лесной вор, которого поймали на месте преступления в лесу, высекли, а он, Прохор Кузьмич, оставил его там замерзать. Эти воспоминания не дают ему покоя. Изображение переживаний Прохора Кузьмича Погорелов сопровождает картинами снежной бури. Во время метели видения делаются все фантастичнее. Внутреннее сознание самого писателя было абсолютно свободно от мистики, он лишь изображал здесь присущие многим людям того времени суеверия. О последнем говорит та вера, с какой выслушивает рассказы Прохора Кузьмича богатырь Демидыч, сам утверждающий, что люди видели также умершего Вьюна — «сидит на пеньке, плачет, слезами уливается»; что Емелина пещера загудела, и по всему заводу об этом разговоры идут.

Под конец Прохор Кузьмич в значительной мере освобождается от галлюцинаций. После разорения заимки он особенно сильно почувствовал сомнения в правильности и благообразии прожитой жизни. От фантазий он переходит к раздумьям о несправедливостях и неурядицах жизни. Галлюцинации уступают место вполне здравым мыслям о народных бедствиях: «Вон в рудниках как тяжело, а робыт, потому что без этого нельзя. А жизнь-то, жизнь-то! Только по праздникам и видят свет божий, а то все под землей, как в аду... Одичали, вроде зверей, на людей не похожи... Работа да пьянство — вот и вся жизнь... И будто бы все для графа, будто бы ему нужно, чтобы люди гноили себя в подземельях, жарились на огне, спивались, теряли человеческий образ... Да и кто он такой, этот граф? Где он?.. Может быть, его и в самом деле нету вовсе, а есть только одни мошенники?» — думал Прохор Кузьмич.

В конце рассказа вводится эпизод протеста рабочих. Он дается через восприятие больного Прохора Кузьмича,

потрясенного тем, что его уволил управляющий, и поэтому принимает несколько туманные контуры. Прохор Кузьмич, выйдя от управляющего, заметил «странность» обстановки на заводе: толпы рабочих ходили взад и вперед в открытые ворота, со двора несло могучее гудение толпы; перед домом управляющего рабочие в шапках громко разговаривали и смеялись. Сторожей не было. Все служащие заводской конторы разбежались с заднего крыльца. «Видно, настало времячко», — сказал Прохору Кузьмичу конторский сторож. Больше старик ничего не помнил. Очнулся он в больнице через полтора месяца. Был праздничный день, но ни разряженных женщин, ни парней с гармониками, ни стариков на завалинках не было. Улицы безмолвны и пусты. Эта смена картин указывает на разгром рабочего выступления, и такой основательный, что в течение долгого времени все в поселке безмолвствовало. Рабочее выступление освещено в рассказе как бы со стороны, издалека, эпизод неразвит, неконкретен, но важно уже само настойчивое обращение писателя к фактам рабочего протеста.

В рассказе «Впотьмах» Погорелов развивает чеховскую тему русского леса. Он с большой поэзией пишет о красоте леса и скорбит по поводу хищнического отношения к нему. Поэтично изображены уральские ели, сосны, пихты, кедры, поднимающие свои вершины под самое небо. Особой красотой в воспоминаниях Прохора Кузьмича овевает образ Марьиной рощи с ее глубоким, протяжным шумом, пахучей влажной прохладой, таинственным полумраком, с вершинами сосен, горящими золотом в багрянце заката. И вся эта красота уничтожена, в три дня вырублена Марьиная роща на дрова. Начали рубить и кедровую рощу: управляющий решил и свой и мужицкий лес вырубить, чтоб на пятнадцать верст кругом была пустыня. О беспощадном, варварском истреблении лесов Погорелов говорит с горечью и негодованием.

У Погорелова часто встречаются «счастливые находки» в деталях, мимолетных эпизодах, дополняющих общую картину. В рассказе «Впотьмах» к таким моментам относятся рассказ о перехваченных по дороге в Петербург ходоках; о сумасшедшем солдате, сбивавшем народ в итальянское подданство и за это высеченном становым; или, например, комический эпизод со стражником, приставленным к сосланному старику «для надзора полиции», как

объясняет сам стражник свое назначение, прибавляя к этому: «Некасаемо каких полетических слов, какие например слова али что...» А поднадзорный так поясняет свои взаимоотношения со стражником: «Слушает, начальству доносит... Ну, да слова мои правильные — хоть слушай, хоть нет. У меня и живет, поставили ко мне на фатеру, того-другого припрашивает, в праздник вина ему давай. Надоел хуже не знаю чего... Вот сейчас зачем, думаете, он меня беспокоит? В баню ему надо, так домой меня зовет. Иди! — вдруг сердито закричал старик на стражника. — Иди, не убегу ведь... Тебе в баню, а мне вот с господами поговорить.

— Простынет баня-то, — трагическим шепотом говорил стражник».

Эта полная юмора сценка, как и другие эпизоды, характеризует все тот же идиотизм старого быта.

А. С. Ладейщиков относит заглавие «Впотьмах» к Прохору Кузьмичу, который всю жизнь прожил впотьмах и в конце жизни тоже не разобрался в ее «порядке». Думается, что заглавие надо трактовать шире и отнести его ко всем истинно темным сторонам народной жизни, которые здесь так достоверно и правильно изображены.

В первой половине 900-х годов Погорелов написал ряд небольших рассказов, вернее, очерков, в которых повествователем и действующим лицом является сам автор. В них запечатлевается какая-нибудь встреча, личность, чем-то привлекающая к себе внимание, разговор или серия картинок.

Одним из таких очерков является «Одинокий скиталец», маленькое произведение в духе зарисовок «из записной книжки», как и значится в подзаголовке. Описывается встреча автора в пути с тем, кто назван одиноким скитальцем. Это разночинец Аромашев, уже пожилой человек, прошедший трудный жизненный путь. Не получив образования, он тем не менее развит, работал писарем, фельдшером, учителем, ходатаем по крестьянским делам и т. д. Он весь предан главной своей цели — делать крестьянам добро, стоять на страже справедливости. У него сложилась и своя «доморощенная философия», по которой добро — это побуждение высшего порядка, присущее мыслящему существу, это нечто новое, чего природа до человека не знала. «Я верю в добро, так сказать, органически», — говорит он и уверен, что люди все в конце кон-

цов верят в силу добра. Эта вера была для него источником большой душевной бодрости, физической стойкости, оптимизма.

Личная жизнь Аромашева драматична: жена оставила его с тремя детьми, убедившись, что он не герой, за которого она принимала его в своем увлечении. Дети умерли от дифтерита. У него сохранилось гуманное отношение к жене, он жалеет ее за то, что она с ним мучилась, пережила разочарование, он даже думает, что виноват перед ней, не сохранив детей (хотя она ушла от него с другим, скоро ее бросившим человеком). О том, есть ли у нее вина перед ним, ему и в голову не приходит думать.

Делая добро крестьянам, он отнюдь не считает себя подвижником. Он вообще скромн и совсем не склонен к фразе. Бывшая жена называет его в письмах «одиноким скитальцем». Он согласен с тем, что он скиталец, но с тем, что одинок — не согласен: он — с людьми, для которых живет. Он без ропота переносит все лишения, безработицу, голод — не из юродивого смирения, а от присущего ему терпения, духовного здоровья, ясности и простоты взгляда на жизнь. Когда автор предложил ему надеть пальто (стало холодно), он отказался, обронив фразу: «У меня теплая кровь». Автора привлек этот человек с теплой кровью, верящий в добро, бескорыстно борющийся со злом.

В сцене на постоялом дворе Погорелов показал Аромашева строгим, принципиальным человеком, разоблачающим преступления богатеев, например, растрату общественных денег хозяином постоялого двора.

Погорелову представилась эта фигура характерной для России, особенно для провинции.

Этот миниатюрный очерк состоит из нескольких кусков, различных в стилевом отношении. Здесь и лирическое описание природы, и юмористическая передача разговора автора с ямщиком (юмор основан на колоритной речи крестьянина), здесь и рассказ Аромашева о себе, его интеллигентная речь, верно переданная автором. Очерк лаконичен, начат по-чеховски прямо «с дела», использован прием «рассказа в рассказе».

«Одинокий скиталец» сначала был помещен в «Литературном сборнике» в память женщины-врача Евгении Павловны Серебренниковой, изданном в Петербурге в

1900 году, а затем вышел отдельной книжкой в издании Вятского товарищества в 1903 году.

В том же «Литературном сборнике» помещен «рассказ проходимца» — «По закону». Это короткое произведение, представляющее собой по форме монолог чиновника, рассказывающего о том, как он угодил начальству, добыв обманом и подлостью у передового крестьянина Трофимова переписанный им «закон 1893 года», который заводское начальство тщательно скрывало от населения. В рассказе этот чиновник-проходимец цинично хвастается своим предательством, на которое он пускается, чтоб «нагнать страху» на крестьян и в то же время сделать все «по закону». Он притворился выгнанным со службы, пустился в разговор с Трофимовым, в критику вышестоящих чиновников, влез к нему в доверие. Трофимов показал переписанный им закон, а на следующий день чиновник явился к нему в полном обмундировании с обыском, отобрал закон, а Трофимова увезли в тюрьму.

В очерке изобличены беззакония, подлость чиновников — от мелкой сошки до управляющего г. фон-Энде, а также показано бесправное положение крестьян, испытывающих на себе произвол чиновников-проходимцев.

Очерк написан краткими предложениями, живо, с разнообразными разговорными интонациями. Употреблено много слов и выражений чиновничьего жаргона («сделайте ваше одолжение», «все по закону-с», «распушил меня» и т. д.). Весь рассказ чиновника звучит как саморазоблачение, но не в осуждение себе, а наоборот, он рисуется своим «подвигом», ловкостью, обнажая свою растленную душонку.

В письме к брату от 19 марта 1897 года Погорелов назвал «По закону» фельетоном и просил прислать ему номера газеты «Рудокон», где он был напечатан впервые.

Очерк «В глуши (Из записной книжки)» посвящен крестьянской теме. Главный конфликт в нем — конфликт «земельный». Автор, приехавший по делам службы в деревню Колпакову, узнает, что местные крестьяне долго вели тяжбу с башкирами из-за земли, выиграли ее, но не уплатили двух тысяч рублей пошлины и поэтому землю не получили, как и шестнадцать тысяч неправильно взысканных с них выкупных платежей. Темнотой крестьян, запутанностью дела и законодательства решил воспользоваться земский начальник фон-Кноп и путем мошеннических

комбинаций овладел этими землями, якобы купленными им у башкир. Крестьянам предполагалось оставить лишь по пять десятин земли, а башкиры вообще теряли все. В связи с этим через год в Колпакове произошел бунт, беспощадно подавленный.

Погорелов показал разложение общины, которая не только не защищает членов ее от нищеты, а наоборот, потворствует притязаниям богатеев, взявших в ней верх. В деревне разжигается вражда между русскими и башкирами, между богатыми и бедными, между староверами (коренными жителями) и православными («припущенниками»). Об этом последнем противоречии красочно говорит отставной солдат Пименыч: «Коренные жители — столоверы, а припущенники — православные. Наприпущали в общество старики вятских и всяких других народов, бог знает каких, теперь лаются.

— Отчего?

— Совет не берет. Известно, одни — столоверы, другие церковные.

— Зачем же принимали?

— А водочка-матушка! Все она действует.

— Но ведь староверы не пьют?

— Кто? Столоверы-те? Ну, сказал ты, не пьют! Только поднеси! Как псы, жадны до вина, будь они прокляты, стриженные макушки!»

В очерке изображается староста, православный, из припущенников, положение которого трудное и щекотливое: мужики ему не доверяют, «как за арестантом, следят», «не дают воли вятскому чужееду». Такое положение сказывается и на внешности и на всем поведении старосты, вечно беспокойном, с тревожно бегающими глазами.

Рисуя мирской сход, Погорелов дает выразительную характеристику трем поколениям деревенских жителей. Старики с хмурыми и суровыми лицами, одетые в высокие остроконечные войлочные шляпы, картинно опираются на батоги, степенны и походят на библейских патриархов. У них выстрижены на голове гуменца, по раскольничьему обычаю, поэтому Пименыч и назвал их — «стриженные макушки». Мужики средних лет имеют смиренный, запуганный, озабоченный вид и помещаются в задних рядах. Молодые носят картузы и даже солдатские фуражки, держатся бойко и непринужденно.

Конфликт молодых и «стариков» — это не возрастной конфликт. Старики решают дела в пользу богатеев, путем обряда «пропивания» при решении того или иного дела. Так, на сходе была пропита половина усадьбы Маринки, молодой вдовы, доброй и беззащитной бабы. Эта половина совершенно незаконно была передана «полномочному» мужику Ивану Перфильеву. Марину обвели вокруг пальца, пользуясь замешательством ничего не понимавшей женщины, — пили водку, заставили Марину тоже выпить стакан и «руку дать», а потом представили дело так, будто бы Перфильев купил усадьбу вдовы с ее же согласия, хотя она заявила, что не получила от него «гроша расколотого».

Живописна картина схода, на котором загорелась борьба между «беспокойными элементами» общины и стариками. Перфильев ведет агитацию в свою пользу, и именно этот кулак влияет на решение схода. Мошенник действует в открытую обманом, произнося лицемерно-ласковые речи, обращенные к Марине: «Если бы ты не согласилась, ты бы сказала: ступайте домой, старички, нету вам моего согласия, вот бы ты что сказала. Мы бы разошлись честь-честью: не согласна — только и есть, твоя воля. А то ведь ты руку давала, вино пила. Вот что, миленькая. А теперь на попятный... Это нехорошо. Все общество теперьича ты под топор подводишь».

После схода кулак вместе с другими богатеями села пришел к автору с угощением. В этой «депутации» выделяется еще один образ кулака — Петра Парамонича, нарядного мужика с осанистой фигурой. Они пришли просить «барина» припугнуть Маринку острогом. Он, конечно, отказался наотрез. Но выслушал подробный рассказ о земельной тяжбе.

О распаде общины, противоречиях, раздиравших ее, говорит древний старик Петр Крысаныч. Человек с патриархальным сознанием скорбит о «делах мирских»: «Не стало жалости к человеку... не стало согласу... одна свара и грех... все врозь, все друг против дружки! Люди мы или звери? Зверь разум имеет и совесть, а мы не имеем... Пошлину надо было заплатить — не могли по десятке со двора собрать». В этих словах старика — одна из главных мыслей очерка. В уста старика Погорелов вкладывает обличение кулацкого засидья в общине. Через серию сцен

и ряд образов создается в очерке верная картина пореформенной, обезземеленной, раздираемой противоречиями деревни.

Рассмотренные произведения относятся к пермскому периоду жизни и творчества Погорелова. Все они написаны в течение десятилетия, предшествовавшего революции 1905 года. За это десятилетие Погорелов сложился как писатель-реалист и демократ, обличитель капиталистического строя, защитник трудящихся, горячо сочувствующий растущему народному протесту против угнетателей.

Продолжая лучшие традиции русской реалистической прозы, учась у великих писателей прошлого и у своих современников, Погорелов ярко проявил свою творческую индивидуальность, привлекая к его произведениям внимание читателей и критики, и получил общественное признание.

Возможности его таланта отнюдь еще не были исчерпаны, и в новых произведениях, написанных в революционные годы, они нашли свое развитие.

В течение почти двадцати лет Погорелов оставался активным деятелем Пермского губернского земства, которое считалось наряду с Вятским одним из прогрессивных. Но к началу 900-х годов стало нарастать острое недовольство Погорелова земской деятельностью, в письмах он говорил о своем желании, даже необходимости уйти, так как «здесь служение скоро превратится даже уж и не рублю, а черт знает кому» *. К этому времени обострились взаимоотношения Погорелова с официальными кругами Перми. В 1902 году он был заподозрен полицейскими властями в предоставлении своей квартиры для собраний тайного политического общества. У губернатора и жандармского управления он считался политически неблагонадежным. Писателю грозила высылка из пределов Пермской губернии, и он давал подписку о невыезде **.

В последние годы жизни в Перми (в начале 900-х годов) Погорелов вместе с популярным в то время в губернии общественным деятелем и земским статистиком

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 168. Письмо Погорелова И. С. Сигову от 31 мая 1904 г.

** Там же, ед. хр. № 185 и № 186.

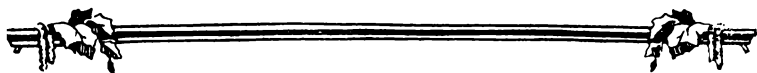
А. Погорелов в своей семье. Этот снимок в семье носил шутливое название «Три богатыря», которых изображали Павел (слева), Иван (справа) и Алексей в центре. Сидят в середине мать и отец Сиговы, справа — жена А. Погорелова Ольга Порфирьевна.

П. А. Голубевым редактировал прогрессивную газету «Пермский край», противостоявшую официальной газете «Пермские губернские ведомости». О том, как Погорелов относился к задачам этой своей работы, свидетельствует ряд его высказываний в некрологе Голубеву. Погорелов рассказывает о жизненном пути Голубева, происходившего из заводских крепостных Вятской губернии, всю жизнь упорно трудившегося «на благо народа», подвергавшегося за революционную деятельность арестам, ссылкам. Погорелов высказывает свое глубокое уважение к Голубеву именно за это служение народу, защиту его прав и интересов. Особенно подробно он характеризует Голубева как газетчика, говоря, что большая доля энергии Голубева пошла на неизвестную и безымянную работу в провинциальных, так называемых «местных» газетах, по мнению Погорелова, наиболее непосредственно соприкасающихся с массой населения и отражающих его нужды. Погорелов пишет, что Голубев считал главной задачей местной газеты обличительство, поэтому имел массу врагов, подвергался преследованиям, ссылкам, но и в новых местах быстро входил в местные интересы и бескорыстно, с энтузиазмом отдавался своему делу *. Так выразил Погорелов свое отношение к принципам и значению журнальной деятельности, которой сам отдал много времени и сил в Перми и впоследствии в Петербурге. Видимо, работа газетчика и вызывала против Погорелова ненависть местных реакционных кругов.

Погорелов ушел из земства в 1904 году. Для человека, не имевшего никаких сбережений и обремененного семьей из восьми членов, было нелегко найти новый заработок. Он принял предложение поступить в Петербург на должность представителя тарифного отдела акционерных страховых обществ.

* См. «Русские записки», 1915, № 2.

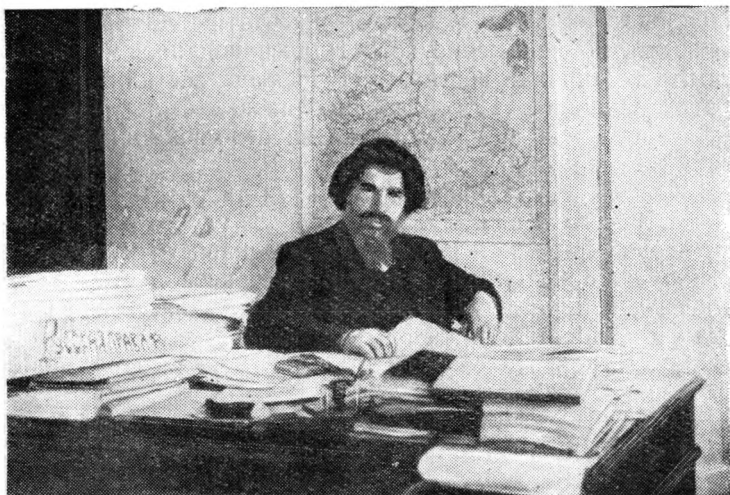
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ПОГОРЕЛОВА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ В ПЕТЕРБУРГЕ

В феврале 1904 года А. Погорелов поселился в Петербурге. М. А. Сигов утверждает, что одним из основных мотивов переезда писателя в Петербург являлось желание быть ближе к назревавшим в столице революционным событиям, к передовым общественным и литературным кругам.

Погорелов сразу связался с редакцией «Русского Богатства», где его больше всех привлекал, конечно, В. Г. Короленко. С ним он очень часто встречался в редакции и в домашней обстановке, отдавал на его суд свои новые произведения.

Погорелов был полностью поглощен разворачивающимися событиями революции и резко критиковал реакционную правительственную политику. В июне 1905 года он пишет в письме к Ольге Порфирьевне: «В Польше, по-видимому, начинается форменное восстание. В Лодзи было столкновение народа с войсками. Строились баррикады, которые брались при помощи артиллерии. По сообщениям иностранных газет, убито около 1500 человек. В Варшаве тоже строятся баррикады, о чем есть немало даже в агентских телеграммах. Аграрные беспорядки все возрастают, и круг их расширяется. В некоторых губерниях (Саратовской, Самарской и других) уже обнаруживаются признаки грядущего полного неурожая...» *. Писатель с болью говорит о неизбежном голоде, о спутнице его холере и продолжает: «А безумствующие заправилы несчастной страны окончательно утвердились в решении продолжать войну

* Архив литературного музея Мамина-Сибиряка в г. Свердловске, фонд А. Погорелова, инв. № 3498/4.

А. Погорелов в своем петербургском кабинете.

во что бы то ни стало. Будет снова объявлена мобилизация войск... Опять свирепствует цензура, и печать подвергается сугубым карам и притеснениям: закрыли на месяц «Русь», «Сын Отечества» уже второй день не выходит, с ним, кажется, порешено прикончить совсем. Всякие собрания опять начали разгонять. Так, всероссийский съезд учителей должен был собраться в Финляндии (Выборге), так как в Петербурге его два раза разогнали. Везде свирепствуют казаки, жандармы, полиция... Суды приговаривают 19-летних мальчиков к повешению за нападения на городских. В царские слова, сказанные депутации земцев, здесь никто не верит, и все ругают земцев, зачем полезли...» *.

К декабрьскому московскому вооруженному восстанию Погорелов отнесся с большим сочувствием. В эти дни были арестованы и посажены в тюрьму Кресты старшие сыновья писателя — Владимир и Константин.

В 1906 году Погорелов был в Петербурге одним из основателей, издателей и редакторов прогрессивного еже-

* Архив литературного музея Мамина-Сибиряка в г. Свердловске, фонд А. Погорелова, инв. № 3498/4.

недельник «Вести». Еженедельник этот неоднократно закрывался, но неизменно возрождался под новыми заглавиями («Мирские вести», «Народный вестник» и др.). В этих изданиях Погорелов публиковал свои очерки о русско-японской войне, о развитии революционных настроений в деревне, о 9 января.

Весь документальный материал и творчество Погорелова с 1904 года свидетельствуют о его глубоком сочувствии первой народной революции, о ненависти к самодержавию, ко всем силам реакции. Оставаясь в стороне от рабочего, социал-демократического движения, он участвовал в осуществлении общедемократических задач революции доступными ему средствами — как писатель и общественный деятель.

Произведением, которое Погорелов вынашивал еще до приезда в Петербург, а по приезде быстро закончил, работая над ним с большим вдохновением, была повесть «Омут», опубликованная в № 3 «Русского Богатства» за 1904 год.

Эта повесть — шаг вперед в осмыслении писателем исторических судеб буржуазии.

Герой повести — миллионер Пахом Саввич Бутылин. Читатель с первой главы узнает об угрызениях совести, душевных муках Бутылина. Его положение двойственно: для всех окружающих он — баловень слепого счастья, знавший, грубый самодур; и внешне поведение его соответствует этому привычному взгляду на него: он, как и всегда, цинично шутит, разговаривая с горными генералами, пьет вино, рассказывает грязные анекдоты. Но душевное его состояние совершенно иное: им непрерывно владеет страх, который не дает ему уехать из клуба в домашнее одиночество, а главное — он испытывает чувство бесконечного отвращения к окружающим людям из своего сословия. «Дрянь, мелочь!» — думает он о них. У него вспыхивает желание избить их нагайкой.

Во второй главе рассказывается история обогащения Бутылина. Двадцать лет назад он был мелким золотоискателем. Его приятель Иван Сальников попал на богатую жилу и вступил в ее владение в компании с Бутылиным. Энергичный, деловой Бутылин взял все управление предприятием в свои руки, Сальников радовался этому, кутил, а Бутылин «с дьявольской настойчивостью и

терпением» готовил разорение компаньона, переводя на себя все капиталы, пользуясь тем, что Сальников доверчиво подписывал все бумаги и векселя. Поставив Сальникова перед фактом полного разорения, Бутылин только сказал ему: «Не будь дураком». Сальников умер от паралича сердца, семья его пошла по миру. «Общественное мнение» очень строго отнеслось к... Сальникову: «Сам виноват, подписывал невесть что, в коммерции отцу родному верить нельзя», — таков был общий приговор.

Так Погорелов еще раз обнажает преступную, грабительскую сущность капиталистического предпринимательства.

Почувствовав к старости сильнее угрызения совести, Бутылин впадает в психическое расстройство. Он галлюцинирует, его преследует умерший Сальников, звонит ему по телефону. Погорелов с большой силой изображает патологическое состояние Бутылина, чувство страха перед видениями, ужас бессонных ночей, физические ощущения Бутылина: «Несмотря на выпитую малину, на пуховики и шубы, которые горой лежали на нем, он испытывал озноб во всем теле и чувствовал себя огромной чужой остывшей массой, в которой боязливо трепетала его маленькая, ничтожная душа».

Тоска гонит Бутылина из дома, из клуба, от людей. Он возвращает к себе своего сына-бродягу, готовит ликвидацию дела. Он посещает конторы, дельцов, при которых, уже не сдерживаясь, высказывается, не заботясь о том, что им совершенно непонятны те мысли о греховности, бессмысленности дальнейшего ведения дела, которые мучают его. Не думая о том, как неуместны эти признания перед бездушными чиновниками-взяточниками, он как бы подводит итог своей жизни, пересматривает весь свой путь, признавая его преступным и бессмысленным. Душа его слабеет, психика становится все более болезненной, но в то же время в нем растет и здоровое, живое человеческое начало: это разумная оценка своей собственной жизни и протест против уродства, мерзости, несправедливости окружающей действительности. Этот протест проявляется сначала на заседании думы, когда ему во время речи адвоката пришла в голову «соблазнительная мысль»: «А что если ударить его по лицу?.. Если всем кулачищем в зубы? В морду? Чтобы видели, как бьют подлецов, а?» Затем

в трактире Бутылин избивает предводителя дворянства, развратника, растлевающего пятнадцатилетнюю девочку из приюта. Протест нарастает и наконец завершается в сцене юбилея генерала Угарина сильнейшей вспышкой. В разгар лживых юбилейных речей Бутылин, в своем больном сознании перевоплотившись в Сальникова, обликает лицемеров, восхваляющих старика-генерала за честность, когда всем известно, что он вор и бездельник и, кроме вреда, ничего в жизни не принес. Бутылин кричит: «Здесь нет истины, нет честных людей, здесь все участники одной шайки, которая грабит и обирает народ. Воры, взяточники, льстецы, грабители, развратники, надувалы!.. Образованные, просвещенные люди!.. Будьте вы все прокляты!.. все прокляты!!» Этот взрыв негодования стоил Бутылину жизни: «...огни стали тухнуть, люди в смятении куда-то поплыли все в одну сторону, потолок наклонился, и вдруг, как молния, сверкнул яркий свет, потом всё исчезло. Бутылин закачался и грохнулся на пол. Его поразил апоплексический удар».

На основании этой сцены бунта принято утверждать сильное влияние повести Горького «Фома Гордеев» на повесть Погорелова «Омут». Эта ассоциация возникает, конечно, неизбежно. Сходство заключается в том, что с обличением эксплуататоров выступает в обоих произведениях человек, принадлежавший к тому же классу, но отколовшийся от него. Но при этом необходимо подчеркнуть и большую разницу между бунтующими Фомой Гордеевым и Бутылиным. Фома — это, по замыслу Горького, романтический герой, бунтарь-одиночка из купеческой среды, носитель возвышенного морального идеала и судья своей среды. Это здоровый, «естественный» человек, который бешено бьется в окружающей его жизни и свален с ног мелочами, как легендарный Геркулес. Бутылин же — это закоренелый стяжатель. Процессы, приведшие к выступлению против своего класса, обоими писателями показаны по-разному. Бунт Фомы естественно подготовлен всем ходом его нравственной жизни смолоду, даже с детства. Погорелову же для обоснования перелома в сознании Бутылина потребовался элемент фантастики, психической патологии, когда заболевшую совесть капиталиста до крайности обостряет преследующая его «воскресшая» жертва, Сальников.

Таким образом, сходство произведений состоит

только в бунте, обличении, в одинаковом результате разных психологических процессов, происходивших в разных, непохожих людях.

«Омут» не единственное произведение Погорелова, в котором он делает одним из важных компонентов сюжета мистические переживания своих героев. Но в мистической форме заключено разумное начало, эта мистика основывается на жизненных, реальных мотивах и не уводит в область сверхъестественного ради него самого.

Идея обреченности капитализма заключена в повести не только в протесте Бутылина, но и в показе вырождения его семьи. Жена его разжирела и отупела; дочь — горбатая, кривобокая, с лицом, испорченным опой; их обоих Бутылин стыдился и держал в домашнем заточении.

Наиболее полное раскрытие в повести получил образ сына Бутылина — Петра. Он был когда-то студентом, но его исключили из Горного института, он женился на арфистке, отец его проклял. Жена вскоре ушла от Петра, он запил и превратился в босняка. Иногда он приходил домой тайком от отца, мать принимала его с заднего крыльца и, плача, кормила объедками.

Образ Петра в начальных главах возникает только один раз, когда Бутылин, мучимый тоской, мчит за городом на рысаке и, проезжая мимо сына, успевает рассмотреть рыжее узкое пальто, летние, точно изгрызенные снизу панталоны, остроконечную киргизскую шапку из рыжей овчины, молодое, истощенное, посиневшее от холода лицо. Во втором эпизоде Бутылину о сыне рассказывает его приятель, такой же бездомный бродяга, которого Бутылин пригласил в трактир, чтобы разузнать о Петрушке. Отец спрашивает оборванца: «Этот Бутылин... ночует в ночлежном доме... а живет-то он где же?» — «А живет он... как сказать?.. В трактир зайдет, в чайную, в столовую, в библиотеку... так и проводит время... когда по домам ходит, стреляет...» — «Как стреляет?» — «А это называется стрелять, ежели у кого выпросить денег или из одежды... на погорелое место, скажем, или выписался из больницы — это и называется стрелять...» Но бродяга прибавляет, что Петр врет не особенно искусно: «Амбиция-с».

В последних главах повести Петрушка становится одним из главных действующих лиц. Он пробирается

ночью в контору отца и взламывает кассу. Бутылин поймал вора, чуть не задушил его, но вскоре в худом, бледном оборванце узнал своего сына. Если вся эта сцена страдает оттенками мелодраматизма, то следующая за ней полна живой правды и написана рукою мастера. Это сцена примирения:

«Час спустя Петруша, наряженный в отцовский сюртук, который висел на нем, как на вешалке, умытый и причесанный, сидел за чайным столом и с жадностью пил и ел, больше, впрочем, пил. Мать плакала, не спуская с него заботливых глаз. Отец в волнении ходил по комнате.

— Кто старое помянет, тому глаз вон, — говорил он, — Пусть все будет, как прежде... я теперь многое понял... Прощаю тебя, и ты меня прости.

— Кушай, Петруша, кушай! Кушай, голубчик, — твердила мать.

Петруша, опустив глаза, молчал. Странная, глуповатая, блаженная улыбка не сходила с его губ. Он успел уже выпить несколько рюмок и находился в состоянии сладкого отупения. По временам он мучительно кашлял, давился от кашля, и тогда его бледное лицо становилось багрово-красным, глаза выкатывались из орбит. После каждого припадка он хватался за грудь и долго не мог отдышаться, потом сморкался, тяжело вздыхал, выпивал рюмку водки и, жалобно улыбаясь, говорил: «Здорово простудился!»

— Доктора позовем, он мигом вылечит тебе этот кашель, — говорил отец. — Конечно, от простуды это. Еще бы! В этаких-то ризах».

В этих простых словах Погорелов раскрыл переживания и сына, и матери, и отца: жалкое положение Петра, конченного человека, сраженного водкой и чухоткой; слепое чувство матери; жгучую, невысказываемую жалость к сыну Бутылина, видимо, надеющегося на его исправление. В этом исправлении мог бы заключаться весь смысл его жизни: он передал бы ему свое дело и понял бы, во имя чего, для кого копил, обирал, совершал преступления перед человеческой совестью.

Но моральная гибель Петра была окончательной. Отец убедился в этом, когда сын стал кутить с золоторотцами в трущобах, терроризировать всех в семье, привозить в дом набеленных и нарумяненных девиц.

О своей невозвратной конченности сам Петр говорит отцу: «Ты, разумеется, надеешься на мое возрождение, еще бы! Думаешь, что вот перестану пить, буду опять человеком? Потому что иначе на кой черт ты бы стал за мной ухаживать?.. Но, милый папаша, для меня уже нет возврата... после такой встряски нельзя жить. Какая тут жизнь!.. После такой штуки человек уже не человек, а труп, от которого смердит... Остается не жизнь, а смрад... Потому что... ты подумай только: как тут жить, для чего жить? Спрятаться не за что... Нет никаких иллюзий... Жить злобой или ненасытными аппетитами... Да, это можно... Но я тряпка, трус и ненависть моя бесплодна, у меня нет даже жалости ни к чему... вот только к водке, да и ту, кажется, скоро брошу... А главное, что нельзя воротиться назад, никакими путями, никакими усилиями... нельзя простить, нельзя забыть....» Петр предрекает и гибель отца: «Скоро и тебе капут».

Иногда Петр впадал в обличительный, проповеднический тон и громил отца за «эксплуатацию рабочего класса», обрисовывал картины страшной жизни народа. Но никакого просвета в будущее он найти не мог, мысль его уткнулась в тупик. Он говорит отцу о диких, звериных законах капиталистического мира и о философе «Фридрихе Ничше», который все это оправдывает, даже одобряет и превозносит, считая высшей культурой одухотворение и углубление жестокости. «Стало быть, да здравствует жестокость!.. Ха, ха! Черт знает что!.. Столпотворение, одним словом!» Ему, сыну своего класса, вышвырнутому на дно жизни, нечего было противопоставить этой звериной философии. Здесь для него замыкался круг.

Петр исчез из дома с того момента, как привезли мертвого отца. Он явился на кладбище с большой толпой оборванцев, когда гроб был уже опущен в могилу. «С вдохновенным видом, воодушевленный нелепой мыслью произнести на могиле какую-то необыкновенно сильную речь, в которой высказать всю горечь, все обиды своей неудавшейся жизни и обличить людей, Петруша смелой походкой пробрался вперед. Эта речь рисовалась его больному воображению, как удар грома среди безоблачного неба, как вопль наболевшей души, которым он хотел потрясти сердца... «Но он только упал

на мерзлую глину и зарыдал. Из горла у него ручьем хлынула кровь...»

Вот этим многоточием и заканчивается повесть.

Образ Петра типичен для эпохи распада, загнивания капиталистических отношений. Его литературными предшественниками являются сыновья Арины Петровны в романе Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» — Степан и Павел, а особенно близок ему Василий Андреевич Черемухин из цикла очерков Глеба Успенского «Разоренье». Писатели, осуждая социальные и моральные «устои» эксплуататоров, показывали вырождение личности в этой среде, особенно в младшем поколении, так как жизнь этого поколения совпала с периодом упадка капиталистического строя в России.

В повести «Омут» драма в семье золотопромышленника Бутылина дана на широком социальном фоне. Погорелов снова выступает обличителем господствующей верхушки, рисуя корпорацию воров, насильников, грабителей — в мундирах и орденах.

Погорелов избегал описательного способа характеристик. Каждое лицо он живописал. Отрицательные образы в этом отношении ему «подчинялись» лучше, чем положительные. В «Омуте» мы встречаемся с рядом выпуклых живописных фигур из чиновничьего мира.

Среди них генерал Угарин, горный инженер. Внешне этот представительный семидесятилетний старик производил впечатление очаровательного человека с чувствительным сердцем, не утраченным юношеским пылом. Покровитель искусств (вернее, хороших балерин), любитель балов, пикников, всяких увеселений, он признавал только показную сторону своего служебного положения. Тем не менее, считался хорошим администратором и нажил миллионное состояние.

В обстановке неограниченного хозяйничанья чиновников в этом «государстве в государстве», каким было горное управление на Урале, он сумел извлечь для себя все выгоды, и жизнь его прошла, как непрерывный праздник. Для укрепления своего служебного положения ему достаточно было лишь произносить речи о святости служебного долга, о чести, совести, ответственности перед богом и государством, о том, что казенные интересы должны быть выше всего. Это были в действительности лишь пустые фразы, которыми он, может

быть, даже и бессознательно, прикрывал свою полную бездеятельность. Такие бездельники и казуисты у власти были нужны в те времена, когда все беззакония совершались неминуемо, в силу того, что они были неотъемлемым признаком самой социальной системы и порождались ею. Поэтому угарины пользовались всеми благами и жили в свое удовольствие. А в это время в подведомственных им учреждениях искони процветало неискоренимое казнокрадство и темное взяточничество. «Освященные давностью и обычаем, они существовали открыто, у всех на глазах, не вызывая ни в ком ни осуждения, ни протеста. Практика выработала стойкие формы мздоимства и освященные обычаем приемы вымогательства, установила негласные тарифы и таксы поборов, ревниво оберегаемые обеими сторонами. Сам старик ежегодно получал до сорока тысяч так называемых безгрешных доходов и за время своей полувековой службы скопил себе миллионное состояние», — пишет Погорелов.

При таком положении вещей Угарин не имел никаких принципов, не проявлял никакой деятельности. Он заменял и принципы и деятельность плетением словесной паутины, казуистикой, что Погорелов передает с большим мастерством. Эта казуистика могла вымотать просителю всю душу, ни на йоту не продвигая вперед его дело. Угарин знал, что существует определенная, сложившаяся система, которую обслуживает некий Иван Абрамович, и существует он сам, нужный этой системе и умеющий ею пользоваться в свое удовольствие. И вот он пускался в словоговорение, когда проситель, например, жаловался, что Иван Абрамович не держит своего слова: «Надо слово держать! Разумеется! Это нехорошо — не держать слова... да, да, нехорошо... Слово надо держать, как же! Непременно! Это же самое главное!.. Если обещал, так уж держись!.. И пословица говорится: давши слово, крепись!...» и т. д. Если проситель доказывал, что он разорен, но, как маленький человек, нигде не может найти защиты, Угарин говорил: «Это вы напрасно... В нашем православном отечестве законную защиту всегда можно найти, и если вы не нашли, то найдете, а если не найдете, то, стало быть, вы неправы»...

Сущность настоящего крепостника, однако, проявлялась в этом «нежном» и «обаятельном» старике, когда

он сталкивался с «черным народом». При мужиках он как будто мутился в уме, он вспыхивал, как порох, приходил в исступление, кричал, визжал, тарашил глаза, топал ногами: «Зазнались!.. Забылись!.. — выкрикивал он бессмысленные слова вместе с такими же бессмысленными ругательствами, — я вам покажу!.. Я вас научу!.. Забыли, как вас в три кнута драли?.. Зазнались, бунтовщики! Каторжная порода! Взять их!.. Заковать!..»

Вершителем всех дел в подведомственном Угарину управлении является Иван Абрамович, делец, подхалим, в то же время сознающий свою силу и то, что Угарин в его руках игрушка. Живо дана в повести обличительная сцена, изображающая, как Иван Абрамович берет взятки; в нем проявляются черты истинного хамелеона, меняющего выражение лица и тон в зависимости от положения посетителя и размера взятки. Хамелеонство — характернейшая черта чиновничества царской России, блестяще типизированная Чеховым в рассказе «Хамелеон». Вариант хамелеонства представлен в повести «Омут».

Косность, фарисейство губернских чиновников раскрыты в сцене заседания думы. Заседание было посвящено вопросу о пожертвовании купцом Лопатиным дома и денег для Пушкинской общественной библиотеки. Погорелов показывает, как в верхушке шла грызня, пожирание друг друга. Так как репутация Лопатина поколебалась вследствие какой-то темной истории, после которой от него все отвернулись, то члены думы решили отвергнуть его «сомнительный дар». Образцом иезуитской, уклончивой речи является речь адвоката Мелехина, компрометирующая Лопатина политическими полунамеками, недомолвками, фигурами умолчания. Этого земского деятеля характеризуют его слова: «...и Пушкинское общество и пожертвования на библиотеку — дело для нас в высокой степени постороннее, и впутываться в эту историю по меньшей мере неблагоприятно».

Комична фигура мукомола Пустова, члена думы, который тонким бабьим голосом жаловался, что «Лопатин с господином Пушкиным впутывает гласных в нехорошее дело», и предлагал пожертвование отклонить.

Саркастически изображено Погореловым дамское

благотворительное общество, возглавляемое генеральшей Угариной. Дамы покровительствуют приюту для бедных девочек. Они готовят встречу архиерею, собирающемуся приехать в приют, на эту встречу тратятся огромные средства. Все здесь пронизано ложью и лицемерием. Архиерею готовится в подарок расшитая подушка, якобы сделанная руками девочек, но от которой предварительно пришлось отпороть ярлычок: «Мастерская м-ме Теодор». Все предметы для выставки «приютских работ» закуплены были на базаре. Изнанка этой благотворительности разоблачается через показ истинного положения приютских девочек, которыми торгуют, как живым товаром. В сцене в трактире Погорелов изобразил отвратительную оргию, в которой участвуют местные богатеи и их жертвы — девочки, одетые в серые, одинакового фасона платья. Особенно сильно изображается одна из них: «Рядом с Квасинским, обхватив голову руками и упираясь локтями в стол, сидела девочка лет пятнадцати, тоненькая, худенькая, в таком же сером, но измятом и криво надетом платье, и тихо всхлипывала. Она была тоже пьяна». Бутылин узнал, что надзирательница приюта, где благотворительствуют дамы, а он сам состоит попечителем, отпускает воспитанниц на эти оргии, так как эти девочки теперь в моде. Бутылин смотрел в цинические, «варнацкие» глаза Квасинского и слышал, как внутренний голос приказывал ему: «Ударь его». И Бутылин ударил его и топтал, как гадину.

Цепь эпизодов, связанных общей обличительной задачей, завершается сценой «торжественного акта» в приюте, на котором приветственную речь архиерею произнесла худенькая, стройная, очень красивая, но чрезвычайно бледная воспитанница лет пятнадцати, в которой Бутылин узнал плакавшую тогда в трактире девочку.

В повести «Омут» затрагиваются и темы народной жизни, но в основном в отступлениях, в рассказах действующих лиц, а не в непосредственном действии. Все сюжетные сцены совершаются в среде, противостоящей народу.

Повесть «Омут» — произведение большой обличительной силы и тонкой художественной отделки. Пого-

релов работал над ней упорно и вдохновенно, «дни и ночи», «запоем», как сообщает он в письмах к родным *. Только что оконченную рукопись Погорелов передал в редакции «Русского Богатства» В. Г. Короленко. На следующий день Короленко ее уже прочитал «и, — пишет Погорелов, — очень ее похвалил. «Чрезвычайно сильная вещь! — сказал он. — Я прочел ее одним духом, не отрываясь, с большим интересом». Он сообщил мне, что она начнется печатанием с мартовской книжки и что гонорар мне назначен по 100 руб. за лист. Вчера я передал ему остальную часть рукописи. Разумеется, все это весьма меня обрадовало и подняло мой дух» **.

Сам Погорелов, взыскательный к своему творчеству и обычно испытывающий недовольство своими произведениями, дал в письме к сыну Владимиру (в ссылку, в Грязовец) положительную оценку своей повести: «Я очень был обрадован тем, что тебе так понравился мой «Омут». По этому случаю я и сам перечитал его. Представь, он и самому мне также понравился. Я читал его не как автор, а как посторонний читатель. Многие даже успел уже позабыть. Во всяком случае «Омут» произвел на меня впечатление: он написан ярко и сильно. Даже фантастический элемент, который вообще вводить рискованно, вышел довольно прилично» ***.

В критике того времени повесть также получила весьма положительную оценку. Анонимный рецензент в «журнальном обозрении» «Русской мысли» писал: «Повесть А. Погорелова «Омут» (Русское Богатство, III и IV), как и другие произведения этого талантливого писателя, раскрывает яркую и широкую картину жизни, — главным образом, ее неправды.

В управлении горных заводов и вокруг него, там, где ценою чужого труда и крови добывают золото, царят возмутительная несправедливость, насилие и разврат. Мастерские и крестьяне, даже малолетние питомцы лицемерного приюта, — все одинаково падают жертва-

* См. Архив литературного музея Мамина-Сибиряка в г. Свердловске, фонд А. Погорелова, № 3498/1, № 3498/2; письма от 10 и 13 февраля 1904 г.

** Там же, № 3498/2. Письмо к жене от 13 февраля 1904 г.

*** Там же, № 3498/12. Письмо от 20 октября 1911 г.

ми чужой алчности и похоти. Горный инженер тайный советник Угарин своей благообразной фигурой увенчивает здание этой храмины, и горе тому, кто, обманутый его благообразием и благодушием, пожелает найти в нем защитника от обиды и произвола! Угарин и сам берет взятки, берет их изящно, — как же может он встать против своего доверенного Ивана Абрамовича, который тоже берет взятки, но гораздо проще и в меньшем размере? И так одна рука моет другую, и в результате — грязь»*.

Критик останавливается на махинациях Ивана Абрамовича, на характеристике чиновников управления горных заводов, выведенных Погореловым, и заключает: «Все это зловещее и дурное, весь этот «омут», вся атмосфера неправды нашли себе в изображении г. Погорелова очень сильные бытовые краски. Ряд лиц и сцен сменяется перед вами типичной вереницей. Невольное прикосновение к пошлости, знание житейской тины, мошенничества в его разнообразных формах все-таки не помешали автору сделать из сего произведения нечто чистое и неоскорбительное. Сквозь «сплошной грех, смрад и мерзость», сквозь «тяжелый багрянец зари», которая, «опустившись, висела над землей, как будто вся тяжесть людских грехов», просвечивает идеалистический строй души, глубокое доверие к человеку»**.

За гневными обличениями писателя критик чутко уловил то страстное стремление к положительному идеалу, во имя которого совершалось обличительство в демократической русской литературе.

В 1905 году в «Русском Богатстве» появился один из самых жгучих рассказов Погорелова — «Тишина». В этом рассказе только мрачные краски. Обличительство направлено на реакционное чиновничество, которому противопоставлены земский агроном Колосов и корреспондент местной газеты Мережин, обличитель чиновников и защитник угнетенных.

Тема народного горя с самого начала повести поднимается в корреспонденции Мережина, которую с неговованием по адресу ее автора читают чиновники. Кор-

* «Русская мысль», 1904 г., № 5, стр. 187.

** Там же, стр. 189.

респонденция касается башкирских волостей, где фактически осуществлено крепостное право — с барщиной, оброками, розгами, отдачей в кабалу. Хозяином этого крепостного района является башкирский попечительный комитет. Суть разоблачений корреспонденции заключается в следующем: башкиры принуждены свою собственную землю брать в аренду у комитета и платить за лес, за дрова, за пашню, за покосы. За «самовольное пользование» своею собственностью сотни башкир отбыли десятки лет тюремного заключения и уплатили тысячи рублей различных штрафов; недоимщики сотнями продавались в кабалу на горные заводы, так называемые «бунтовщики» ссылались в Сибирь лишь по одному представлению местных властей. А в это время комитет нещадно истреблял леса, распродалая их за баснословно высокие цены; пахотные и сенокосные земли, нужные башкирам, отдавались местным кулакам и купцам. Приведя отрывок из корреспонденции, Погорелов пишет, что «действительность была еще ярче и содержательнее», то есть произвол еще сильнее и возмутительнее, и что многое из статьи выбросила цензура, например о том, как драли башкирских старост в Бардыме.

Вторая статья Мережина, приводимая в рассказе, посвящена несчастным жителям села Красное Поле, русским крестьянам, ограбляемым чиновниками. Погорелов приводит текст этой статьи на полных трех страницах. Он изменяет своему принципу живописания картин из народной жизни, прибегает к прямой публицистике, приводит факты этой действительно «в высшей степени запутанной истории». За фактами, цифрами с трудом прослеживается суть дела, рассказ утрачивает силу эмоционального воздействия. Недостаток заключается не в том, что в рассказ вторгается публицистика, а в том, что она здесь лишена художественного звучания.

Большой живостью и впечатляемостью отмечено изображение народной жизни в сцене, происходящей в зале съезда, куда по приезде нового губернатора согнали русских и башкирских крестьян. Они не смеют от страха пошевелинуться. Но вот раздалась команда: «На колени!» Все опустились, но команды не поняли два старика-башкира, которые после двух-трех толчков при-

сели на корточки (сколько сарказма в этой детали — на корточки, а не на колени). В тишине раздался чей-то громкий возглас: «О господи-батюшка!» Горький и злой юмор окрашивает следующую сцену: губернатор в своей речи перед мужиками грозит им всеми карами. Вся речь губернатора — это апология чиновничьего произвола, прикрытая именем бога. Поток брани и угроз прерывает реплика крестьянина старика: «Ваше благородие! Благодарим за добрые речи... Дай тебе господи ума и здоровья». Мужик пожелал губернатору ума... А затем старик сразу приступает к сути дела: «Теперича землю от нас отобрали... заступись, отец, защити... Во-все нас обокрали начальники, хоть умирай...» В ответ на эту покорную жалобу губернатор распорядился: «Под арест!»

В своей повести Погорелов называет губернатора помпадуром. Достаточно было после Щедрина сказать «помпадур», чтобы сразу ориентировать читателя на восприятие сатирической остроты образа.

Во всей своей неприглядности предстает образ помпадура-губернатора в сцене в церкви и в зале съезда. Он даже лишен способности нормально, по-человечески говорить, он кричит резким голосом, «рвякает», точно перед полком отдает команду; он редко и фальшиво улыбается, в его деланной улыбке совсем не принимают участия глаза. В своей речи он утверждает право грубой силы, право карать и миловать, которым он будет пользоваться бесконтрольно. При этом он все время ссылается на бога, на церковь («всякая власть исходит от бога»).

Чиновничьи нравы и быт раскрываются в эпизоде оргии лесопромышленников во главе с Толкачевым в трактире. Толкачев буянит, изувечил горничную Машу, «окна выхлестал начисто», разбил зеркала и сам же послал за исправником, причем тот послушно сейчас же приехал, заискивающе и в то же время фамильярно заговорил с ним. Толкачеву нужен был исправник для того, чтобы потребовать от него ареста Маши и сказать ему о том, что он, исправник, «подлец, и полиция — подлец»: «Взятки вы, подлецы, берете, а дела не делаете... тысячу с меня сорвал. Прохвосты!» Буйство и пьяный плач Толкачева, смешанный с бранью, разгром в трактире описаны очень выразительно, с удачной пере-

дачей речи персонажей. Например, стражник говорит, что купцам, которые «выпимши», надо потрафлять, их «не приказано шевелить». Когда агроном Колосов вступился за Машу, исправник ответил ему неграмотной фразой, но с пришибеевской претензией на витиеватость: «Это вас не касается, и не извольте выражать слов».

Положительный погореловский герой — это Мережин, правдоискатель, один из тех, каких много встречается в произведениях Погорелова. Мережин — протестант, но совершенный одиночка, потерпевший крушение, морально уничтоженный силами деспотизма и физически уничтоживший себя. За корреспонденции и поданную жалобу новый губернатор приказал его высечь в полиции розгами. Потрясенный Мережин говорит о себе: «Я пария, я всю жизнь свою пресмыкался... Мужичий сын, сын раба, которого пороли приказчики, обирали становые, который всю жизнь ходил за сохой в лаптях и посконной рубахе, ел черный хлеб... Меня выпороли, как скотину... за что?»

Мережин вырвался из бессознательной покорности злу, он стал заступником обездоленных, обличителем зла, хотя и очень слабым, обреченным на гибель. Он не нашел путей к народу, поддержки в революционном протесте самих масс. Под влиянием случившегося с ним несчастья он пришел к мысли о непобедимости огромного зла: «Вот они (девушки в кабаке — М. В.) поют, а я думаю: в этом вытье вся русская история, безрадостная, беспросветная... Мы только выли, да плакали, да жаловались на судьбу. Исконное рабство, гнет, миллионы обид, кровь, убожество и тоска... без отмщения, без назидания, без результатов... Века прошли, а зло все то же, и те же обидчики, те же злодеи. Оно растет, ширится и уже захватило в свои лапы и небеса, и божью милость...» Отчаяние Мережина предельно обострено личными переживаниями. Мережин покончил жизнь самоубийством. Хоронил его один Колосов.

Автору образ Мережина симпатичен, это отразилось в описании привлекательного внешнего облика Мережина и в тоне сочувствия, которым проникнут рассказ о его страданиях.

В то же время Погорелов показал, каким страшным крахом кончаются упования Мережина на мирные средства борьбы, на легальные разоблачения, ходатайства,

на закон и высшее благодетельное начальство. Прав М. А. Сигов, когда пишет: «...смысл рассказа в показе слабости, бессилия Мережина, полного краха идеи пассивного правдолюбия, надежд на мирные средства и отказа от активной борьбы» *.

Понимая слабости своего героя, Погорелов не смог противопоставить ему художественно убедительный образ героя сильного, действенного. Ибо таким героем мы не можем считать Колосова, тоже симпатичного автору.

Колосов — интеллигент, противостоящий чиновникам, сочувствующий народу. Но он тоже оторван от народа, одинок, беспомощен в своем протесте, хотя при виде всякой мерзости воюет, искренне горячится, мучается, никогда не остается равнодушным обывателем.

Колосов принимает близкое участие в судьбе Мережина. Автор подчеркивает разницу в их тактических принципах. Мережин не требует, а просит, подает жалобы. Это вызывает у Колосова пламенную тираду против либерализма, примиренчества всякого рода. В этой тираде Колосова много мыслей и чувств самого автора, ненавидевшего либерализм и стремившегося разоблачить его вред. Либералов Колосов называет «примирительно чирикающими воробьями». Он говорит: «Нет такой подлости от мундира, которую вы не сумели бы облечь в законную форму». Он обвиняет либералов в угодничестве, «в уважении ко всякой зуботычине», в смирении, боязни всякого шума, несогласия, диссонанса, в возведении холопства на степень основ. Либералы только и делали, что «припадали к стопам», продавали «свое первородство за чечевичную похлебку». «Вы и до сих пор стараетесь уверить себя, что у вас с господином околоточным надзирателем цели одни и те же», — негодует Колосов.

В «теоретическом» отношении это верная характеристика психологии либерала, но в повести она дана отвлеченно. Обличения Колосова мало относятся к Мережину, так как Мережин — это не типичный либерал в политическом смысле слова, а заблуждающийся в путях борьбы правдолюбец, а других либералов в своем

* Архив литературного музея Мамина-Сибиряка в г. Свердловске, фонд А. Погорелова, М. А. Сигов, «Заметки о жизни и творчестве А. Погорелова», стр. 14.

произведении Погорелов не выводит. Следовательно, адресованы обличения Колосова к либералам вообще, художественного образа либерала здесь нет, нет и достаточных оснований для развития антилиберальных высказываний.

У Колосова есть сознание необходимости организованной и активной борьбы: «Нас много, — говорит он, — мы сила, но сила разрозненная, неорганизованная — надо организоваться». Это звучит в повести декларативно, неизвестно, кого Колосов понимает под этим «мы», что это за сила, как она может организоваться? Возможности Колосова как общественного типа не раскрыты, образ его риторичен. Но к нему обращены надежды погибающего, сломленного Мережина, который пьет за молодую жизнь Колосова, за его славу, за подвиги добра. Это скорее желаемое, то, что хотел бы видеть автор идеалом жизни Колосовых. Поэтому с именем Колосова он связывает свой призыв: «За будущее! За свободу! Вот что: пусть кто-нибудь, вы и другие, пусть они отомстят за нас, за всех нас, несчастных... и за эту горе, за эти рыдающие песни».

В страстно написанный рассказ «Тишина» Погорелов вложил огромный заряд ненависти. Автор призывал к мести за поруганных людей, к борьбе за свободу. Мережин не смог бороться, он завещал борьбу Колосову. Но и Колосов не сможет быть борцом, потому что он тоже не видит реальных исторических сил, способных победить. Однако весь рассказ приводит к выводу, что дальше по-старому жить нельзя.

В октябре 1904 года Погорелов писал в письме к брату Ивану Сигову: «Посылаю тебе на предварительный просмотр свой новый (переделанный из старого) рассказ: «Аликаев камень». Делаю это для того, что я не уверен в его доброкачественности, даже более: он мне по прочтении после переписки совсем не понравился, но я еще утешаю себя надеждою, что, может быть, это сказывается обычное мое отношение к своим только что написанным произведениям (обыкновенно я всегда бываю ими недоволен), и «Аликаев камень» уж не так плох, чтоб не стоило его печатать. Поэтому и посылаю его тебе, строгому и нелицеприятному судье: если найдешь, что он очень плох и лучше его не печатать, то и

не передавай его в редакцию «Р. Б.» *, а найдешь хоть сколько-нибудь сносным, то передай» **.

Сомнения в качестве рассказа были лишь проявлением высокой требовательности писателя к себе и присущего ему чувства ответственности перед читателем. Рассказ был напечатан в №№ 1 и 2 «Русского Богатства» за 1905 год, а затем вышел отдельной книжкой в издании Вятского товарищества (цикл «Народная библиотека») в 1906 году.

Рассказ силен своим единством социально-политического и психологического содержания и связью прошлого с настоящим. В его сюжете переплетаются две основные линии: одна связана с судьбой интеллигенции, другая — с изображением протеста рабочих и крестьян.

Интеллигенция показана дифференцированно, с разнообразием ее путей в сложную и бурную эпоху подготовки первой русской революции.

К правящей верхушке принадлежит бывший профессор генерал Полянский, путешествующий по Уралу под видом простого туриста, но с более широкими действительными полномочиями. Население везде его ожидало с нетерпением и возлагало на него несбыточные надежды. Он абсолютно никакой помощи трудящимся не оказал, наоборот, его появление вызвало лишь волнения среди мастеровых и массовые аресты.

Яростным врагом рабочих выступает управляющий заводами Конюхов, вышедший «в люди» из конторских писцов. Он резко противостоит народу и проповедует своеобразную «теорию» классового мира, якобы существующего между рабочими и хозяевами. Эта теория ему нужна для того, чтобы прикрыть чудовищную эксплуатацию и отвлечь массы от революционного движения. Конюхов говорит генералу Полянскому: «У нас, ваше превосходительство, край патриархальный... Пресловутая конкуренция, эксплуатация труда и тому подобное — для нас пустые слова. У нас нет ни эксплуатации, ни конкуренции...» и т. д. Конюхов уверяет, что результатом таких отношений, построенных на «филантропических» началах, является то, что рабочие «едят пшеничный хлеб, молоко, мясо; у всех по праздникам

* «Русское Богатство».

** ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 19.

пироги, у каждого парня непременно гармоника... Всем назначается божеская плата. Одним словом, могу засвидетельствовать, что благодаря непрерывным попечениям владельца население ни в чем не терпит нужды». Генерал с готовностью подхватил эту лживую версию и восхищался «кровными узами», которыми связаны все «добрые товарищи» в «дружеском союзе тружеников», из которого не выпадают и рабочие, «младшие сотрудники». Эксплуататоры умилялись собственной выдумкой, их прихлебатели, вроде Ожегова, дикими голосами кричали «ура!», а за несколько минут перед этим Конюхов принял от полицейского рапорт об аресте множества мастеровых, отправлявших депутацию к генералу с жалобой, и под покровом ночной темноты совершались тайные аресты среди самих членов «дружной семьи».

Особую роль в этой интеллигентской среде играет старик Кленовский, лесничий с лицом Дарвина. Он под влиянием сложившихся обстоятельств превращается в обличителя преступлений Конюхова и ему подобных. Узнав, что его сын Николай тоже арестован за участие в составлении петиции для рабочих, он явился к Конюхову потребовать от него освобождения сына. Когда не помогли даже униженные просьбы, Кленовский стал обличать злодеяния Конюхова, всю уголовщину, в которой и сам силою обстоятельств был участником. Он говорил: «Мы враги, но помни, что мы и сообщники! Вместе грешили, вместе грабили, обманывали и губили народ!» Кленовский перечислял жертвы произвола, называя по именам всех, кого «упечатали, сгубили, стерли с лица земли... их много, много, счету нет...» Среди них рабочие, фельдшерица, учитель, инженер — под всех «механику подвели», из чего угодно стряпали политическое дело. «Давно сатане служим! — восклицал старик. — Мы боимся света, как огня, и возлюбили тьму и подлость... только в нее веруем и всего боимся... Книжки боимся, грамотности боимся. Читальню открыли, и мы уже трепещем! Библиотека была наш враг, мы ее искоренили! Мы офеней и книгонош ловили, как преступников. Мы насаждали низость и пьянство». Старик понимает, что все это делалось «для охраны нашего грабежа, нашей системы».

Сын Кленовского — Николай — это перерожденец.

Вначале он помогал рабочим, за это он был арестован. В эпилоге, действие которого происходит десять лет спустя после непосредственно изображенных в рассказе событий, Кленовский «специализировался по политическим делам», готовился стать прокурором. Это характерный поворот для временных попутчиков освободительной борьбы — путь к ренегатству в период усиливающегося классового размежевания. У Кленовского никогда не было устойчивых революционных взглядов, он и сначала проявлял лишь поверхностное отношение к задачам народной борьбы. После ареста его очень быстро выпустили, так как на Конюхова подействовали угрозы и разоблачения старика Кленовского. Николай отнесся ко всей истории так: встретившись с приятелем, он сказал: «Свободен, как ветер. Ерунда... Я и тогда говорил, что ерунда. Одна ночь в клоповнике — это не важность!.. Прелюбопытная, однако, история в общем». «Чепуха», «преглупая вещь» — вот его оценка всей драмы.

Еще один образ интеллигента дан в лице Светлицына, химика, лаборанта на заводе. Это молодой, красивый, одаренный человек, но бесхарактерный, мягкотелый либерал. Он не лишен известного благородства, умеет возмущаться злом, задыхается в окружении заводского чиновничества, но остается пассивным, не способным к действию и протесту. Влюбленная в него Катя упрекает его за то, что он ничего не сделал за два года жизни на заводе, даже народ не узнал, ничему не научился. И Светлицыну остается лишь соглашаться с этим. Он является игрушкой в руках тех, к кому чувствует отвращение, он не может освободиться от угнетающей его связи с женой Конюхова, хотя тянется лучшими сторонами своей натуры к чистой, строгой Кате. Он оказался способным лишь на бессмысленное обличительство, когда при всех собравшихся рассказал, что на самом деле творится в этой так называемой «дружной семье». Его порыв кончился тем, что все его обругали, извинились за него перед генералом, а он остался в подавленном состоянии с чувством совершённой глупости.

От народа Светлицына так далек, что, когда взбунтовались мастеровые, сторож стрелял в него, не зная, что в душе он больше сочувствует народу (как это было и

с Бобровым в рассказе Куприна «Молох», в эпизоде рабочего бунта).

Светлицын изображен во всей своей половинчатости, мягкотелости, но он не скатился к ренегатству и через десять лет. Поэтому в эпилоге, где ему уделено наибольшее место, чувствуется положительная окраска образа. На его облике лежит некоторая печать драматизма. Это уставший, разочарованный человек, с загубленными возможностями, неудавшейся жизнью, охваченный грустными воспоминаниями, самым светлым из которых была его тогдашняя мимолетная любовь к Кате. Он осуждает прокурора Кленовского, сожалеет о мастеровых, погибших во время волнений. В конце эпилога Светлицын остается один на Аликаевом камне, горько рыдает и со страхом думает о той пустоте, которая ждет его впереди.

Рисуя в образе Светлицына интеллигента, не утратившего своей порядочности, Погорелов, думается нам, не делает его положительным героем, как это утверждает И. А. Дергачев*. Осуждение подобного типа автор дал почувствовать во всех связанных с ним эпизодах. Но он мягче судит его, чем других, ибо Светлицын остался за пределами лагеря, враждебного народу. И в известной мере он, с его разбитой и бесцельной жизнью, стал безвестной жертвой общественного порядка.

Истинно положительным образом является образ Кати. Погорелов попытался в ее лице нарисовать революционерку. До конца этот замысел писателю не удался, Катя показана вне связей с народом, вне действия. Погорелов мыслил ее как марксистку, она сама в споре со своим дядей решительно утверждает: «Мы не народники». Но в повести нет и высказываний, которые характеризовали бы социал-демократическое мировоззрение Кати. Однако то, что Катя была деятельницей нового типа, доказывается тем, что она в середине 90-х годов (когда народническое революционное движение изжило себя) была отправлена в ссылку, где и погибла.

Образ Кати, при всей нечеткости ее политической характеристики, не риторичен, обладает живой теплотой, человеческим обаянием. Катя идейна, честна, тро-

* См. «Рассказы и повести дореволюционных писателей Урала», т. 2, Свердловское книжное издательство, 1956, стр. 391.

гательна в своей еще полудетской строгости. Она предана народу, ненавидит всякое насилие, ложь. Пафос ее внутреннего мира — это пафос «мести и печали». Катя прямо высказывает свое негодование по поводу того, что ее дядя, Агатов, сам вышедший из крепостных, изменил народу, старался угодить эксплуататорам, когда по заданию управляющего писал докладную записку о заводах, подтасовывая факты в пользу владельцев и искажая истину. Она предъявляет высокие требования к Светлицыну, которого любит, упрекает его за беспринципность. Разговор со Светлицыным наиболее полно раскрывает ее взгляды, представления о цели и смысле жизни, требования к себе и к людям. Светлицын говорит Кате: «К чему все-таки этот суровый аскетизм? Зачем жертвы? Зачем это оскотление души? Неужели, кроме долга, нет никаких других радостей? И почему эти радости запретны? Зачем добровольное отречение от самого себя? Этого я не понимаю. Все люди имеют право на жизнь, полную и всестороннюю. Имеем его и мы». Катя отвечает на это: «Во-первых, бывают времена, когда всесторонняя жизнь немыслима, а радости жизни почти преступны. Во-вторых, печаль, негодование, ненависть, борьба — разве это не жизнь? Они способны также захватить всего человека». Катя прибавляет, что такая «исключительность определяется моментом, в который мы живем». В сущности, это не самоотречение, не жертвенность, не аскетизм, так как Катя видит красоту и счастье жизни в борьбе. Эти этические идеалы во всей их силе утверждались в революционно-демократической литературе Чернышевским, Некрасовым, Добролюбовым.

Кате дороги эти идеалы, потому что она — человек, посвятивший себя освободительной борьбе, что недостаточно показано, но составляет моральную основу этого образа.

Женщины из «высшего» заводского круга обывательски осуждали Катю, видя в ней человека особой породы, называли ее семинаристом в юбке. Но как раз в Кате не было никаких чисто внешних черт «синего чулка», она очень женственна, нежна, поэтично воспринимает природу, страдает от неудовлетворенной и обманутой любви, когда является невольной свидетельницей свидания Светлицына с женой управляющего.

В трактовке образа революционерки у Погорелова есть слабости, присущие и другим демократическим писателям его поры. Революционерка показана только среди чужих ей по духу людей, вне соответствующего ее идеалам круга деятелей, вне самой деятельности, которая утверждается лишь декларативно — упоминанием в эпилоге о ссылке. Тип девушки-революционерки, созданный Погореловым, находится в одном ряду с такими героинями, как Надя из «Невесты» Чехова, как Таня из повести Вересаева «На повороте». Катя у Погорелова — это эпизодический образ, но без него было бы совершенно неполным изображение разных путей интеллигенции в конце века.

Погорелов определяет место каждого интеллигента и дает ему моральную оценку в зависимости от того, в каком отношении он находится к народу.

Индивидуализированных образов рабочих в повести нет, но народ занимает в ней значительное место. Это бунтующий, находящийся в состоянии непрерывного брожения рабочий люд.

Связь настоящего и прошлого в народной жизни устанавливается благодаря введенному в повесть сказанию о разбойнике Аликае. Это сказание передает управляющий Конюхов, занимавшийся археологией. Он любил щегольнуть при случае своим знакомством с историей местного края. Таким образом, повествование о народном герое вложено в уста реакционера-управляющего. В ряде мест это придает рассказу, особенно «предисловию», антинародную окраску. Но таких мест относительно немного, пересиливает влияние народного творчества, повествователь сохранил в легенде и элементы чудесного, народной фантастики, и характерную лексику, и, в конечном счете, ее основной идейный смысл.

Рассказчик определяет жанр передаваемого скорее не как легенду, а как «изустную историю», ибо у всех ее событий была фактическая, историческая подкладка, и герой, Аликай, — лицо вовсе не мифическое, а действительное. Аликай выступил защитником народа в середине 20-х годов прошлого столетия, по сообщению Конюхова, тогда заводами управлял знаменитый на Урале Спиридон Карпович Золин, человек огромного ума, непреклонной воли и необычайной энергии, прославив-

шийся небывалой, даже для того времени, жестокостью в обращении с рабочим людом. Под именем Золина Погорелов вывел историческое лицо — Григория Зотова, управляющего Кыштымскими заводами в 20-х годах XIX века, славившегося своей зверской жестокостью. Даже царский флигель-адъютант Строганов писал, что Зотов по всему хребту Уральскому известен бесчеловечным обращением его с заводскими людьми.

Погорелов пишет, что преступления Золина вошли в легенду. Народ называл его зверем, не знавшим ни жалости, ни пощады: он насмерть засекал людей, бросал ослушников в доменные печи, сгонял за сотни верст приписанных к заводам крестьян, и те гибли в рудниках и курениях от голода и непосильной работы.

Когда на Урал приехал (в 1824 году) Александр I, Золин был представлен ему «как выдающийся деятель горнопромышленности», царь был очарован его умом и смелостью и осыпал его милостями.

Далее рассказчик переходит к непосредственной предыстории появления Аликая: «Двое мастеровых возымели неслыханную дерзость подать жалобу государю, Золин приказал расстрелять их. Мастеровых казнили на площади в присутствии горного исправника и взвода казаков. Это была настоящая публичная казнь: был священник с крестом, эшафот, позорная колесница, палач в красной рубахе. Разумеется, после этого никто уже не дерзал помышлять о жалобах». Затем чиновник из Петербурга узнал о злодеяниях Золина, приказал арестовать его, завел дело, которое, однако, было затеряно в трясине канцелярской волокиты, а Золин «под арестом» задавал в своем палаццо пиры и вскоре снова «воцарился» на заводах. И эта часть повествования совпадает с историческим фактом: Зотов был предан суду, который кончился ничем.

Началась расправа с недовольными: десятки людей были засечены до смерти, сданы в солдаты, сосланы в Сибирь. В это время и выступил на сцену Аликай.

Аликай — крестьянин-борец, мститель за угнетенных. До нового появления своего на Урале он десять лет был в бегах и пришел откуда-то с Волги. Сказание сохранило черты внешнего облика этого удалого богатыря

в красной кумачной рубаше, плисовых шароварах, шляпе с алою лентой, здорового, бравого, саженого роста. Смотрел он весело, соколом, был черен, как жук.

Эффектно первое появление Аликая, когда он в праздник, во время наказания конокрада Степана Баталова, вышел вдруг на середину площади перед народом. Народ знал и любил Аликая, при его появлении «гул радостного изумления прокатился по толпе. Исправник приказал взять его, но никто не тронулся с места: все, даже казаки, стояли в оцепенении, как очарованные. Аликай, растолкав людей, стоявших в строю с шпицрутенами, вошел в зеленую улицу, отрезал Баталова от крестовины и голого, без рубахи, повел за собой в толпу. Народ молча, улицей, расступился перед ним. Едва он исчез, наступила невообразимая суматоха. Обыскали весь завод, но Аликай как в воду канул». Через неделю его нашли, заковали в цепи, посадили в каземат, но на другой день в каземате оказались только сброшенные кандалы, кисет с табаком да вывороченная из окна решетка. Аликай поселился на скале, которая потом и получила имя Аликаева камня. Здесь он собрал шайку разбойников, устроил настоящую «молодецкую заставу». Разбойников ловили, но они убегали, и их не держали никакие затворы.

Народная молва ярко украсила образ Аликая, придав ему сверхъестественную силу; в легенду вошел элемент чудесного, образ Аликая приобрел качества сказочных богатырей. Он и при жизни считался колдуном, а в сказании о его делах рассказывается в совершенно фантастическом духе. Например: «Однажды Аликая посадили в каменный мешок. Он ослабел и попросил напиться. Ему дали ковш с водой. Аликай перекрестился, нырнул в воду и вынырнул уже версты на три ниже завода из речки Саранки и скрылся в горах. Другой раз он начертил мелом на полу лодку; откуда ни возмись — весла; разбойники сели, запели песню и уплыли». Народ говорил, что Аликай «знал».

Аликай вступил в борьбу против главного притеснителя заводского люда в округе— Золина. Золин выслал против него целое войско, проплутавшее в лесу три дня, но не нашедшее Аликая. Золин присмирел, окружил себя стражей, никуда не показывался. Население вздохнуло свободно, а Аликай стал открыто появляться в народе, гарцевал перед господским домом, переругивался с ка-

Аликаев камень.

заками. «Дело дошло до того, что ему приносились жалобы, он вмешивался в распоряжения конторы, диктовал условия, наказывал слушников», — повествует сказание.

Поединок Аликая с Золиным этим не кончился: Аликай полюбил и похитил жену управителя. Золин устроил облаву из тысячи человек, которые десять дней не спали, голодали, обыскивали леса, но Аликая не нашли. Разбойники сожгли дотла дом управителя. Тогда Золин в припадке бешенства поджег фабрику, магазины и контору. Огонь перебросился на обывательские дома, и к вечеру от селения осталось только черное дымящееся поле. Золин скрылся в Словецкий монастырь, где вскоре умер. Аликай роздал свои сокровища народу.

Человеком могучих страстей проявил себя Аликай и в любви. Когда умерла его любовница, он в одну ночь весь поседел. Схоронив ее под камнем, он целые сутки лежал на ее могиле как мертвый, потом распустил свою шайку, щедро наградив ее деньгами, затем поднялся на вершину утеса, бросился вниз и разбился о камни. С тех пор утес называется Аликаевым камнем.

Аликай — весьма типичная фигура для старого Урала. Почти каждый завод на Урале имел «своего» разбойника, прославившегося громкими подвигами. Они являлись яркими выразителями глухого протеста всей массы трудового населения, которое втайне сочувствовало им, как выразителям живого протеста против жестоких заводских порядков. Свой заводской разбойник превращался в героя, он шел за общее дело, и массы отстаивали его. Мамин-Сибиряк пишет об этом, замечая, что в разбойничестве выражалась «своего рода судьба и кара... что-то такое, что сплеча ломило и разносило вдребезги все установившиеся нормы».

Характерен в легенде и мотив зарытого клада. Народ полвека искал якобы зарытый Аликаем клад, состоявший, по преданию, из десяти бочонков с золотом. Изрыли всю землю у речки, но клад никому не давался. В сказании это объясняется так: «Слова не знают. То свечка горит, то казак стоит с ружьем на часах, то черная собака бежит, а подойдут ближе — ничего! Станут рыть — плита, под плитой десять бочонков; как жар горит золото, а взять его нельзя; чуть притронутся — оно в землю уходит». Много подобных легенд о кладах бытовало на Урале, особенно в районе реки Чусовой.

Легенда о народном мстителе Аликае связывает в повести настоящее с прошлым, воскрешает давние события народного протеста, не утихавшего и в новые времена, а наоборот, принимавшего более зрелые формы по сравнению с разбойничьим бунтом. Погорелов показывает, что дух свободолюбия не умирал, а возрастал в народе. Он вводит в повесть эпизоды народной борьбы и в настоящем.

В начале произведения изображена ночная сходка мастеровых, подписывающих петицию, которую они собираются передать приехавшему генералу Полянскому. Полиция рыщет в окрестностях. Ей удастся арестовать участников митинга и перехватить петицию. Среди участников пикника тоже происходят тайные аресты в то время, когда все общество поет песни на слова Некрасова, а Конюхов, главный руководитель этих арестов, то принимает рапорты полицейских, то подтягивает козлиным тенорком: «Волга! Волга! Весной многоводной...»

В конце рассказа изображается более сильный размах волнений. В связи с арестами мастеровых — участников митинга на фабрике произошла стачка: работы были приостановлены, полутысячная толпа рабочих собралась на фабричном дворе. Эти события даются через восприятие Светлицына, который видит, как под шум и свист толпы, без фуражки, бледный, с кровавой полосой на щеке выскочил Конюхов, за ним, преследуемые свистом и хохотом рабочих, бежали управитель и инженеры. Фигура Конюхова противна и комична, когда он, бросившись к экипажу, споткнулся и упал, растянувшись на тротуаре. У пролетки получилась свалка, управитель не успел сесть и мчался за ней, не подобрав свалившейся с головы фуражки.

Ход стачки изображен лишь со стороны и отрывочно, в качестве довольно поверхностных наблюдений Светлицына. Действующих индивидуализированных персонажей нет, да и образ всего коллектива рабочих дан в самых общих чертах и как бы в отдалении. Представление о настроении рабочих читатель получает из рассказа мастера: узнав об аресте товарищей, рабочие побросали работу и «давай следствие производить», требовать у управляющего ответа, «где мол, такие-то? В какой силе закона? Покажи горный устав!..» Сколько ни орал, ни ругался позеленевший от злости Конюхов, рабочие тре-

бовали: «Подавай нам таких-то!» Высыпали из всех корпусов. «Бунт, республику сделали», — сказал мастер. Политическая сознательность описанного бунта была еще не высока, протест рабочих не был возглавлен, но в сознание рабочих уже вошло слово республика, как бы примитивно, по-своему они его ни понимали.

Волнения рабочих вызвали панику в управлении. Управляющий вместе с другими заводскими заправилами держал военный совет, трещали телефонные звонки, из соседних заводов была вызвана лесная стража, летели телеграммы в губернию. «Низменный, животный страх объединил все сердца», — пишет Погорелов и рисует отвратительный облик усмирителей, которых не может удовлетворить ни одна кара, предлагаемая для рабочих; тюрьма кажется им «благоденствием» — в землю бы их закопать, к расстрелу, картечью! Эти палачи с сожалением вспоминают о тех временах, когда непокорных живьем в доменные печи бросали.

Последний эпизод волнений — это многолюдный сход, постановивший ходатайствовать об освобождении заключенных и послать делегацию к генералу Полянскому. Но тут же все увидели промчавшийся экипаж, в котором беспокойно метался генерал. Когда экипаж скрылся из виду, сход разразился громким хохотом.

На следующий день мастеровые вышли на работу, а вскоре началось усмирение: «Через два дня с музыкой и песнями вступило в завод победоносное русское воинство, а еще через день прибыл губернатор с многочисленной свитой. Перед крыльцом управления собрали народ. Губернатор в блестящем мундире, увешанный орденами, в сопровождении чиновников и заводской челяди, торжественно вышел на крыльцо. Безмолвная, немая толпа поспешно обнажила головы. Только десятка два молодых парней имели мужество остаться в картузах, и их тотчас отметила полиция.

— На колени! — скомандовал губернатор.

Но вся толпа, угрюмо понурив головы, осталась на ногах.

Настроение толпы очевидно было «мятежное», и через полчаса на площади свистели розги: перед развернутым фронтом наказывали «зачинщиков».

А через полгода был суд».

Выступление мастеровых потерпело неизбежное поражение, будучи стихийным, незрелым, изолированным, что характерно для изображаемых Погореловым времени и места.

На этой интересной повести, содержащей в себе ценнейший познавательный социальный материал, с наглядностью прослеживается, однако, как ограничивался горизонт писателя и возможности его художественного проникновения в сущность изображаемых революционных событий и в их перспективы. В «Аликаевом камне» сначала чувствуется большой размах в постановке тем, позволяющий ожидать широкого развертывания событий. Но внутренние возможности взятых тем, образов не вполне реализуются. В повести не выявлены перспективы борьбы рабочих (хотя опыт революции был уже пережит), образ революционерки-марксистки Кати прошел лишь легкой тенью по страницам повести, а конец произведения связан с образом Светлицына, который не имеет как общественный тип никаких перспектив развития, никакой жизненной активности, весь связан с прошлым.

Содержание новой эпохи требовало нового мировоззрения и нового художественного метода для адекватного ее отражения в искусстве — конкретно-исторического и в революционном развитии. Писатели-демократы обнаруживали известное «отставание» в этом отношении в новых условиях. Это не значит, конечно, что критический реализм и допролетарская идеология в своем органическом сочетании, при наличии таланта пишущего, не давали художественных ценностей. Повесть «Аликаев камень» остается в литературном наследстве Погорелова одним из наиболее ярких и завершенных художественных произведений.

В декабрьской книжке «Русского Богатства» за 1906 год был опубликован рассказ Погорелова «Мать», задуманный задолго до появления в печати. Рассказ посвящен теме революционной борьбы, в центре его — образ одиночки-революционера, погибшего за народное дело, но совершенно оторванного от народа. Автор обратился к прошлому, подчеркнув это в подзаголовке: «Из былых времен». К традициям предшествующего, разночинского этапа освободительной борьбы обращен и эпиграф, взятый из Некрасова:

«Не рыдай так безумно над ним,
Хорошо умереть молодым».

Сюжет короткого рассказа очень прост. Революционер Ваня приезжает погостить в захолустный город, где живут его старая мать и маленький брат Миша. Он видит вопиющую нужду семьи, его мучает чувство ответственности перед этими близкими людьми, но долг революционера берет верх, Ваня снова уезжает в город, где погибает. Мать, получившая известие о смерти сына, медленно увядает и умирает, оставив маленького Мишу, обреченного на нищету.

Событий в рассказе мало. Переживания и раздумья Вани, разговор его с матерью, переживания матери — это главное в содержании рассказа. Образ революционера минувшей эпохи Погорелов раскрывает в противоречиях. Автор возвысил, опоэтизировал революционный подвиг, раскрыл красоту самоотверженности революционеров. Этому послужил и некрасовский эпиграф. В то же время Ваня как революционер неполноценен: у него нет веры в избранную борьбу. У него есть мужество, героизм, но еще больше сомнений, душевных мук и кризисов.

Настроения протеста против несправедливости и царящего зла возникли у Вани очень рано. Об этом свидетельствует написанное на стене его убогой каморки изречение, сочиненное двенадцатилетним тогда вольнодумцем: «Люди трудящиеся пресмыкаются, как твари, и умирают на соломе от пороков, болезней и нищеты без надежды на будущее спасение, — они прокляты богом; пребывающие в праздности — счастливые гости на земле: они живут среди наслаждений и переселяются в лучший мир с упованием на вечное блаженство, ибо на них почиет божие благословение».

Вторая глава посвящена изображению тяжелого разлада Вани. При виде страданий близких, он стал думать о том святом деле, для которого жил, как о «безумном бреде». Ему вспомнилось «изъеденное нуждой лицо матери и грустные, строгие, вопрошающие, не детски серьезные глаза Миши», и он думал: «Я их единственная опора, как они останутся без меня? Вот в чем дело... вот в чем весь ужас...» Но с этим понятным чувством боролось другое, перед глазами вставляли другие картины, звавшие на борьбу: это картины отвратительной оргии «ликующих», «обагряющих руки в крови»,

«миллионы голодных рабов в рабском экстазе рукоплескали пресыщенной, развратной клике подлых насильников... Измученные люди кричали, славословили, ползали на коленях, простирали руки, моля о пощаде и милосердии, а в ответ на их мольбы раздавался только свист бичей, залпы орудий...» Один голос ему говорил, что зло непобедимо, что жестокость и алчность, грубая сила — это правда всего живущего, и другой правды нет... Другой голос кричал: «Встаньте, не бойтесь, поднимитесь! Эта подлая свора сильна только вашей покорностью». В борьбе этих противоречий побеждает в сознании Вани светлое начало: «Не может быть зло источником жизни, как не может быть тьма источником света». И он остался в лагере борцов. В этом ночном внутреннем поединке противоречий в сознании Вани все образы обобщенно-условны, отвлеченны. Вывод Вани таков: борьба безумна, но бороться надо. О трагедии революционера-одиночки Погорелов говорит: «Отважного пловца поглотило бурное житейское море, с которым он дерзко вступил в борьбу почти без надежды на победу».

События революции 1905 года помогли писателю лучше понять обреченность дела народников, но, говоря об этой обреченности, Погорелов сохраняет уважение к их самоотверженной борьбе.

Образ матери революционера трогателен и скорбен. Это простая старая женщина, измученная нуждой, но терпеливая и мужественная. Величие ее души проявляется в том, что она, выслушав патетическую исповедь Вани, поняла его и благословила на борьбу. Это проникновение любящим сердцем матери в идеи сына совершилось не сразу. В ответ на речь сына она сначала говорила: «Изжила я свой век, как в темном лесу... свету не видела, человеческого слова не слышала... только от тебя же когда узнаешь чего... так в темноте и жила... оттого и мысли у меня мелкие, темные, в голове туман. И ничего-то я не знаю... Тебя воспитывала, на тебя надеялась... И надежды мои были тоже маленькие, мещанские: вот научишься, вот подрастешь, женишься, на службу поступишь... умереть хотелось спокойно... Но все это пустяки... вот только Миша... учить его надо... Как тут быть?» Но нарастание ее духовного просветления происходит с величайшей быстротой: следующий ее монолог уже переключен в круг общих идей, хотя ещё

и не принятых ею до конца: «Я все, голубчик, понимаю... Только, милый, неужели нельзя иначе? Я не об себе, об тебе говорю: почему ты должен взять на себя эту тяготу? Почему? Почему же другие живут для себя? Ведь живут же! Ты погибнуть можешь... За что же? Разве ты виноват в том, что есть? Это непонятно для меня и страшно!»

Наконец слова сына о подвижниках правды окончательно смягчили сердце матери. На призыв сына понять его, если не умом, то сердцем, она отвечает ему, что давно поняла, что должна радоваться и гордиться тем, что сын ее — лучше всех. «Делай, как знаешь, как велит твоя совесть, — говорит мать. — Прежде божье дело, потом уж человеческое... Об нас не думай... Я благословляю тебя, голубчик».

Когда полицейские власти вынудили Ваню покинуть город, мать проводила его в глубочайшей скорби, предчувствуя, что больше не увидит сына. Через два года она получила известие о его гибели. Писатель последнюю главу посвящает переживаниям матери. Ее горе не выражалось в сильных физических проявлениях: «Не упала и не забилась в нервном припадке, не вскрикнула, заломив руки, не уронила ни одной слезы и по наружности осталась спокойной, только по лицу скользнула мгновенная судорога, да в глазах сверкнул и погас огонек безумного ужаса». В этом описании горя большая правда, глубокое понимание человеческой души, души простого человека, сохраняющего величайшую сдержанность в минуты потрясений.

Мать исполняла домашние повседневные дела, но как-то притихла, не могла спать, перестала молиться, потому что для нее «и настоящий и будущий мир потеряли правду своего бытия, и молиться стало не о чем». Оставшись в одиночестве со своими мыслями и переживаниями, она помешалась; она не слышала ни от кого такого слова, которое помогло бы ей понять еще глубже смысл происшедшего и найти в этом понимании силы для преодоления горя. Вскоре она умерла.

Трагическим является в рассказе и образ восьмилетнего Ваниного брата Миши. Это ребенок с худым, высохшим тельцем, точно у маленького старичка, с ребячески миловидным лицом, ясными и чистыми глазами. Голова Миши занята совсем не детскими вопросами,

внушенными жизнью, полной лишений и бедствий. Он говорит Ване, чтобы тот женился, «жалованье получал бы, все вместе жили бы... А то мы больно бедно живем, а ты скитаешься бог знает где». Он мечтает вырасти, служить и зарабатывать, чтобы «купить маме платье и башмаки». Миша спрашивает брата, кто делает деньги, предполагает, что их делает царь. «Больше бы их надевать, чтоб всем хватило», — озабоченно говорит ребенок. Он рассказывает Ване, что «Федотыч весной с голоду помер: муки не было... Он милостыню не просил, а лежал на печке хворый и ругался...» Все мысли Миши сосредоточены на нужде, несчастьях. Когда Миша стоял у гроба матери, «его худенькое личико старчески-скорбно сморщилось, а огромные черные глаза с недоумением смотрели на прозрачный мертвый нос покойницы». Защиты ему ждать было неоткуда.

Образ Миши овев лаской, жгучей болью за детей, гуманным протестом против жизни, лишавшей детей детства. Образ Миши становился рядом с образами несчастных, обездоленных детей, в защиту которых поднимали свой голос Некрасов, Короленко, Чехов и другие великие русские писатели.

Живо показал Погорелов в рассказе кусочек России «былых времен». Он нарисовал захолустный провинциальный город: «Сотни три серых домов с пестрыми крышами, гостиный двор, каменный острог, казначейство, церковь, школа, полицейское управление, почтовая контора — вот и все». В этом городе живет масса обездоленных людей. Вводя пейзажные зарисовки, Погорелов передал атмосферу удушливого зноя; пустынные, точно вымершие улицы, окаменевшие деревья — все, казалось, изнемогало и томилось в этой заброшенной стороне. Быт жителей городка встает перед читателем в унылом рассказе матери: «Вася Барышев утонул в прошлом году, жена с ребенком осталась... Водовоз Никифор ногу сломал, в больнице лежит, а жена спилась, ребятишки по миру ходят... Савельевна померла... У Николая Ивановича восьмой ребенок родился. Бедность — не приведи господи! Марк Иванович нынешней весной обгорел... Отрадного-то мало. Живем, как кроты, свету не видим, темнота, дикость да горе...» Сильно описание нищенской обстановки в полуразвалившемся домике матери, где каждая деталь вопиет о нужде, о неприкрытой бедности.

Общий колорит рассказа трагичен от начала до конца. Это трагизм народной доли, призывающей к борьбе и подвигу.

В Петербурге Погорелов пишет серию очерков, в которых изображает предреволюционную обстановку в провинции и в деревне — по впечатлениям уральской жизни.

В очерке «Трясина» («Народный вестник», 1906, № 6) Погорелов выводит группу мещан, чиновников — земского начальника, прокурора, доктора — и показывает их ничтожество, духовное вырождение. Главный персонаж — земский начальник Симон Иванович — перерожденец, человек с относительно порядочным прошлым, постыдным настоящим и без будущего. Сюжет организуется вокруг него. Через его восприятие дано разоблачение людей его же круга, погрязших в трясине жизни.

Погорелов воспроизводит черты домашнего и «общественного» быта этих людей. Начинается очерк сценой пробуждения Симона Ивановича в одно мрачное утро. Нагнетаются неприглядные детали удушливого обывательского быта: в кухне жена ругается с кухаркой, в столовой дерутся дети, пронзительно кричит грудной ребенок; в окна видны черные крыши домов; стенные часы зловеще шипят; Симон Иванович кашляет утробным кашлем много пьющего человека. «Ад, преисподняя», — думает он обо всем, что его окружает.

В очерке выведена и жена Симона Ивановича, женщина с измученным, несчастным и злым лицом. Она ненавидит и презирает мужа, с отвращением следит за его движениями, думая: «Неужели этот байбак был когда-то красив и строен? Неужели я когда-то была влюблена в него?» Симон Иванович со своей стороны размышляет о жене: «Эта женщина была когда-то на курсах, читала книги, слушала профессоров... ходила на сходки... призывала к борьбе... хотела пострадать... У ней были блестящие, красивые глаза, румяные щеки, задорная улыбка и серебристый голос... куда все это девалось?» Тема искалеченных обывательским обществом людей звучит здесь в чеховских интонациях.

Степень духовного обнищания Симона Ивановича подчеркивается еще его внутренней зависимостью от собственного письмоводителя, Ардальоныча, скользкой личности, «первого злодея», по выражению мужиков.

Эта зависимость вызвана тем, что жена Ардальоныча является любовницей Симона Ивановича. В нем прорывается иногда возмущение, тогда он в бешенстве колотит письмоводителя по голове, называя его слякотью, мокрицей. Ардальоныч в таких случаях нахально парирует, произнося тирады, вроде следующей: «Что больно?.. Не очень-то... Я знаю, что знаю... хе, эту модель насчет форцу надо оставить... не страшно нисколько, я и сам с усам...»

В своем очерке Погорелов изображает буржуазную интеллигенцию, завсегдатаев клуба, пьяниц, так называемых «словесников» — рассказчиков пошлых анекдотов. Рисуя их нравы, Погорелов и показывает, до какой степени прогнил этот мирок, как гадко мироощущение этих обреченных. Симон Иванович называет их мертвыми душами, чувствуя, что и сам он стал такой же мертвой душой.

Задача автора очерка не ограничивалась показом жизненной трясины. Лагерю «сытых», мертвым душам противопоставлены борцы за свободу. Действие происходит в период нарастания революционных событий.

В очерке изображена тюрьма, переполненная «политическими», в большинстве своем крестьянами. Накануне в тюрьму было брошено еще двадцать крестьян, фельдшер, учитель и доктор Черемухин. Клубной публикой обсуждались эти события, и даже беспринципные обыватели с некоторым осуждением говорили о деятельности своего же собутыльника, прокурора Мишки Груздина: «По правде говоря, Мишка превратился в ищейку... Не прокурор, а жандармская затычка».

Когда Груздин, на вид красивый и добродушный, появился в клубе, компания «шутила»: «Умой руки! Они запачканы грязью жандармских застенков!» Или его спрашивали: «Сколько ты сегодня душ загубил?», на что он нагло, с бесстыдным хохотом отвечал, что «мужики потрясают основы, книжки читают и прочее», что против доктора Черемухина не было улик, но «посадить надо было» и т. д.

Погорелов в уста этого погромщика вкладывает рассказ о политической демонстрации в тюрьме, когда заключенные, вместо молитвы, запели марсельезу; в тюрьму были введены солдаты, трое политических убито, среди них доктор Черемухин, семеро ранено. Смотритель

тюрьмы ранен пулей навывлет. Узнав, что назначен военный суд, один из собеседников резюмирует: «Я знаю, что такое военный суд, он существует исключительно для убийства. Таким образом, трое убиты без суда, остальных убьют по суду».

Не изображая непосредственно лагерь борцов, давая его описание лишь в рассказах их врагов, писатель совершенно определенно раскрывает расстановку сил в борьбе и историческую перспективу двух противоположных полюсов. О борцах Погорелов пишет: «За ними правда, за ними будущее». Это понимают, чувствуют их враги, что ярко выражено в сцене припадка Груздина: «Сердце замирало от предчувствия надвигавшейся беды... Из всех окон глядела на него темная ночь, и там, в ее недрах, мерещились ему только что виденные им картины ужаса: мертвая девушка с разрубленной головой, Черемухин в луже крови, трупы, прикрытые рогожей в углу коридора, бледные лица, горящие ненавистью глаза...» Его охватила «преступная злоба», темная, как ночь, жгучая и ненасытная. «Истребить всех без пощады, без жалости, навести ужас» — в этом видел он единственную «возможность своей жизни». Но могучий хор звучал в его ушах торжественно и властно — слова марсельезы, а затем похоронного марша над трупами убитых:

Мы отдали все, что могли, за него,
За труд его, честь и свободу...

Эти слова люди пели в экстазе, и они звучали беспощадно, строго и могуче. И в этих словах Груздин чувствовал угрозу неминуемой гибели того строя, который его вскормил и без которого ему — смерть. Сознание этого вызвало в нем припадок злобы и отчаяния.

На события в тюрьме по-своему реагировал и Симон Иванович. Когда он ушел в поле подальше от жилья, подавленный сознанием мерзости всего окружающего и своей собственной, он услышал доносившуюся из тюрьмы торжественную, могучую песню. Он не верил в победу новой жизни и в то же время «марсельеза так ясно и убедительно говорила о близкой победе, что душа Симона Ивановича трепетала от радости и рвалась на встречу торжественным звукам». Люди, сидящие за железными решетками и поющие песни о свободе, казались ему во сто раз счастливее его, и он мысленно на-

звал их богачами, а себя нищим, растерявшим ум, совесть, идеалы, почти потерявшим человеческий образ. Такое острое сознание своей искалеченности и низости не сулило этому «отпетому» человеку никакого возрождения, никакого выхода, а вызывало лишь истерический вопль, в котором звучали и протест и полное бессилие людей, схваченных в тиски отживающим старым миром. «Совести не залить вином, нет!.. Хоть бочку выпей! Бедный Черемухин!.. Чудный врач, добрейший человек!.. И вот убили... за что? И тот Иуда смеет говорить о деликатности!.. Долой убийц! Долой Мишку!.. Да здравствует свобода!.. и... вот что... надо по домам, господа... Все к черту!..» Таким монологом Симона Ивановича заканчивается очерк.

Трясина в этом очерке — символ старого мира, марсельеза — символ надвигающейся революционной бури. Главная идея очерка — предсказание торжества тех, кто поет победную песню о свободе и неизбежности гибели старого мира.

Цикл очерков Погорелов посвятил теме революционизирования деревни. Четыре очерка написаны от имени сельского учителя, ведущего дневник, в котором отражаются события накануне, а затем в ходе русско-японской войны и в начале революции 1905 года. Первый очерк называется «Из дневника учителя» и имеет подзаголовок «Первые лучи». Это первые лучи, предвещающие пробуждение сознания в крестьянстве, это первые проблески революционного зарева в деревне. Вместе с народом приобщается к новым идеям, а затем и борьбе учитель. Сначала он чувствует непреодолимую пропасть, которая вырыла между ним как представителем интеллигенции и народом «всероссийская кабала». Положение обязывало его быть только учителем в пределах министерской программы, не рассуждать, угождать влиятельным людям, презирать «чернь», трепетать перед красным околышем и такой же трепет внушать ученикам. Внешне его поведение не выходило за эти установленные рамки. Но внутренний мир учителя был иным. Он всей душой болел за крестьянство и презирал его за тупую мужицкую покорность, за рабское терпение, беспомощность, неумение постоять за себя; презирал за невежество, предрассудки, нищету. «Мы презирали друг друга, как рабы презирают рабов», — пишет учитель.

В начале очерка усилена эта тема покорности крестьянства, его темноты: «Народ, покорно перенесший крепостное право и так же покорно переносящий кабалу земских начальников, смиренно ложающийся, склоняющийся перед произволом самодурства, заочневший в невежестве, погрязший в предрассудках, — этот темный, обнищавший народ казался мне погибшим народом. Он рисовался мне измученной, издыхающей клячей, которую хозяева скоро за негодностью отправят на живодерню».

В рассуждениях учителя о положении трудящихся выражена его сильнейшая ненависть к господствующему социальному злу; он мысленно обращается к крестьянам: «Отцов ваших истязали помещики, а вас истязают земские начальники. Отцы ваши были рабочим скотом, «быдлом» у дворян, а вы такое же быдло у чиновников. Отцы пресмыкались в грязи, издыхали на работе для того, чтобы их господа могли жить в роскошных палатах, ходить в кружевах и бархате, удивлять своею расточительностью иностранцев, проигрывать в карты, прокучивать с непотребными женщинами целые состояния, — и вы в такой же грязи и нужде выбиваетесь из последних сил, чтобы добыть для ваших господ миллионы миллионов. Вы пухнете от голода, а они пухнут от пресыщения».

Но вот учитель стал улавливать, сначала лишь смутно, «что-то новое, необычное, какие-то перемены». Он заметил, что типичными фигурами в деревне стали урядники, у них появились новые формы преследования крестьян: они переодевались нищими, подслушивали под окнами, доносили, у них постоянно прорывалась звериная злоба против мужиков и беспокойство по поводу новых настроений, дающих себя знать в деревне.

Выразительный образ тупого и наглого урядника Погорелов дал средством одного лишь монолога, обнажившего всю его немудрую «философию»: «Драли мужиков, кажись, достаточно, кому только не лень: и помещики, и начальники — и все неймется... Надобно, видно, последнюю шкуру спустить». Урядник рассуждает, что помещичья земля родит лучше крестьянской и поэтому, по его «логике», «от помещиков больше пользы государству, а от мужиков один убыток... Само собой ясно!.. Будь вся земля помещичья, мы давно были бы первеее государство перед всеми народами... Все му мужик

помешал... Освободили их к 1861 году, как в лужу сели... нечего скрывать, ошибку сделали... Стало быть, так ли, сак ли, а надо ошибочку поправлять... Она, положим, поправляется помаленьку, да не больно прытко... А по-моему, сразу бы... Будь я министром, я мигом бы повернул... Запели бы у меня мужички на всякие голоса... я показал бы им кузькину мать!» Далее урядник заявляет, что образование представляет опасность для государства, потому что «образованные господа стоят за мужиков да за рабочих». Поэтому он хотел бы, чтобы все школы и университеты были закрыты: «От них весь бунт». Урядник хвастается якобы присущим ему «природным умом», благодаря которому он «проник» в дух времени: «Например, при мне прокурор с жандармским офицером говорили о политике — я понял все. Конечно, говорили они высоким слогом: репрессии да экзекуции, но я сразу догадался. Тюрьма, говорю, это что! А надо их расстреливать. Они засмеялись, однако похвалили. «Ладно, — говорят, — молодец, старайся. Потребуется — и расстреливать будут». Таково не прикрытое никакой маской лицо реакции.

Большое внимание в очерке уделено крестьянам. Встреча с ними и разговор воодушевили учителя. Они пришли к нему спросить, что такое политика и что такое государственный преступник. И принявшись объяснять им это, учитель невольно заговорил о необходимости изменить существующие государственные порядки, установить народное правительство, отдать землю крестьянам, к чему и стремятся «государственные преступники». Он встретил доверчивое отношение мужиков, на душе стало светло и отрадно, захотелось рассказать им, сколько хороших людей погибло от руки палача и на каторге, сколько томится в тюрьмах, казематах, в Сибири.

Настроения крестьян накануне революции передаются в очерке так: «...в деревнях происходит какое-то смутное, но радостное брожение. Лица мужиков стали осмысленнее, не было ни прежней угрюмости, ни взглядов исподлобья. Мужики точно выпрямились и помолодели». А речи их поражали своей новизной, связностью и здравым смыслом. Это настроение взрослых отразилось и на учениках, которые стали брать книжки, задавать вопросы, подтянулись; видно было, что мысль их работает в каком-то определенном, благотворном направлении. Для

передачи всей этой новой атмосферы Погорелов употребляет такие выражения, как «просветление», «первые лучи», «лучи весеннего солнца». Мажорные тона, светлые краски озарили эти маленькие произведения о революционном пробуждении народа.

Во втором очерке под заглавием «В деревне (из дневника учителя)», напечатанном в том же № 6 «Народного вестника» за 1906 год, рисуется сельский сход, собранный по приказанию земского начальника Семена Дуракина в самую страду, когда каждый час дорог. Мужики «злы, как черти», их, как ястреб, сторожит стражник.

С присущей Погорелову в таких случаях живостью и натуральностью изображается массовая деревенская сцена, передается речь крестьян, несколькими штрихами рисуется отталкивающий тип стражника.

Вот от толпы отделился один крестьянин.

«— Эй ты, рыжая борода! — кричал стражник. — Куда? Куда покатыл?! Стой... стой... стой, говорят тебе, лохматый дьявол!

— Водицы хотел испить, — возвращаясь, смиренно оправдывался мужик. — Я бы живой рукой, сию минуту...

— Ишь, леший! Не пивал ты ее, что ли? Воду-то? После напьешься. Я тебе такой водицы...» и т. д. Стражник гонялся за мужиками, колотил их по головам, за что они называли его антихристом.

С семи часов утра до семи часов вечера сход ждал земского начальника. Наконец, он приехал. Погорелов лаконично, но чрезвычайно живо зарисовывает этот тип. Земский начальник Сенечка Дурашный, как его звали крестьяне, был известный всему уезду шалопай, враль, шут, игрок, глупый человек и осатанелый реакционер. Он весь выявился в речи, которую он произнес, захлебываясь, визжа и грозя кулаками: «Я научу вас!.. Я покажу!.. — весь красный, пылающий негодованием, орал он, уже садясь в экипаж. — Знайте! Я доведу вас до точки!.. Я знаю смутьянов... да-с, и доеду. А ты! — вдруг накинулся он на писаря, — смотри у меня... лисичка-сестричка!.. И до тебя доберусь!.. Вот бумаги, возьми...» На клочке бумаги было написано восемнадцать фамилий крестьян, которых предписывалось арестовать. «Вот вам и сенокос!» — восклицали мужики.

Вскоре протест крестьян выразился в том, что они до

полусмерти избили навязанного им Сенечкой Дурашным старшину Кумачева, по прозвищу Каин.

Третий очерк, являющийся прямым продолжением первого, называется «Из дневника учителя», его подзаголовок «Пробуждение». Здесь идет речь о пробуждении крестьянства к новой жизни, к борьбе. С самого начала очерка говорится о крестьянском митинге, где открыто рассуждают о политике, обнаруживая явно «крамольный» образ мыслей. «Сермяжные ораторы излагали свои суждения свободно, просто и откровенно, называя вещи их собственными именами», — пишет учитель, присутствовавший на митинге, и спрашивает: «Откуда все это взялось? Куда делась убогая приниженность мужицкой мысли?.. Откуда этот подъем, размах, смелость суждений?» Погорелов называет все это «великим преображением народной мысли». Это великое преображение ярко отразилось и в облике людей, контрастирующем с прежним. Об этом учитель пишет: «Я смотрел на мужиков, на их мозолистые руки, загорелые лица, спутанные бороды, посконные рубахи и не узнавал их. Передо мной были другие люди, не те, примелькавшиеся своим убожеством, которых я знал, а другие, озаренные светом человеческой мысли и человеческого достоинства, к которым я чувствовал уважение, почти зависть и перед которыми я робел».

Пропать, разделявшая крестьян и трудового интеллигента, о чем говорилось в первом очерке, исчезла; между ними появилась какая-то внутренняя связь.

Душевный подъем учителя, почувствовавшего себя с этой минуты «не лишним человеком на свете», Погорелов выражает патетически. Учителем овладело «огромное торжественное чувство», ему «хотелось заплакать, закричать, подняться вверх, выпрямиться, обнять всех людей, слиться со всем миром». Он произнес речь на этом крестьянском митинге, говорил страстно, смело, красноречиво — о великой борьбе за народную свободу и о мучениках этой борьбы. Погорелов приводит слова крестьянина о революционерах: «Да, святые люди... И когда еще началось-то... и народ ничего не знал... да... святость-то, видно, не в ладане, не в рясе, а в правде... Мученики за правду всегда были, есть они и теперь... А впереди еще больше будет... Потому что черная хмара застилала людям очи, а теперь она порассеялась...»

Отдавая дань величайшего уважения и признания революционерам, герой Погорелова видел, однако, главную движущую силу в самом народе. Глядя в умные сочувствующие глаза крестьян, он приобретал веру в то, что впереди «светлое и радостное будущее».

Раскрывая глубину революционного преобразования деревни, Погорелов указывает и на приобщение женщин к борьбе. Женщины-крестьянки тоже говорят о политике, и тетка Матрена так решительно и мудро, что один мужик о ней сказал: «Все толковали, что у баб ума нету, а гли-ка они, в самую точку». О Марье же, грамотной, речистой, разумной, в деревне говорили: «Марья у нас — орел».

В конце очерка показывается, как значительно революционное пробуждение масс крестьянства. Оказалось, что в деревне сложилась настоящая подпольная организация, а хозяин той хаты, где происходил митинг, был ее руководителем. Когда его предупредили, что в соседнее село нагрянули жандармы, он давал указания крестьянам идти по домам и припрятать у кого что есть «подозрительного». В тоне его сказывалась привычная уверенность вожака. Четверых крестьян он послал в соседние деревни, на мельницу, а учителя — к фельдшеру и доктору предупредить о возможном обыске, причем объяснил: «Скажу тебе, не потаюсь, заведена у нас машина большая... В случае чего надо быть в аккурате...» Приобщенный к революционной организации, учитель переживал словно «волшебную сказку».

Когда была произведена облава, вскрылось, что на мельнице, в лесу, была организована тайная типография, перепечатывавшая революционные книжки. «Начальство с ног сбилось: везде книги, пропаганда... Наводнили книгами всю округу», — рассказывает о. Василий. Арестовано было шестьдесят человек — крестьяне, учителя, фельдшер, земский врач. Погорелов заканчивает очерк следующими словами: «Арест шестидесяти человек навел ужас на все население, оно съежилось, притихло, примолкло, но разбуженная мысль продолжала работать в тиши, и уже ничто не могло снова погрузить ее в прежний вековой сон. Власть по-прежнему пугала, наводила ужас, но она утратила свое обаяние, на нее никто не возлагал никаких надежд, она держалась только грубой силой. Все сочувствие деревни было на стороне тех, кто

сидел в каменном мешке за железной решеткой. Глухое недовольство притаилось, но все росло... Между тем в стране назревали великие и грозные события. Началась русско-японская война, всколыхнувшая всю Россию».

О русско-японской войне и 9 января повествуется в последнем очерке этого цикла — «Черные дни (из записок учителя)». Война названа в первых же строках очерка всенародным горем. Однако сперва вести о войне были восприняты населением довольно равнодушно: «Кругом было столько горя, нужды и всякой неправды», что новое бедствие уже не произвело особенно сильного впечатления. Погорелов описывает голод в деревне и действия того же Сенечки Дурашного, объявившего население волости опальным. Он не разрешал мужикам, несмотря на все мольбы, взять из общественного магазина ни одного пуда зерна. Тирада Дурашного ярко изобличает животную злобу reactionеров против народа, выросшую в преддверии революции: «Вы скоты! — кричал он своим картавым голосом, вращая круглыми дурацкими глазами. — Хамы! Вы не стоите того корма, который едите!.. Прочь с моих глаз!.. Издохнете, и не жаль: нам бунтовщиков не надо... Клячу, которая не хочет служить хозяину, лишают корма и отсылают на живодерню... Так ведется в хорошем хозяйстве, так же ведется и в благоустроенном государстве...»

Благотворительность по отношению к голодающим преследовалась, как «крамола»; одного студента, привезшего из города воз печеного хлеба, арестовали, а этим хлебом потом кормились лошади земского начальника.

Каждый день от голода умирали люди, особенно много — детей. Город осаждался полчищами нищих. Оборванные голодные люди замерзали в дороге. Масса же голодающих не хотела нищенствовать и предпочитала умереть молча, незаметно скрываясь от людского глаза, как звери умирают в своих берлогах. Целые семьи лежали без движения ночью и днем. Падал скот, избы стояли без крыш, потому что солома с них была съедена. При таких условиях война сначала не слишком занимала умы. Она воспринималась как стихийное бедствие, и она была ко всему же далеко, на Дальнем Востоке.

Погорелов с прогрессивных народных позиций дал в очерке оценку русско-японской войны и политики царского правительства. Он пишет, что «война подготовля-

лась давно всей политикой нашего правительства на Дальнем Востоке», что она велась «в угоду высокопоставленным хищникам, которые ради личной наживы, ради миллионных хищений ни перед чем не останавливались, даже перед войной и всенародным бедствием». Писатель разоблачает лживую официальную прессу — «Губернские Ведомости», «Свет», «Сельский вестник», «Дружеские речи», — наводнившую деревню и доказывавшую «богоугодность настоящей войны». Газеты этого сорта описывали торжественные проводы генералов с молебнами, перечисляли иконы, которые генералы везли на войну. Честная печать вынужденно молчала. Многие люди, особенно в деревне, не знали еще тогда «тех пределов, до каких может доходить великая ложь правительственных «патриотов», — говорит писатель.

Погорелов показывает, что все реакционные силы заодно выступали с восславлением антинародной войны. Поп Василий провозглашал в проповедях оплотом России «православие, самодержавие и верность народа», клеймил «студентов, интеллигентов, жидов и социалистов», которых, однако, к его успокоению, «ловят, истребляют верные слуги престола».

Война недолго казалась отдаленной, скоро она коснулась всех. Весной был объявлен призыв запасных. Людей брали в поле, дома, в лесу, не давали проститься с родными, хватали, сажали в волюсть, как арестантов. Это напоминало старые времена николаевской рекрутчины, когда рекрутов ловили и заковывали в цепи, как зверей. В горячие дни весенних работ солдат увозили на войну. «Боже мой! — пишет учитель. — Какое было море слез, иступленных криков, истерик, воплей, проклятий. Какое бездонное горе и отчаяние читалось в глазах, жестах, в интонациях голоса!»

Погорелов изображает вчерашних бородатых мужиков, еще вчера ходивших за сохой, а теперь переодетых в солдатские шинели. Они маршировали по городу с суровыми лицами и горланили по приказу начальства солдатские песни, то патристического, то похабного содержания, а за ними с плачем тащились отцы, матери, жены и дети. «После казенного веселья с песнями, плясками, дикими выкриками и свистом двое запасных убежали из казармы в лес и повесились на дереве, один бросился в воду...»

Автор описывает опустевшую после ухода запасных деревню, в которой наступила могильная тишина. Оставшиеся работали до полного изнеможения.

В очерке даются вехи исторических событий: убийство революционерами 15 июля министра внутренних дел Плеве; громадная забастовка рабочих в Петербурге в декабре месяце. Все это оценивается, как вскрытие глубочайших внутренних противоречий, заостренных войной. Погорелов пишет: «Атмосфера сгущалась, война постепенно выдвигалась на первый план, раскрывая все язвы нашего управления».

Очерк завершается взволнованным повествованием о событиях «кровавого воскресенья». «Даже официальные телеграммы об этом историческом дне, с которого началась русская революция, произвели на всех потрясающее впечатление», — пишет Погорелов. В ужас приводили следующие, более правдивые сообщения об этом дне в письмах, одно из которых учитель прочитал вслух перед большой толпой крестьян. В этом письме рассказывалось, «как сотни тысяч рабочего люда, охваченного почти религиозным экстазом, с иконами и царскими портретами, одетые в праздничные одежды, с женами, со стариками и детьми пошли к Зимнему дворцу с прошением к царю, как дети к отцу, об облегчении их жалкой участи, и как их расстреляли, изрубили шашками, искололи штыками посланные против них войска, как сотни людей погибли на месте убитыми и тысячи ранеными, как весь снег на улицах и на площади от крови стал красным и как потом трупы людей, точно дрова, увозили в товарных вагонах и воровски хоронили в ямах».

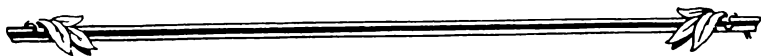
Погорелов проявил глубокое понимание того урока, который народ извлек из событий 9 января. Народ не только рыдал, потрясал кулаками, жалел погибших: народ навсегда хоронил легенду о правоте и святости самовластья. «Последняя иллюзия была разбита, и открывалось широкое поле для нового мирозерцания», — пишет он. Сотни листов о 9 января читались нарасхват, перепечатывались, переписывались, негодование народа было глубоко и огромно, свободные речи раздавались везде. Так развивалась революция.

Русско-японская война имела непосредственную связь с революционными событиями в России начала века. Это понимали многие демократические писатели и рассмат-

ривали тему русско-японской войны как политическую. На нее откликнулись в статьях, очерках, рассказах, произведениях мемуарного жанра такие писатели, как Лев Толстой, Короленко, Вересаев, Скиталец, Куприн, Л. Андреев, Новиков-Прибой, Сергеев-Ценский и др. У многих из них критика войны переходила в критику социального строя России. Именно так трактовал эту тему и Погорелов. Он осуждал войну, правильно раскрыл ее антинародный характер, уловил связь между событиями войны и назревающей революцией. В художественном отношении его очерки не отличались очень большой впечатляющей силой, так как большей частью он в них не живописует, не показывает событий, а рассказывает. Но вливаясь в общий поток антивоенной, революционно направленной публицистики, очерки Погорелова тоже содействовали пробуждению и росту сознания масс.

Публикацией очерков заканчиваются выступления Погорелова в печати. Его творчество еще продолжалось в годы реакции и носило по-прежнему прогрессивный характер, но написанное им после 1907 года не увидело света и осталось среди неопубликованных рукописей.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ РУКОПИСИ

В фондах А. Погорелова хранятся рукописи произведений, по тем или иным причинам не напечатанных. Среди рукописей наряду с множеством черновых отрывков, набросков, слегка намеченных планов и замыслов имеются цельные, достаточно обработанные произведения, прошедшие, как на то указывают многочисленные черновики, несколько этапов творческой работы автора.

Одним из самых крупных по объему произведений этого рода является «Дневник агронома». Заглавие отражает избранную автором форму повествования от первого лица.

Пишущий дневник — это интеллигент, агроном, в течение многих лет связанный с деревней. Он начал свою деятельность за десять лет до непосредственно излагаемых событий: это был конец 70-х годов, период расцвета революционного народнического движения. Сам он к народнической организации не примыкал, но был полон энтузиазма и жажды деятельности. Прямо со школьной скамьи он ехал в Ковровский уезд на должность земского статистика и с благоговением думал: «Вот она, настоящая деревня... Вот тот самый народ, который я знал до сих пор только по книгам и о котором так много думал и мечтал»*. Первый встретившийся ему тогда мужик в зипуне и лаптях вызвал у него огромное волнение. Общественное дело, которое ему предстояло, казалось настоящим счастьем. Он так взволнованно и непосредственно воспринимал все социальные вопросы текущего дня,

* ЦГАЛИ, ф. 448, ед. хр. № 56, л. 9.

что еще в пути, на пароходе, удивлялся, что пассажиры-интеллигенты говорят «не о судьбах капитализма в России, не о рабочем вопросе, не о крестьянском малоземелье и переселении, не о новых притязаниях дворян на особые привилегии»*, а о буфете, еде, анекдотических происшествиях. Юноша сразу приметил среди пассажиров крестьянина (настоящего крестьянина!), робко поглядывавшего вокруг, и хотел сразу «врезаться» во все важнейшие дела народной жизни, стал с юношеской наивностью и пылом задавать вопросы крестьянину. Тот отвечал уклончиво, нарочито путано и в то же время конкретно. Из этих ответов юноша понял основную мысль крестьянина: «Были крепостными, теперь на воле, а богатства и теперь нет, из-за лесу маемся»**. Герой только инстинктом почувствовал тогда, как глубоки и как трудны для решения эти вопросы. А затем агроном в течение десяти лет много путешествовал, много видел людей. К какому же итогу он пришел? На идейной эволюции интеллигента и останавливается автор в первой половине повести.

Положительный результат жизненного опыта агронома — преодоление иллюзий относительно деревенской общины и мужика, рисовавшегося ему в сентиментально-народническом духе.

Но утрата иллюзий была бы действительно положительным фактом, если бы их место заняла продиктованная жизнью, реальная программа социальной борьбы. Этого герой не обрел. Былая наивная иллюзорная вера сменилась разочарованием, бесперспективностью и отчаянием.

Это душевное состояние героя раскрывается с самого начала повести: «Чаще всего приходит на ум, что лучшая часть моей жизни уже прошла, что молодость прошла, что бывшие надежды мои разбиты, что впереди нет ничего, кроме будней и обыденного труда без веры и вдохновения, и тогда горькое чувство невыразимой скорби сжимает сердце, точно присутствуешь на своих похоронах»***. Герой не верит в полезность своего труда, запаса знаний, почерпнутых из книг. Он думает, что научные

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 56, л. 10.

** Там же, л. 11.

*** Там же, л. 2.

статьи по сельскому хозяйству, которые он пишет, никому не нужны. Он ощущает бессмысленность деятельности всех окружающих его людей и чувствует себя утопающим в «тине нескончаемой лжи, постоянных противоречий и сделок с совестью» *.

Герой беспощаден к себе, он понимает, что превратился в «тряпку», ничего не достиг. Житейская опытность привела его лишь к «философии одичалых»: «лбом стены не прошибешь», «уши выше лба не растут», — философии, заклеянной в сатирах Щедрина.

Погорелов в публицистическом отступлении бичует либеральную интеллигенцию, приспособившуюся к реакции: «Известно, что служилый интеллигент только и делает, что приспособляется к тому или другому положению..., приспособляет все свое нутро: свой ум, свою совесть, меняется снутри и снаружи... Один знакомый мне инспектор народных училищ уволил двенадцать сельских учителей, о которых узнал, что они занимаются сельским хозяйством, находя такие занятия вредными и несовместимыми с учительской деятельностью, и он же через полгода после того разослал циркулярное приглашение всем учителям по возможности заняться земледелием, трогательно распространившись о благодетельности такого занятия, потому что к тому времени подул другой ветер» **.

Герой повести сам, кажется, недалеко от полного перерождения, но не становится ренегатом, сохраняет какие-то остатки порядочности, его неудовлетворенность, разочарования причиняют ему искренние страдания, он сознает свою никчемность, осуждает себя, и это отделяет его от довольных собой благонамеренных подлецов.

Погорелов создает вокруг своего героя определенную жизненную обстановку. Нарисованные им кусочки жизни в какой-то степени воссоздают атмосферу конца 80-х годов.

Сначала герой представлен в губернском городе, куда он переехал из Коврова и занял должность заведующего земской агрономией. Описывается город с его церквями, пивоваренным заводом, казармой, контрастом каменных домов и деревянных лачуг. В городе агроном сторонится

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 56, л. 2.

** Там же, л. 31.

чиновничьего круга. В этом кругу он слывет чудаком за свой образ жизни: он вечно пишет, читает, живет аскетом.

Но он не назвал бы свой образ жизни отшельническим, он сталкивается с массой разнообразных людей, их судьба останавливает на себе его внимание. Это все выбитые из седла люди, интеллигенция, ищущая занятий, не только вставшая на перепутье, а выброшенная в бурную эпоху ломки всех старых устоев за борт жизни. Это, по определению автора, несчастные люди, униженные — бывшие волостные писаря, учителя, отставные чиновники, ссыльные и находящиеся под надзором полиции, отставные военные, девицы, ищущие уроков, «интеллигентные пролетарии». Трудно постичь, чем они жили. В судьбах этих людей отражена неустроенность, порой трагедия тружеников, деклассировавшихся, не находивших своего места в жизни в условиях капитализма.

В ряде дневниковых записей агронома говорится о трех приятелях, с которыми он общался. Они из «пострадавших», то есть революционеры-народники, отбывающие ссылку. Держатся они осторожно, один работает в газете, его все чураются, он переживает массу неприятностей. Все трое голодают. Агроном сошелся с ними, потому что это тогда казалось подвигом в атмосфере страха, который одолевал русское общество, давил мысль, калечил нравственное чувство.

Важно отметить, что, характеризуя ссыльных, Погорелов пишет, что они «держатся своих старых положений, за десять-пятнадцать лет отстали от жизни, не отступили от своих догм, из которых выдохлось то, что волновало когда-то сердца и будило энергию»*. В этих словах и уважение к революционному народничеству и понимание, что в новой обстановке нужны новые идеи борьбы, а старые, народнические, выдохлись. Народники, по мнению Погорелова, — это герои, сошедшие со сцены.

В «Дневнике агронома» Погорелов критикует земские организации, деятельность которых проникнута фальшью и лишь запутывает положение. Он иронически описывает заседание «Комитета по улучшению крестьянского земледелия и поднятию экономического благосостояния П-ской губернии», где заседают сановники, не имеющие никакого отношения к земледелию и благосостоянию

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. № 56, л. 5.

края. Они проводят заседание как процедуру, будто бы способную что-то внести в решение вопроса. На одном из заседаний было сообщено о неурожае и об уничтожении кобылкой и без того нищенских всходов в ряде уездов. Это известие было встречено совершенно равнодушно. На борьбу с кобылкой в Ковровский уезд послали агронома (от лица которого ведется дневник).

Вся вторая половина повести посвящена деятельности агронома в деревне, изображению различных слоев пореформенного крестьянства. Описывая путь агронома в деревню, Погорелов рисует нежный, задумчивый вечерний пейзаж, тонко и лирично, в тургеневской манере. Природа, пленяя героя, настраивает его на мечтательный лад, и снова в нем просыпаются юношеские надежды: «Мне представлялось временами, что мы едем в сказочной стране и мы сами сказочные герои, исполненные отваги, рыцарского благородства и великодушия; для нас не существует ни затруднений, ни колебаний, для нас все ясно и просто: зло — так зло, добро — так добро, и мчимся мы с отвагой и великодушным порывом в груди на великий подвиг, безупречные, несокрушимые, могучие своей нравственной силой» *. Придавленное реакцией поколение тосковало по деятельности, по героизму. А предстояло лишь что-нибудь вроде бестолковой борьбы с кобылкой, бестолковой потому, что средств борьбы не было, оставалось лишь предложить крестьянам вылавливание маленьких, тучами гнездившихся в хлебах и в траве насекомых...

В «деревенской» части произведения повествование гораздо конкретнее, живее, чем в первой. Погорелов пишет о нищете крестьян, их темноте, о разложении общины, расслоении деревни, засилье кулаков, грубом произволе сельской администрации.

Был год засухи и неурожая. Поля покрыты чахлыми, редкими пожелтевшими посевами, на которые больно было смотреть; среди стеблей кишела кобылка. Но в деревне не было сил, способных возглавить борьбу против грозящего голода. Местные власти лишь усугубляли тяжесть положения народа.

Погорелов мастерски изображает волость с неременной «чижовкой», куда сажали крестьян по произволу пьяных старшин. Особенно жизненны фигуры волостных

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 56, л. 16.

начальников: старшины, писаря, помощника писаря. Писатель много повидал их на своем веку, знал каждую их характерную примету, показывал в произведениях всесторонне, от одежды до самых тайных мыслей. Равнодушные к судьбе крестьян, эти пьяные буяны пресмыкаются перед начальством, пьют кровь крестьянскую, чинят произвол.

Выразителен образ неперменного члена крестьянского присутствия Шмагина, откровенного реакционера, которому дела нет до «новых веяний». Бывший полицейский, он по каждому поводу предлагает перепороть мужиков. Он считает, что мужику живется в России слишком вольготно. Для него образцом является Америка и Англия: он говорит, что в Америке мужикам пикнуть не дают, а Англия потому самая богатая страна, что народ там прижать сумели, чуть что — не розги, а смертная казнь. Таковы его политические «идеалы».

У Шмагина есть страсть к ораторству. Его наставительная речь по поводу того, что есть старшина, дана пародийно. Он поучает, что волостное правление должно выглядеть благолепно, так как в этом присутственном месте олицетворяется власть светская, как в церкви — духовная.

Принимая крестьян, Шмагин выслушивал их жалобы, но не решил ни одного дела, а всем велел подать ему личное заявление. Он приказал согнать крестьян в волость, они дожидались его целый день, он же уехал, не сказав им ни единого слова.

В повести выведена и крестьянская масса. Погорелов говорит о тяжелом положении крестьян, но не скрывает и их недостатков, порожденных условиями жизни. Вот, например, эпизод с починкой моста. Здесь было работы всего на один день одному человеку. Но одного не принудить к работе, и чтобы не спорить, кому именно идти, вышли «всем миром». Во время работы крестьяне препирались, каждый сваливал свою долю на других, сутяжничили и сами критиковали свое общество, в котором только одни свары да споры. С юмором изображает Погорелов крайне ленивую работу, прекрасно передает медлительную, лукавую речь крестьян, которые рассказывают агроному, как они с соседней общиной «сутяжатся».

К словам агронома о кобылке крестьяне отнеслись равнодушно, на предложение идти истреблять ее только покачали головами: «Эко место... выловить ее!» К агроно-

му возникло недоверие, в глазах крестьян он тоже был «начальство». Против уничтожения кобылки они выдвинули тот аргумент, что ее бог послал и поэтому грех ее истреблять. Агроном возражал, что если так рассуждать, то и тараканов, и волков, и болезни тоже от бога, но с ними борются, почему же с кобылкой бороться грешно? Крестьяне предложили спросить у попа. Когда агроном пришел к нему, поп с испугом отверг всякое свое вмешательство в эти дела.

Точно нарисована в повести картина схода. Едва-едва собрали половину крестьян к одиннадцати часам ночи. Мужики осторожно возражали, говорили, что бороться с кобылкой «непременный» не велел и поп не поддержал. Они высмеивали «барина» (то есть агронома), а когда он предложил подписать «приговор» о том, что не согласны принимать меры против кобылки, мужики заговорили: «Эге! Вишь ты! Ловко! Ловко обернул! Нет, брат, и мы не лыком шиты. Удумал! Пойдем, ребята! Чего тут!..» * И крестьяне испуганно бросились во все стороны и исчезли во мраке наступившей ночи.

Эти события резюмирует вновь приехавший агроном Калмыков, который ни в чем не винит мужиков, хотя они его много обманывали: «Они дети, темные, невежественные люди. Виноват я, потому что до конца оставался для них чужим человеком и не умел заслужить ни уважения, ни сочувствия. Конечно, еще больше виновата история, положившая между нами и народом целую пропасть» **.

Разобранная повесть характерна для Погорелова своей темой — темой интеллигенции и народа. В повести много ценных жизненных наблюдений. Однако 80-е годы воспроизведены в ней лишь как эпоха «безвременья». За тьмой и мраком реакции писатель не усматривал созревания революционных пролетарских сил, так как это совершалось в глубочайших недрах реакционной эпохи. Но он сумел изобразить нищету и бесправие крестьян и бездорожье интеллигенции.

«Дневник агронома» написан правильным, чистым языком, в нем ряд больших удач в передаче речи крестьян, пьяного писаря, попа, ораторствующего Шмагина. Но по-

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 56, л. 53.

** Там же, л. 54.

весть несколько растянута, некоторые описания излишне подробны и даже натуралистичны; вообще в ней нет той цельности, того лаконизма, которыми характеризуются лучшие из законченных опубликованных произведений Погорелова.

Среди неопубликованных рукописей останавливает на себе внимание отрывок незаконченной повести, начинающийся словами: «С некоторых пор в поведении Ивана Ивановича Веретенникова...». Эта рукопись включает в себя значительный и хорошо написанный эпизод крестьянского выступления против заводчиков и властей.

Сюжет строится на мотиве душевного перелома, который пережил Иван Иванович Веретенников, в одну ночь резко изменивший все свое отношение к жизни под влиянием услышанного им рассказа крестьянина о народных страданиях.

Веретенников считался в губернском «обществе» человеком общительным, веселым, хлебосолом. Вдруг он начал избегать людей, перестал ходить в клуб, замкнулся в себе. Всех людей своего круга, и прежде всего самого себя, он стал считать подлецами. На службе он теперь не просто подписывал бумаги, а сначала их внимательно прочитывал, если они касались крестьян. Он выступил в «Комитете об улучшении экономического состояния местного населения» с заявлением об отказе от дальнейшего участия в его заседаниях, так как ему «до крайности опротивело переливание из пустого в порожнее»*. Он завел дружбу с «неблагонадежным», которого все травили. В городе заговорили, что он сошел с ума или записался в нигилисты. Но на месте держали, так как еще не решились, что с ним делать.

Перелом в сознании Веретенникова совершился при следующих обстоятельствах. Однажды он был в гостях у молодой красивой вдовы генерала Нырялова. На генерала в свое время он смотрел глазами людей своего круга как на человека порядочного, умного, милейшего. Генерала убили крестьяне, когда он выходил из купальни. Веретенников навестил вдову через два года после этого происшествия. Она приняла его более чем приветливо. Он возвращался домой в веселом настроении, с мыслью, что

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 85, л. 4.

хорошо было бы жениться на Марье Николаевне — умной, красивой и богатой.

По дороге ему пришлось остановиться на О-ской пристани в ожидании парохода. Здесь он примкнул к толпе мужиков и баб и услышал продолжение рассказа старика-крестьянина:

«И что делать, об чем думать, как жить при такой оказии — никто в понятие не возьмет. Окромя как умирать — больше ничего... Кто куда... по разным местам. Потому нету совсем житья. Вот и мое теперь дело: на преклонности лет должен я мыкаться, пристанища не имею» *. На вопрос «А ты куда теперя?» мужик не может ответить. Он едет наобум, на последние гроши, в город — поискать, не подвернется ли какая-нибудь работа.

Этот старик, как и все его односельчане, оказался согнанным с земли, и непосредственным виновником бедствий крестьян явился генерал Нырялов (Ныряев в речи старика). Старик рассказал о величайшей несправедливости господ и властей и о бунте крестьян.

В правдивых словах крестьянина раскрывается трагедия обезземеления. «А ты посуди, какая наша вина? Отцы наши, деды, прадеды наши жили на государевой земле, испокон веку дань платили, недоимки этой никогда за нами не бывало... И вдруг, например, землю, нашу-то землю купил г. Зеленцов у башкир да продал ее г. Ныряеву, оплановали ее, и стала она господина Ныряева, — как же это? А мы, природные то есть жители, иди куда знаешь, на все четыре стороны, или плати г. Ныряеву оброк за всякое место, да еще и земские плати, и казенные, и всякие другие прочие... А мы разве виноваты? Посеял ты, например, хлеба, а г. Ныряев выкосил его, спалил да еще оштрафовал тебя; сена ты, например, поставил, опять же г. Ныряеву достается. Что же это такое? За что же мы теперича наземную дань платим? «Не плати, ребята!» Ба-а-тюшки мои! Что началось! «Пороть! В Сибирь! В остроге сгною! Бунт!..» то есть — господи! — что было... Н-ну! Теперь как в окончание нас сокрушили, придавили рылом к самой земле — недохнуть! А тогда поди-ка как и мы оцетинились... С тех самых пор и пошло, и пошло...» **.

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 85, л. 5.

** Там же, л. 6.

Крестьяне начали хлопотать, дошли до сената и узнали от своих ходоков, что сенат решил дело в их пользу: «Купчую тех господ уничтожить». Но указ этот был спрятан, и много было послано ходоков и истрачено денег, пока указ объявили к величайшей радости мужиков. Но ликовали недолго: «Пришло горе пуще прежнего, — продолжал свой рассказ старик, — уж прямо беда неминуемая. Приехало к нам начальство: всех на выживку, все пять деревень. Мы сначала и не поверили даже, ей-богу, смеемся: как на выживку? По какому случаю? На каком законном основании, ежели указ Сената? А так, говорят, надо, если вы не согласны на мировую, г. Ныреев требует. Ну, мы тут, признаться, всех их в три шеи: ступайте, отколь пришли — у нас сенатский приказ. Спроводили. Одначе спроводить спроводили, а взяло нас большое уныние: болит сердце, сосет вот тут, об этом месте... Быть беде! — думаем, — и точно. Пригнали воинскую силу, со штыками, с ружьями — войско, одним словом. Вышли мы все пять деревень, стоим на лугу по одну сторону, а воинская рать по другую, посредине начальство. Вышел спервоначалу г. исправник, уж он кричал, кричал, даже охрип, все законы вычитывал и всячески поносил всякими нехорошими словами... «Бунтовщики вы, — кричит, — законам не повинуетесь, начальства не признаете! Против царя пошли!» И как он упомянул, братец ты мой, царское имя, наши зашевелились, гул пошел, ропот. «Это вы, — загалдели мужики, — против царя-батюшки бунтуете, царские указы оборачиваете... Вы иродовы дети...» И пошло, и пошло. Видит господин исправник — дело сурьезное, поближе к войску — подале от мужиков. А наши напирают, окончательно вошли в азарт, вне себя сделались. Выскочило тут другое начальство, кричит, руками машет, на одном месте подпрыгивает, а в руках у него большой платок, окончательно точно одержимый какой. Вот вступился тут ходок наш Савва Ильин, вот что и указ нам исхлопотал, а ране того он молчал все, стоял в стороне потупившись...» *.

Савва Ильин — лишь слабо намеченный образ вожака, в котором меньше, чем в других крестьянах, слепой стихийности. Он умеет стоять за интересы крестьян и влиять на их действия. Но образ этот не нашел своего развития.

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 85, л. 7—8.

Савва предложил крестьянам дослушать «барина», хотел предотвратить стихийный самосуд и гибель взбунтовавшихся мужиков. Но, — продолжает крестьянин, — «не дослушали мы барина, подались вперед. И вот истинно говорю тебе, братец ты мой, перестреляли бы тут нас всех до единого, ежели бы опять же не Савва Ильин, потому такая в ту пору на нас решимость нашла — ничего то есть нам не жалко, ни жены, ни ребят, собственного живота не жалею» *.

На этом обрывается рукопись. Однако последствия бунта кратко обрисованы в начале отрывка: крестьян согнали с земли силою «воинской рати», они влились в армию разоренных капитализмом безработных, кинулись в поисках заработка и куска хлеба.

Если бы рассказ был завершен автором, он вошел бы в число наиболее идейно-насыщенных и социально-заостренных его произведений.

К более или менее законченным неопубликованным произведениям Погорелова можно отнести его рассказ, который в одной черновой рукописи называется «Печальная история», а в другой «Два увеселительных заведения». Второе заглавие удачнее первого.

Это юмористический рассказ, построенный на противопоставлении разных слоев населения города N: в клубе собираются господа и дамы; в харчевне, расположенной напротив клуба и носящей название «Прочь тоска-лихондейка», — мужики и бабы. Погорелов сравнивает две кухни, меню и характер развлечений в этих увеселительных заведениях. Автор делает длинное, не лишнее остроумия отступление о том, какая разница между этими двумя полюсами: между «обществом», «порядочными людьми», с одной стороны, и портными, сапожниками, мужиками, с другой стороны. Его симпатии на стороне второй категории людей.

В тоне автора во всем дальнейшем повествовании — нескрываемая насмешка по адресу барской части города. Она усиливается и тем, что говорят о посетителях клуба посетители харчевни.

Между двумя увеселительными заведениями разгорелась вражда. Апогей ее — приход старшины клуба Ивана Ивановича для выяснения недоразумения к хозяину хар-

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 85, л. 8.

чевни Павлычу. Павлыч ехидно предложил ему кружечку пивца. Трактирная публика застонала от восхищения. Иван Иванович начал страшно браниться, Павлыч подал на него в суд. Старшина клуба был приговорен к штрафу, что вызвало бурю в Н-ском обществе, недовольном решением судьи. Все в городе перессорились, сплетничали друг на друга, у ряда дам и девиц оказались ворота вымазаны дегтем. Клуб опустел, свадьбы прекратились. Зато торжествовал Павлыч, к которому постепенно стала похаживать «чистая публика» из бывших завсегдатаев клуба. Он сделал к харчевне пристройку, снял старую вывеску «Прочь тоска-лиходейка» и повесил новую — «Гостинеца сномерами» и дощечку с надписью «въ ходъ».

Погорелов направил свою иронию на пустое, морально низкое, духовное убогое «порядочное» общество.

Стройна композиция рассказа, части которого автор озаглавил: 1. Завязка; 2. Интрига; 3. Заключение. Действие развивается быстро, удачна передача речи действующих лиц, например, живого обмена репликами в трактире. Главные персонажи обрисованы выпукло, особенно Кузьмич — кабацкая затычка, певица Сонечка Ш., капитан Т. и Павлыч. На черновой рукописи Погорелов нарисовал их головы тушью — это тонкие и выразительные рисунки, схватывающие характерные черты персонажей.

Рассказ выдержан в шутовском, веселом, иногда язвительном тоне, относится к немногим юмористическим произведениям Погорелова.

Живо написан и почти весь построен на диалогах еще один рукописный рассказ — «Случай на пароходе».

Рубка крошечного пароходика «Лебедь». В каюте первого класса находятся пассажиры: дама, девушка, старик, важный господин в пенсне, черноватый молодой человек и фабричный парень. Последний, наивный и всем интересующийся, деликатно заглядывает в газету, которую читает важный господин в пенсне, и затем просит дать ему почитать. Господин не отвечает, вызывает капитана и требует, чтобы парня вывели. Парень протестует: он на свои «кровные» купил билет первого класса и никому не причинил беспокойства. Капитан смущен: он понимает несправедливость требования господина и в то же время боится его: господин — его начальник. Вступает за парня черноватый молодой человек, и господин выходит из каюты.

Капитан уговорил все же парня за полдюжины пива уйти «от греха подальше». Тогда господин вернулся. Молодой человек вступил с ним в разговор и поразил его своей эрудицией. Но когда молодой человек представился ветеринарным фельдшером Копытовым, лицо господина вытянулось, и он ушел, чтобы не продолжать беседы с

Рисунки А. Погорелова на первой странице рукописи рассказа «Печальная история».

человеком, столь низким по служебному положению. Однако оказалось, что молодой человек является известным писателем Туркменовым.

Погорелов высмеивает в этом рассказе чванство, снобизм господина в пенсне. В построении рассказа, его теме, способе характеристики персонажей, в неожиданности развязки, в самом этом презрении к снобизму, пошлости чувствуется влияние Чехова.

Ряд черновых отрывков в неизданных рукописях писателя посвящен изображению пошлого, морально растленного праздного круга губернского дворянства и чиновничества («Она», «Марья Александровна считалась» и др.).

Вопросы воспитания детей и молодежи всегда глубоко волновали Погорелова. Эта тема намечена в ряде его замыслов. Так, он несколько раз возвращается к повести «Еремушка» (имеется несколько черновики), в которой

прослеживается духовный рост ребенка, родившегося в семье бедного уездного почтмейстера, от первых проявлений сознания до юности. Показывается влияние окружающей среды на чуткого, любознательного, впечатлительного мальчика.

Еще большее количество набросков относится к теме школьной жизни, воспитания молодежи. Ей посвящен ряд черновиков с заглавием «Очерки Болотовской (или Болотинской) жизни», или «История одного училища». Завершена лишь одна глава. Болотинск — уездный город с реальным училищем. На реалистов плохо влияют некоторые городские чиновники. Один из вариантов начинается описанием вечеринки у члена земской управы, где реалистов спаивает ветеринарный врач и другие гости.

Среди реалистов выделяется Алеша, очень красивый, талантливый юноша, первый ученик, замечательный исполнитель русских народных песен. Алеша нравственно чист, и ему претит поведение товарищей на вечеринке и вся эта попойка. Но и его заставили пить. Алеша, возвращавшийся домой совсем пьяным, встречается со «странным господином», который уводит его к себе домой. Это была счастливая для Алеши встреча.

Наиболее полно обрисован в отрывках «странный господин». Это Егор Егорович Савельев, считавшийся в городе большим чудаком. История его такова: он приехал в Болотинск (по другим вариантам — Болотов) из средних губерний, был управителем железоделательного завода, но не поладил с главным управляющим, бросил службу, купил клочок земли, сам его обрабатывал, учил крестьянских детей, беседовал с крестьянами, подвергался подозрениям со стороны властей, имел столкновения с исправником. Он отстаивал интересы крестьян, от которых был избран гласным. Потом он поступил на должность сельского учителя. Это был человек по характеру веселый, ровный, обладал незаурядным умом и начитанностью.

С отрезвившимся Алешей он беседовал задушевно и умно, и Алеша крепко к нему привязался. В тот же день, встретив ветеринарного врача, Савельев сказал: «Зачем вы спаиваете реалистов?».

В другом черновике дополняется образ Савельева в эпизоде его разговора с директором о ненормальном быте реалистов. Он с волнением говорит ему, что умственным воспитанием молодежи никто не занимается, что вся

система воспитания насквозь пропитана формализмом. Нет даже библиотеки. Под дурным влиянием реалисты портятся, им необходимо сильное и положительное нравственное влияние. Одними исключениями из училища не поможешь. Савельев один правильно понял причину самоубийства реалиста Бархатова, провалившегося на экзамене, и обвинил учителей-чиновников, воспитателей-фискалов и все школьные порядки. Выслушав Савельева, директор назвал его неисправимым фразером и пригрозил отставкой.

В уста Савельева Погорелов вложил собственные раздумья над вопросами воспитания молодежи.

Третий эпизод, связанный с образом Савельева, — это его отъезд из Болотинска. Его тепло провожали ученики. Алеша сильно грустил, на прощанье он спел местную народную песню, в конце не выдержал и зарыдал. «Хорошо поешь, безыскусственно, как мужики поют», — сказал Алеше Савельев. Расставаясь, учитель завещал молодежи быть правдивыми, честными, стремиться к просвещению, читать, учиться, трезво смотреть на жизнь.

К этому же замыслу относится отрывок, в котором изображается приезд в Болотов директора реального училища. Уже в дороге он проявляет себя как хам, грубиян. Он ругает кучера, по-хамски ведет себя по отношению к хозяину почтовой станции, швыряет на пол поданную им тарелку с пирогами. А затем он предстает перед читателем в роли экзаменатора, запутывающего учеников казуистическими вопросами, ругающего их олухами, навещающего на них ужас. Алеша, страстно хотевший учиться, блестяще отвечал на все вопросы директора, даже заданные в самой казуистической форме. Он этим еще больше злил директора, который его выгнал и приказал высечь.

Директор умер на вечере у одного чиновника от апоплексического удара. Мертвый, он был черен и страшен, в чем еще раз отразилось безобразие этого типа.

Повесть в значительной степени построена на автобиографическом материале. Под именем Болотинска выведен, по-видимому, город Красноуфимск, где Погорелов сам начинал учиться в реальном училище. В образе Алеши много черт самого писателя в его юности (даже имена героя и автора совпадают).

Педагогические взгляды Погорелова, как они намечены в разобранных отрывках, прогрессивны.

В биографии А. С. Погорелова И. С. Сигов писал: «Мечтой Алексея Сергеевича было написать роман из жизни Урала начала и середины XIX века. С этой целью он заготавливал бытовые и исторические материалы и записывал рассказы старожилов об уральской старине. Однако осуществить эту мечту своей жизни А. С. не успел»*.

«Бытовые и исторические» материалы к роману находятся в записных книжках писателя. В черновых отрывках намечено несколько линий этого повествования о временах крепостничества. Одна линия связана с образом караванного смотрителя Михаила Алексеевича, алкоголика, мучительно и безуспешно борющегося с тягой к вину. Намечены характеры членов его многочисленной недружной семьи: жены, постоянно получающей от него колотушки; жены брата — скандалистки, до полусмерти избивающей ребят; бабушки Татьяны — ворчливой, плаксивой старухи, потерявшей счет своим годам. «Умрем — разберут, кто сколь жил и кто сколь нагрешил», — говорит она. Бабушка Татьяна постоянно молится, читает псалтырь, умиляясь неудобопонятностью текста.

Погорелов имел в виду сделать подробное описание быта, обычаев семьи: как за столом собиралось двадцать человек, что они ели за обедом, как жарко топили печи, постоянно угорая, как ходили в баню по старшинству и т. д. Этнографический материал должен был занять немалое место в романе.

Вторая линия сюжета связана с судьбой молодых людей — Павла и Кати, между которыми должна произойти какая-то драма.

К одному из отрывков произведения Погорелов приписал: «Сцена из исторической повести, задуманной когда-то давно»**. Это — набросок пейзажа за окном Михаила Алексеевича: «Прямо перед окнами возвышались гигантские угольные кучи, за ними чернела деревянная кричная фабрика, где день и ночь стучал железный молот, дальше расстился широкий пруд»***. Пейзаж указывает на то, что действие должно было происходить в характерном для горного Урала фабричном поселке. Тут же показывается встреча приказчика с фабричным мастеровым, ко-

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 214, л. 57.

** Там же, ед. хр. № 49, л. 4.

*** Там же.

торый ожидал немедленной расправы; хотя ни в чем не был виноват, а просто за то, что попался приказчику на глаза. Так возникала в повести тема тяжелого положения крепостных рабочих.

К законченным неопубликованным произведениям относится маленький очерк «Сумасшедший начальник», рассказывающий о бессмысленности представителей власти, поставленных над народом, о тех абсурдах, какими была полна тогдашняя действительность. Факт взят из жизни: в уезд назначили сумасшедшего неперменного члена крестьянского присутствия. По прибытии на место службы он разослал всем девятнадцати волостным правлениям распоряжение — немедленно явиться всем старшинам и волостным писарям в город со всеми делами. Что разуместь под «всеми делами» — над этим размышляли долго: если захватить с собою и архив, то пришлось бы снарядить целые караваны. Решили захватить только книги и текущие дела, но и для этого каждому пришлось взять с собою по два человека. Таким образом, во дворе присутствия в один прекрасный день собралось около восьмидесяти человек. «С двенадцати часов началась комедия. М-ов сидел в зале за громадным столом, на котором громоздились груды дел, книг и бумаг. Он перелистывал книги, что-то писал на бумаге, иногда прикидывал на счетах. Когда один из наиболее сметливых писарей заглянул в этот таинственный листок, то заметил, что лист весь был исписан одним словом: «Мерзавцы» *.

До пяти часов вечера морил начальник людей, наконец позвал всех и сказал: «Ступайте, старички, с богом» **.

Вскоре тихое помешательство неперменного члена перешло в буйное, он был помещен в психиатрическую больницу, где и умер.

Когда-то в ответ на обвинения в преувеличении, в гротескности, фантастике Щедрин писал, что жизнь со всех сторон предлагает такие карикатуры, перед которыми бледнеет всякий, даже самый смелый вымысел. В маленьком очерке Погорелова перед нами одна из таких невымышленных карикатур былой действительности.

Во многих произведениях Погорелова, опубликованных и неопубликованных, проводится антирелигиозная и анти-

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 116, л. 51.

** Там же.

клерикальная тема. Так, о том, как крестьяне относятся к попам, говорится в рукописи под заглавием «Рассказ священника». Это вполне обработанный очерк, в котором, как и в эпизоде поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», рассказ ведет сам поп, недовольный отношением к нему народа: «Попов осуждают за любостяжание. Поп жаден, поп и то и се», — говорит он и старается доказать, что доходы попам стали доставаться трудно, ценою всяческих унижений: «Возьмите вы, например, наши сборы. Господи, господа! Пойдешь ты ругу собирать или, скажем, петровское, сколько сраму наберешься... А мужичонки эти нарочно стараются попу унизить, осмеять. Дадут, как нищему, на грош, а осмеют на целковый. Придешь это, скажем, за ругой, никто тебя не встречает. В избу войдешь, помолишься. «Здорово, хозяева». — «Здорово, батюшка: Садися. Али собирать поехал?» — «Поехал», говорю. — «Раненько ты ныне что-то». — «Что за раненько, всегда об это время ездим». — «А ровно раненько по-нашему. Да ты садися». — «Некогда сидеть. Наделяйте: сами знаете — время дорого». — «Ой, уж у вас, у попов, какое время. Садись. Чайку попьешь». — «Нет, нет, какой чай. Наделяйте поскорее». — «Ну, уж ты всё: наделяй, наделяй, всё вас, попов, наделяй. Больно вам, батюшка, житье хорошее. Нам бы хоть недельку пожить этак-то, право» *. И смысл реплик крестьянина и даже замедленный темп речи с постоянными повторениями одного и того же красноречиво выражают неприязненное, насмешливое отношение к попу.

Далее поп рассказывает, как медлительно действовал крестьянин, ища ключи от амбара, как «проклажался» в амбаре, лишь бы протянуть время. Затем мужик возвратился с ироническим замечанием: «Батюшка, гли-ко, я сколь тебе отвалил». — «Ну уж и отвалил, насыпай еще, что шибко скупись». — «На вот! Скупись! Еще мало! Да ведь тут без малого полпуда будет» **. По настоящему требованию попа прибавит еще пригоршню и скажет: «Проваливай!»

Очень верна по содержанию и по языковой передаче сцена между попом и крестьянкой, когда он осенью отправляется собирать шерсть, лен, семя и, следовательно,

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 145, лл. 64—65.

** Там же, л. 65.

ему приходится «дело с бабами иметь». Приводим сцену целиком:

«Что, батюшка, аль лен собираешь? А льну-то у меня ноне почитай вовсе нету, и про себя, знать-то, не хватит». — «Ну, разговаривай. Поди, больше всех сеяла». Ну, толкуешь, толкуешь, и вынесет, наконец, тебе «десяток» — значит, десять горстей, и непременно, подлая, две три горсти выдернет. Возьмешь, начнешь считать. «Али не все горсти-те?» — «Да только семь», — говорю. «Ой, чтой-то, господи! Восед, видно, нищим я подавала, так горсти две выдернула из десятка, а он к тебе угодил — оказия!» Да! значит, что попу, что нищему — все равно. Вот они как понимают!» *. Действительно, в словах и интонациях этой крестьянки много скрытой иронии.

Отталкивающий образ попа дорисовывается, когда разоблачается его преступление, которое он совершил по отношению к крестьянам, чем и заслужил их особую ненависть: он уничтожил их жалобу, поданную на него высшим духовным властям.

Среди неопубликованных произведений Погорелова имеется совершенно законченная «Повесть без заглавия», над которой писатель очень долго и тщательно работал, о чем свидетельствуют многочисленные варианты. Последний вариант находится в той части архива Погорелова, которая хранится у сына его М. А. Сигова. В описании этого фонда М. А. Сигов пишет о «Повести без заглавия»: «Рукопись написана рукой автора. 63 страницы формата листовой бумаги. Девять глав. Экземпляр, представленный в конце 1910 года в редакцию журнала «Русское Богатство». На первом листе надписи: «Автор желает знать мнение В. Г. Короленко», «записать в книгу рукописей» **. Повесть напечатана не была. М. А. Сигов сообщает, что В. Г. Короленко одобрил ее, сделав автору ряд замечаний. Погорелов взял рукопись из редакции, но переделки и доработки не выполнил, оставив ее без всякого использования. Сын писателя объясняет это тем, что Погорелов именно в эти годы начал чувствовать крайнюю усталость, упадок сил, связанные с болезнью.

В «Повести без заглавия» два ведущих образа: Ипполит Петрович Перекатов и Иван Никифорович Мотыгин.

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 145, л. 65.

** «Творческие рукописи А. Погорелова (А. С. Сигова). Из собрания, хранящегося у сына писателя М. А. Сигова», л. 2.

Образ Перекатова, административно высланного студента, представляет попытку показать в литературе социал-демократа, усвоившего марксистскую теорию, но попытку неудачную. Перекатову присуща марксистская терминология, он повторяет ряд формул марксизма, но ни по убеждениям, ни по поступкам он не может быть признан деятелем нового типа. Сумма марксистских идей существует в повести сама по себе, а Перекатов, как человек, излагающий эти идеи, и как характер, — сам по себе. Цельного типического образа не вышло. Но симптоматично уже и то, что Погорелов почувствовал творческую необходимость по-своему сказать о правде некоторых усвоенных им марксистских положений. В этом отношении интересен следующий эпизод. Однажды Перекатов стал развивать перед Капраловым, сапожником, у которого он стоял на квартире, «социал-демократическое учение в его первоначальном виде, как оно вылилось в «Манифесте» Маркса и Энгельса. Капралов слушал, затаив дыхание, глаза его заблестали, он весь загорелся. Жадное любопытство, очевидное волнение, с которым он внимал его словам, передалось и Перекатову, и он заговорил с жаром, с воодушевлением. Капралов был поражен развернувшейся перед ним перспективой, ошеломлен, восхищен до последней степени.

— Вот-вот, это самое настоящее, ей-богу, — говорил он, весь потрясенный и возбужденный. — Эво как! В самую точку!.. Хо, хо! ловко! Справедливо, правильно, чудесно. Ох, друг ты мой, как справедливо!.. Дошли же, стало быть, до настоящего... Карр Макс, говоришь. Ну, голова был! После этаких его слов вся утроба моя перевернулась» *. Погорелов понимал великое обаяние для простого трудящегося человека идей Маркса, он передал это в несколько наивной, но горячей, эмоциональной речи сапожника.

В окончательном варианте повести наиболее разработанным, художественно сильным и рельефным является образ Мотыгина. Это — капиталист, хищник, алчный насильник, прикрывающий свои преступления, издевательства над людьми слащавыми иудушкиными речами. Этот обличительный образ занимает центральное место в пове-

* Рукопись «Повести без заглавия» из фонда А. Погорелова, хранящегося у М. А. Сигова.

сти, начиная с IV главы. Здесь разворачиваются картины дальнейшей жизни башкирского, черемисского населения, ограбляемого Мотыгиным. Этот «паук» купил у башкир за бесценок землю, стал брать с них громадную арендную плату, эксплуатировать труд, разорять путем ростовщичества.

Перекатов попадает в имение Мотыгина, нанявшего его для составления землемерного плана. Он видит, как обнищала деревня, в которой орудует Мотыгин: крестьяне ходят в лохмотьях, а голые ребятишки с огромными животами и тонкими ножками предстают перед ним как живое воплощение нищеты и голода.

Сущность Мотыгина ярко обнаруживается в эпизоде со стариком-башкиром, который пришел к нему как раз в присутствии Перекатова. Старик принес Мотыгину два рубля серебром — не в уплату когда-то взятого долга, а за «пожданье». Весь долг в десять рублей оставался за ним, да процентовросло пять рублей, а за пожданье старик выплатил Мотыгину уже двенадцать рублей, привез сена пять возов, дров четыре воза, вспахал три десятины, то есть давно и в многократном размере возвратил долг, а Мотыгин все числил за ним пятнадцать рублей и требовал отдачи, грозил судом. Крестьянин оцепенел от страха и горя. Перекатову внушало ужас «его честное, облагороженное горем и преображенное недугом лицо, его лохмотья, едва прикрывавшие худое истощенное тело, его слепые глаза, смотрящие в незримую даль». Старик рассказал ему о своей неизбывной нужде: жена побирается, дочь «робит», скотина вся подохла. Перекатов дал ему три рубля, но башкир отказывался: «Грех... не робил ничаво, а деньги ты давал. Грех, грех»*.

Мотыгин лицемер. Беспощадно грабя башкир, он толкует им о своей дружбе и делает это с такой наглостью, что совершенно обезоруживает свои жертвы.

Лицемерие и хищничество кровососа Погорелов показывает также через его взаимоотношения с Кузьмой Кузьмичем Шуровым. У Шурова Мотыгин купил за восемь тысяч мельницу, но денег ему не отдал, а поселил его при мельнице и стал выдавать деньги мелкими дозами, якобы заботясь об их целостности, о том, чтобы Шуров их не пропил.

* Рукопись «Повести без заглавия» из фонда А. Погорелова, хранящегося у М. А. Сигова.

Шуров попал в унижительное, совершенно подчиненное положение, Мотыгин своим собственным долгом сумел совершенно закабалить кредитора. После самых униженных просьб Шурова он выдавал ему по несколько фунтов крупы, соли, сахару, попрекал каждым куском. Шуров голодал, внутренне протестовал, но всякий раз пасовал перед Мотыгиным, который расточал перед ним «нежные» и сладкие слова о дружбе, о заботе. И Кузьма Кузьмич, морально совершенно раздавленный, целовал руки и благодарил своего «благодетеля».

В повести изображен брат Мотыгина — Василий, дополняющий его образ. Все, что у Ивана Мотыгина прикрито маской внешней благопристойности, елейности, у Василия проявляется грубо, открыто, без всяких масок.

Погорелов коснулся в повести и темы переселенчества, волновавшей многих писателей того времени, он присоединял свой голос к голосу Короленко, Глеба Успенского, создавших жгучие страницы о положении обманутых крестьян-переселенцев.

К коляске, в которой ехал Перекатов, подбежал изможденный мужик: «Батюшки, родимые, отцы благодетели... Помилосердуйте... ребятишкам на хлеб... с голоду помирают, ревут (из телеги действительно слышался детский плач)... трое... матери нету...

— Откуда ты? — спросил Перекатов, которого поразили глаза мужика, полные ужаса, бегающие по сторонам, с безумным выражением.

— Из Сибири... Ездили на привольные места... обратно идем. Обман один, все обман... Хозяйка скончалась дорогой... ребятишки остались, ревут... Помилосердуйте, милосердные...

— Куда же ты теперь?

— В Московскую губернию, домой» *.

Получив от Перекатова деньги, мужик повалился на землю.

Конец повести посвящен в основном Перекатову. Ему отвратителен Мотыгин, все проделки которого он видел, но он избирает весьма двусмысленный способ расчета с ним. Выполнив заказ Мотыгина по обмеру земель, Перекатов в последнюю минуту потребовал с него не двадцать пять рублей, обусловленных по их договору, а сто. Взял

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 65, л. 62.

он эти сто рублей, волнуясь и бледнея. Мотыгин же издевательски смеялся над ним: «Далеко пойдете, молодой человек». Перекатов после этого почувствовал себя очень плохо, хотелось криком заглушить возникшую в груди боль. Он искал объяснение своему поступку. «Борьба за существование — закон, никакой сентиментальности», — думал он, утешаясь тем, что сделал неприятное негодяю: «Не обижай мужиков, не грабь черемис, это ему наука»... Но он сам чувствовал несостоятельность этих доводов. О своем поступке он рассказал Капралову. Тот выслушал и не обрушился на него упреками, а поднял свой тихий взгляд, полный жалости: «Неловко вам теперь будет, Ипполит Петрович... Сравнял себя с Мотыгиным... напрасно вы это» *. И Перекатов позавидовал этому человеку, его душевной чистоте.

В черновой рукописи повести, хранящейся в Центральном государственном архиве литературы и искусства под заглавием «Ипполит Петрович Перекатов», линия Перекатова развита значительно сильнее и с ним связано большее количество эпизодов. Более развернуто даны его политические разговоры с сапожником (носящим в этой рукописи фамилию Китаев). Так, когда Китаев рассказал своему постояльцу случай бессовестного, жульнического обогащения одного обывателя, Перекатов ему ответил: «И чего вы кипятитесь — не понимаю. Дело в высочайшей степени обыкновенное. Ведь и всюду было так. Эпоха первоначального капиталистического накопления всегда отличалась варварством и жестокостью, а мы именно переживаем такую эпоху, и всегда герои приобретения были таковы, да и не могли быть иными. Причина этого не в людях, не в их индивидуальной нравственности, а в экономических отношениях» **.

Перекатов упрощенно понимает противоречия классовой идеологии. Для него Китаев — собственник, не пролетарий, следовательно — хозяин, и поэтому рассуждения его буржуазны. Сапожника очень обидело, что его сравнивают к купцам, к барам. Перекатов на это ему отвечает: «Настоящий рабочий должен быть свободен от орудий труда, от средств производства. Вы собствен-

* Рукопись «Повести без заглавия» из фонда А. Погорелова, хранящегося у М. А. Сигова.

** ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 65, л. 3.

ник» *. Но есть ли людская, общая правда? — спрашивает Китаев, и Перекатов говорит ему: «Божественная и заоблачная правда имеет все признаки самого земного и притом мещански-буржуазного происхождения и служит для оправдания существующих отношений» **.

Политические разговоры Перекатов ведет в этом раннем варианте и с генеральшей Рыкаловой, у которой выполняет заказ. Генеральша бравирует своей «терпимостью». Она рассуждает о социализме, считая его недосягаемой мечтой, безумием. Перекатов говорит, что «социализм — идея по преимуществу пролетарская».

«— А декабристы? Разве они были пролетариями? А ведь они социалисты.

— Ну, какие же социалисты! Тогда и социализма еще не было, то есть был буржуазный, утопический» ***.

Перекатов характеризует народничество как «старую и уже отжившую идею», «идею дворянскую, утратившую всякое значение, разбитую на всех пунктах, растерявшую все свои теоретические основы» ****. Все эти оценки даются Перекатовым как человеком, знакомым с марксистской теорией.

Наконец, в этом варианте есть еще один образ, исключенный из окончательной редакции. Перекатов встречается в деревне с девушкой-народницей Аннушкой. Впрочем, ничего специфически народнического в ее взглядах нет. Она всей душой болеет за народ: «Здесь мужики самые несчастные, обижены, обделены, земли у них мало, главное же — совсем нет покосов», — говорит она *****. Она ненавидит генеральшу Рыкалову, которая ведет тяжбу с мужиками из-за земли. «Как она может быть права, — возмущается Аннушка, — у мужиков права вообще на всю землю, которую они превратили из тайги и болот в пашню, поля, луга, полили собственным потом и кровью» *****. Речи Перекатова о марксизме Аннушка слушала затаив дыхание и на третий день считала себя «убежденной социал-демократкой». Она говорит Перека-тову: «Я очень люблю мужиков и сочувствую им, потому

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 65, л. 4.

** Там же, л. 6.

*** Там же, л. 38.

**** Там же, л. 35.

***** Там же, л. 29.

***** Там же, л. 30.

что они такие несчастные, но теперь понимаю, что только один рабочий класс может все сделать» *. И она собирается ехать в город. Это будет ее своеобразный путь в революцию и, может быть, более сознательный, чем у чеховской Нади («Невеста»), потому что Аннушка гораздо крепче была связана с народом, чем Надя у Чехова.

Из этого места рукописи видно, что Погорелов подходил, именно благодаря знакомству с марксизмом, к пониманию исторической роли рабочего класса как руководителя масс в революции, как освободителя и крестьянства.

В окончательном варианте повести усилены темы народных бедствий и разоблачения хищничества буржуазии и приглушена линия Перекатова, но все же в недостаточной мере: так, ненужным привеском воспринимается сцена между Перекатовым и сожительницей Капралова, почувствовавшей к квартиранту влечение.

В целом же «Повесть без заглавия» — интересное, вполне законченное произведение. М. А. Сигов назвал его «лебединой песней писателя, так как после этого он ничего значительного не написал и не напечатал» **.

Особое место среди неопубликованных рукописей Погорелова занимает конспект книги французского публициста и эстетика М. Гийо (у Погорелова Гюйо) — «Искусство с точки зрения социологии» *** и комментарии Погорелова к ней.

В конспекте нашли место те положения эстетики французского публициста, которые привлекли сочувственное внимание Погорелова, а также и критическая оценка тех рассуждений и выводов Гюйо, с которыми наш писатель был несогласен и весьма убедительно здесь же полемизировал.

В конспекте Погорелов выделил следующие основные положения книги Гюйо. Гюйо считал, что в основе всякого искусства лежит идея социологическая. Эстетическая эмоция, наиболее возвышенная из эмоций, также носит

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 65, л. 49.

** «Творческие рукописи А. Погорелова (А. С. Сигова)», л. 3.

*** Конспект занимает двенадцать листов крупного формата (двухсторонняя запись). Погорелов пользовался изданием 1891 года под редакцией А. Н. Пыпина, с предисловием Альфреда Фулье, в переводе, сделанном по второму французскому изданию. Сочинение Гийо «Искусство с точки зрения социологии» выходило в России не однажды и привлекало внимание русской общественности.

социальный характер. Искусство увеличивает социальную солидарность людей, приучая их одинаково чувствовать. Это происходит таким образом: из бессвязной и нестройной массы индивидуальных ощущений и чувств искусство выделяет только те, которые могут отозваться у большинства людей. Поэтому надо, чтобы чувства, вызываемые искусством, отличались самой возвышенной природой и характером общественным. Влияние искусства должно распространяться на массу людей, а не запирается в тесный кружок посвященных или любителей. Великие произведения искусства вызывают восхищение целого народа и даже многих народов. Гюйо определяет художественный гений как необыкновенно интенсивную форму общительности и далее трактует о взаимоотношениях гения и среды: гений порождается реально существующим обществом; он идеально видоизменяет это общество, создавая идеал возможного; он помогает преобразованию нравов общества, вызывая сочувствие своим произведением и стремление к подражанию. История показывает примеры и просветительного и разлагающего влияния искусства (в зависимости от мировоззрения художника).

Далее Гюйо затрагивает вопрос о критике произведений искусства. Он требует, чтобы она была критикой произведений, а не самого писателя. Критик должен обладать развитым чувством общительности, проникать в душу произведения. По мнению Гюйо, суждение публики о произведении бывает вернее, чем критиков по профессии, у которых есть некоторая доля «необщительности». С этим положением Погорелов не соглашается. Он справедливо замечает: «Окажется, что критика бывает тем хуже, чем больше вложено в нее критической мысли, и суждения публики только потому вернее, что в них меньше критического отношения к произведениям искусства, а не потому, как бы казалось, что в массе людей больше и здравого смысла и критической мысли и вообще человеческого разумения» *.

Погорелов подчеркнул требование Гюйо, чтобы существо, изображенное в произведении искусства, было живым: «Жизнь хотя бы низшего существа всегда интересует нас уже потому, что она жизнь» **. Но жизнь в ес

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 100, л. 2.

** Там же.

непосредственной деятельности всегда индивидуальна, и мы можем симпатизировать только индивидуальному. Поэтому искусство должно придавать своим творениям отпечаток индивидуальности. И в то же время индивидуальность должна достигать высоты типа: индивидуальное, не выражающее ничего типического, не может иметь прочного успеха.

Искусство обращается прежде всего к социальным сторонам нашего существа, поэтому оно представляемых им лиц должно изображать с социальных сторон; герой литературного произведения интересен прежде всего в его соприкосновении, взаимоотношении с обществом. Гамлет, Фауст, Вертер — это типы социальные, представляющие человека известной эпохи в данном обществе.

Далее Погореловым выделяются соображения Гюйо о соотношении формы и содержания искусства; форма неотделима от содержания, в живом существе содержание определяет его форму. Формализм в искусстве, то есть преобладание формы над сущностью, делает его фальшивым и мертвым. Это уже даже не искусство для искусства, а искусство для формы. Созерцание чистой формы вещей кончается тем, что приходит к бесцельному зрелищу. Чистая игра форм не интересует человечество.

Жизнь — прочное основание всякой красоты, надо верить в жизнь, чтобы передать ее во всей силе. Нельзя останавливаться на поверхности вещей, видеть в них только эффекты, которые следует схватить и передать, нельзя смешивать природу с музеем (Гюйо упрекает Флобера и Гонкуров в том, что они природе предпочитали музей).

Погорелов подчеркивает утверждение Гюйо, что для XIX века характерно проникновение в литературу философских идей, насыщенность содержания. Великое искусство, говорит он, видит природу и жизнь не в иллюзиях, а в реальностях.

Далее следует весьма уязвимое место в книге Гюйо, подвергнувшееся резкой критике со стороны Погорелова. Гюйо противопоставляет эстетику «идеальную и реальную» и говорит, что ни реализм, ни идеализм, взятые в отдельности в искусстве, не заключают в себе правды, так как каждый из них выражает лишь одну из сторон человеческой жизни. «Слишком исключительный материализм» в искусстве служит признаком бессилия,

а «слишком неопределенный и условный идеализм» еще хуже бессилия. Гюйо сравнивает Золя, «который землю объявлял первой силой», и Мюссе, который «поднимал глаза к небу». Это две крайности в искусстве, которые должны сойтись: «Кто глубже роет землю, тот лучше видит над головой небо».

Погорелов подмечает здесь крайнюю неопределенность терминологии и самих понятий — реализм, идеализм. Но признает, что далее мысль Гюйо снова пробивается на более правильную дорогу, когда тот выступает против простого описательства, против «калейдоскопа красок» в произведении искусства. Если реализм говорит, что все заслуживает быть услышанным, то надо уметь слушать, уметь видеть. Но *как* видеть — это зависит от точки зрения писателя. «Великое искусство состоит в том, чтобы схватить и передать *дух вещей*, то есть то, что связывает индивида с целым и каждую частицу минуты со всем временем; оно заключается не столько в кропотливом воспроизведении путаницы образов, мелькающих перед нашими глазами, сколько в создании перспективы. Быть художником — значит видеть в перспективе»*. Этот абзац Погорелов выписывает целиком, выделяя мысль Гюйо в качестве одной из наиболее плодотворных.

В конспекте приводится ряд высказываний французского публициста о психологии образа, о функциях описания природы, о связях пейзажа и психологии героя.

Большое место в своем трактате Гюйо уделил проблеме романа, причем постановка именно этого вопроса вызвала наиболее развернутые возражения Погорелова. Гюйо высказывает мысль, что роман «более истинен, чем сама история». Погорелов считает это утверждение большим преувеличением, развивает свои собственные взгляды на роман, на современный ему натуралистический роман на Западе и особенно на теорию французских натуралистов. Критика Погореловым теории экспериментального романа наиболее интересна в этой части конспекта.

Погорелов пишет: «Роман всегда остается романом, каково бы ни было его общественное значение, т. е. вымыслом художника, в котором отражается его мирозерцание. Нельзя отрицать, конечно, — в романе излагаются и взгляды автора на историю и социологию, а так-

* ЦГАЛИ, ф. 448, ед. хр. № 100, л. 6.

же те или иные усвоенные им теории, но все же он не история и не социология, я думаю даже, что он ничего общего с наукой иметь не может. У всякого своя область и свой круг наблюдений и изучения. Претензии натуралистов, вроде Золя, создать научный, или экспериментальный роман и присвоить романистам якобы научные приемы или некоторое подобие их только смешны и обнаруживают невежество натуралистов в научном отношении. Точно так же намерение Золя выяснить и проследить влияние законов наследственности в целом ряде поколений «Ругон-Маккаров» осталось только жалкой претензией и невыгодно отразилось на его творчестве, и если его «Ругон-Маккары» представляют собою все-таки ценный вклад в литературу, то лишь благодаря огромному таланту Золя. Разумеется, и в романе могут быть изложены те или иные исторические и социологические взгляды, но уже созданные ранее, уже готовые, и в этом отношении роль романиста не самостоятельная, а служебная, не творческая, а популяризаторская. В этом отношении роман ничем по существу не отличается от популярных статей, популярных лекций и других способов распространения в массах тех или иных научных знаний. Во всяком случае, в романе нельзя разрабатывать самостоятельно научные темы, производить научные исследования, ставить и научно решать вопросы, в особенности в такой сложной и запутанной области, каковы история и социология. Наконец, талант ученого и талант романиста настолько различны по своим главнейшим свойствам, что, как мы знаем, величайший ученый может быть самым жалким художником и, наоборот, гениальный художник может быть совершенно неспособным к научному мышлению.

Но современные натуралисты рассуждают не так. Они определяют современный роман, как «науку, приложенную к литературе». Они говорят, что натуралистический роман имеет ту же цель, те же задачи и тот же метод, как и наука. Цель: истина, только одна голая истина; метод: научный эксперимент и наблюдение. В результате оказывается познание человека, познание, научное во всех отношениях. Итак, экспериментальный роман выдает себя за следствие научной эволюции нашего века; он разрабатывает психологию человека на основании химии, физики и физиологии; вместо изучения «отвлеченного человека», «человека метафизического» он изучает человека естест-

венного, «подлежащего действию физико-химических законов и влияниям социальной среды», одним словом, экспериментальный роман Золя является литературой нашего века, как литература классическая и романтическая была литературой века схоластики и богословия» *.

Далее Погорелов подробно характеризует экспериментальный метод Золя, его теорию человека, среды, наследственности и продолжает: «Золя думает, что это совершенно то же самое, что и научный эксперимент. Но всякий научно обставленный опыт в результате дает новый факт, еще не известный. В опытах же экспериментатора-романиста в результате не получается ничего ровно, потому что собственно и самого опыта не существует» **. По мнению Погорелова, Золя искусственно и невыгодно для себя ограничивает свой дар, объявляя себя только физиологом; на самом деле он психолог, он писатель.

Погорелов критикует тяготение натуралистов к безобразному, то, что они видят в человеке прежде всего животное начало, их пессимизм, фатализм, пристрастие к чудовищным исключениям, к изображению пороков.

Погорелов жил эстетическими интересами своего времени, он включался в борьбу за чистоту и дальнейшее развитие теории и художественной практики реализма, критикуя теории западноевропейских натуралистов. Он продолжал дело реалиста Гончарова, который в 70-е годы в статье «Лучше поздно, чем никогда» выступил со страстной защитой эстетических основ русского критического реализма и с критикой «неореалистов» в западноевропейской литературе (под этим термином он имел в виду натуралистов).

Важной задачей своего времени Погорелов считал борьбу против явлений литературного упадка, и в книге Гюйо он остановился на весьма непримиримо написанных страницах о декадансе, об этой «антисоциальной» поэзии разложения. Гюйо называет декадентов невропатами, даже преступниками, и призывает к их осуждению.

Не трудно выделить положительно воспринятые Погореловым стороны эстетической теории Гюйо. В его книге ему импонировали мысли о социальной, общественной роли искусства, о его содержательности (хотя у Гюйо

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 100, лл. 7—8.

** Там же, л. 8.

идет речь не только о философском и социальном, но и о религиозном содержании искусства, что было чуждо атеистическому мировоззрению Погорелова), импонировали выступления Гюйо против натурализма, против декаданса, мысли о соотношении типического и индивидуального, о связях искусства с жизнью.

Но в своем резюме Погорелов резче подчеркнул слабые стороны книги Гюйо. Он пишет: «В заключение не могу не сказать о том, какое впечатление произвела лично на меня книга Гюйо. Неопределенность основной идеи, недостаточно связанное ее развитие, расплывчатость, неопределенность и разбросанность изложения, обилие повторений и громких фраз, которые сплошь и рядом ничего не говорят уму, а только производят шумиху слов и гипнотизируют ваше сознание; обилие декламации там, где нужны доказательства, — вот главные недостатки книги Гюйо. В ней нет и тени той определенности и строгой логичности, какую вы найдете в любом произведении Спенсера или Милля, где предмет обсуждения строго ограничен, где ничего не говорится без доказательств и без необходимого определения терминологии предмета. Гюйо говорит обо всем: о религии, науке, метафизике, социологии, педагогике и эстетике, не обмолвясь ни одним словом, что он под этими названиями понимает. Прочитавши книгу, я, например, совсем не знаю, что понимает он под социологическими законами, которые будто бы с поразительной ясностью излагаются в романах Золя, что такое та наука религий, которая впоследствии должна, по его словам, подчиниться социологии, или что такое метафизика, которая, по его мнению, в соединении с поэзией должна заменить будущему человечеству религию и религиозный культ; я не знаю, наконец, что он понимает под историей, ибо он говорит, что современный роман выше истории, т. к. в нем устраняются все исторические случайности и личность помещается в такую среду, где она может свободнее развиваться. Я не знаю, что он понимает под идеализмом и реализмом в эстетике, потому что он определяет их только тем, что один стремится к небу, другой тяготеет к земле, и потому еще, что в конце концов он и Золя признает метафизиком и идеалистом.

Второй недостаток книги заключается в том, что она далеко не охватывает всей области искусства и касается собственно литературы, и даже не литературы вообще, а

только романа и поэзии. Гюйо ничего не говорит о драме, о живописи, скульптуре и музыке. Да и литературу он имеет в виду только французскую, из иностранных же авторов только вскользь упоминает Гёте, именно о его «Страданиях молодого Вертера». В сущности литература для него исчерпывается литературой Франции, которая и является единственным светом в окне. Несмотря на то, что его собственные представления об истинном реализме в искусстве расходятся с крайностями и уродствами французских реалистов и совершенно совпадают с более уравновешенным реализмом других стран, он все же реализм Золя ставит выше всякого другого реализма, напр., реализма Толстого. Больше того, он упрекает французских читателей, что они, отказываясь понимать классические страницы Золя, наслаждаются *беспорядочным и диким натурализмом Толстого и Достоевского*. Несмотря на то, что реализм возник гораздо ранее в других странах (в Англии, например, еще Шекспир был истинным реалистом) и не как бурная реакция против господствовавшей романтической школы, как во Франции, а постепенным, естественным путем, Гюйо все-таки думает, что реализм родился именно во Франции, а остальные страны только подражали ей» *.

Конспект чужого произведения — это, конечно, не то, что оригинальный труд писателя, в котором он развил бы свои взгляды на искусство. Но и те отрывочные и краткие замечания, которые сделал Погорелов по поводу книги Гюйо, заключают в себе ряд плодотворных мыслей его об искусстве.

Это, во-первых, мысль о том, что возникновение реализма следует приурочивать к определенному уровню развития человечества, к определенной эпохе, а именно эпохе Возрождения. О прозорливости Погорелова, проникновении его в природу реализма говорит то, что возникновение этого художественного метода он связывает с творческим новаторством Шекспира.

Во-вторых, это мысль о специфике литературы, отличии ее от науки; понимание специфики искусства позволило Погорелову теоретически обосновать опровержение натуралистической теории экспериментального романа. При

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 100, л. 11—12.

этом Погорелов понимал, что талант Золя, его художественная практика выше его натуралистической теории.

В-третьих, это требование строить эстетическую теорию на учете опыта различных отраслей искусства и на опыте мировой литературы.

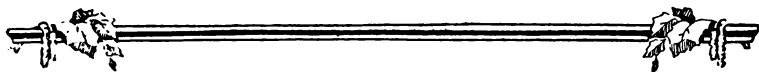
В-четвертых, это требование терминологической и смысловой определенности и точности в эстетической науке, строгие требования, предъявляемые им к стилю научных сочинений, в которых не должно быть бездоказательных положений, декламации и пустой «шумихи слов».

Наконец, это мысль о большом значении мировоззрения писателя для его творчества.

Конспект показывает, что к изучению эстетических теорий XIX века Погорелов подходил как ученик передовых русских теоретиков искусства, вооруженный эстетическими идеями Белинского, Чернышевского, Добролюбова.

Внимательное ознакомление с неопубликованными рукописями А. Погорелова приводит к выводу, что многие из них заслуживают опубликования целиком или в отрывках, так как содержат в себе ценный познавательный материал, обладают незаурядными художественными качествами, помогают более глубоко и всесторонне проникнуть в мировоззрение и творческую индивидуальность автора.

ПО СТРАНИЦАМ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

На протяжении всей своей жизни Погорелов вел записные книжки. Многие из них не уцелели, и тем не менее в фонде писателя в Центральном государственном архиве литературы и искусства их более двадцати.

Богат и разнообразен по содержанию заключенный в них художественный и публицистический материал. Это бытовые картины, диалоги, портретные и психологические характеристики людей, сцены с натуры, пейзажные зарисовки. То это описания в научном стиле, то рассуждения автора, то глубоко лиричные дневниковые записи. Записные книжки отражают интерес Погорелова к социальным отношениям в деревне, к положению народа, его быту, психологии, языку, творчеству. Снова перед нами встают картины нужды, бесправия трудящихся, произвола хозяев, вырисовываются контуры пореформенной деревни с ее классовым расслоением, разложением общины, острыми противоречиями.

И. С. Сигов пишет об этой работе Погорелова: «Молодой, любознательный, впечатлительный, жаждавший узнать подлинную правду о деревне, Алексей Сергеевич с точностью и беспристрастием историка заносил свои наблюдения в записные книжки, не смягчая и не затушевывая открывающуюся перед ним изнанку деревенской жизни»*.

О бесправии и низком уровне сознания крестьян

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 215, стр. 45—46.

говорят многие записи. Погорелов не идеализировал «мужика», не сусальничал в духе поздних народников, а вскрывал недостатки в крестьянской жизни, в крестьянском сознании. Он видел, что произвол сельской администрации находил благоприятную почву в том, что крестьяне не осознавали своих прав. Он писал: «В деревне прежде всего поражает полнейшее непонимание законности. Мужик совершенно не знает, что законно, что незаконно. Он знает, что есть законы, много законов, на основании которых он кругом виноват, и с ним, мужиком, можно сделать что угодно. Поэтому в поступках своих он руководствуется не правами, не законами, а совсем другими соображениями»*. Эти другие соображения — надежда на «милость» господ, «милость» начальства, от усмотрения которого зависит все.

В голове мужика царили хаос и путаница в правовых понятиях. Он не знал, кто чем ведает, и часто причислял к категории «начальства» врача, страхового агента, статистика и т. д., тем самым умножая число лиц, от которых он чувствовал свою зависимость.

Писатель понимал, что дело не в понятиях мужика самих по себе, что сами понятия порождены всеми условиями его жизни. «Мужик и действительно как будто не имеет никаких гражданских прав, — говорит Погорелов. — Он живет, трудится, двигается, владеет имуществом и т. п. как будто не по праву, а по снисхождению, по милости. Он как будто только терпим и живет главным образом не для себя, а для чего-то другого, мало ему понятного»**.

Вывод из долголетних и внимательных наблюдений Погорелова над жизнью крестьянства таков: «Среди деревенского мрака происходят сплошь и рядом невероятные, чудовищные вещи с точки зрения юридической и крайне надоедливые, бестолковые и изнурительные — с крестьянской»***. Множество красноречивых примеров, почерпнутых из самой действительности, подтверждают это горькое заключение Погорелова.

В одной из записей писатель рассказывает о «мирском пьянстве», то есть процедуре, которая приобрела

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 119, л. 11.

** Там же, л. 16.

*** Там же, л. 20.

роль определенной общественной санкции того или иного дела и породила такие выражения, как «вином запивали», «два ведра выпили по этому делу». Даже бедные вдовы, обращаясь к обществу, к миру, ставят водку, хотя для этого должны продать последнюю шубу.

Погорелов указывает на засилье в деревне «стариков», «справных» мужиков, то есть богатеев, главенствующих на селе, в эпизоде с крестьянином-бедняком Петрованом, которого «старики» заставляли ставить им водку в наказание за то, что у него не починен плетень.

У крестьянина не было денег, и водка была заменена поркой. «Приговор был приведен в исполнение тут же, среди улицы, без малейшего промедления. После десятого удара Петрован не выдержал и закричал от боли. «Потерпи, молодец, — утешали его «старики», — как быть... Оно тово... час терпеть, век жить... Перемоги себя». Когда отсчитан был последний удар, Петрован встал, трясущимися руками подтянул штаны, утер подолом рубахи мокрое лицо, поблагодарил мужиков «за науку», как того требовал обычай, и, жалко улыбаясь, поспешно пошел прочь. «Покупки-те забыл, чучело! — закричали ему. — Эх ты, Петрован, Петрован!» Он вернулся, чтобы подобрать покупки, и пошел точно не своими ногами, сам не зная куда и зачем. От жгучего, острого стыда ему хотелось провалиться сквозь землю. Ему мерещились тысячи глаз, смотревших на него отовсюду. Он свободно вздохнул только тогда, когда очутился за деревней, наедине со своим стыдом. Растерянная, застывшая улыбка сбежала с его лица. Он присел на меже у оврага и, не понимая, что с ним творится, жалобно, по-бабьи завыл»*. Самое страшное здесь для Погорелова то, что Петрован «благодарил за науку».

Погорелов дает характеристику сельской администрации — старост, лесничих и др. Он пишет, что «лесники» — это бич деревни. Это прямо разбойники. Вечно пьяные, нахальные, они всем ненавистны, и все их угощают, поят, дают им деньги, ухаживают за ними. Лесники пьют, поют непристойные песни, любезничают с бабами, издеваются над мужчинами, капризничают, привередничают — и все

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 215, л. 63—64.

совершенно безнаказанно» *. Погорелов указывает, что испортила этих людей служба, то положение, которое они занимали по отношению к крестьянам: новый лесной закон каждого мужика отдал в полную зависимость от лесной стражи. Пьяной ватагой ходят они из дома в дом, не считаясь с тем, что в деревне страда и мужикам не до гостей.

Такая характеристика лесничих подкрепляется яркой сценкой: изображается ватага пьяных лесников, в самый разгар сенокоса требующих, чтобы крестьянин их угостил. Он отказал им, но знал, что ему дорого обойдется эта «размолвка», что придется ее заглаживать — той же водкой.

Система взяток опутывала крестьян, словно паутиной. О ней говорит Погорелов в одной живой сценке, в которой дает следующий диалог:

«Сегодня я только что уселся на траве с рабочими отдохнуть, как подошел к нам мужик и, кивнув головой, сказал:

— Ишшо здорово живете!

— Здорово, Миколай Филиппыч! Ты не на суд ли поспешаешь?

— Стало быть, так.

— А денег захватил с собою?

— Взял на полведра.

— О! ладно, брат, ты...

— На какой суд? — спросил я.

— А на волостной.

— Деньги-то на что?

— А на угошшение.

— Кого же угощать?

— А свидетелев. И судей надо будет поштовать.

— Зачем же их угощать?

— А как же, чтобы подобнее были.

— Это судьи, а свидетелей зачем?

— Свидетелев-то? Свидетелев, брат, еще пуще угошшают.

— Зачем же?

— А затем, чтобы показывали что надо... Не угости-ка свидетелев-то, так они тебе покажут Кузькину мать — и не опамятуешься.

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 145, л. 143.

— Да неужели это правда?

— У нас завсегда так.

— Значит, вы поите свидетелей, чтобы они показывали неправду?

— Уж это, брат, ежели неправду, тогда и угощение особое надо. Тогда уж не жалей водочки. А то поишь, чтобы и правду-то показали. И правду у нас, друг, тоже даром не добудешь...» *.

В ряде записей Погорелов говорит о старостах. Он не отрицает того, что обязанности старост хлопотливы: в их ведении мирские, казенные дела, разбирательство всяческих дрязг. Своей властью они пользуются в ущерб крестьянской бедноте, являются исполнителями воли кулаков и заводчиков. Крестьянство их ненавидит. Пока они имеют власть и силу, их боятся; когда срок службы кончается, «общество, мир» мстит своему бывшему начальнику. Погорелов рассказывает характерный случай: одного бывшего старосту за его темные дела «мир» преследовал так, что он в отместку поджег все село и свой собственный дом, а сам пошел на каторгу.

Живой образ старосты, человека, искалеченного положением, ставшего уже в силу своей должности во враждебные отношения с народом, Погорелов создает в диалоге автора с башкиром Шарафетдиновым: «Старостом был, сборщиком был. Старостом был, ай-яй пировал.

— Пошто пировал?

— А по то, что поил.

— Кто поил?

— Все поил: добрый поил, худой поил.

— Пошто?

— Боялся — по то.

— А почему тебя боялись?

— Палкой бил, за то боялся. Меня беда боялся, за то водка поил.

— За что же ты их палкой бил?

— За то, штоб боялся, слушался. Драться стал — слушаться стал» **.

Наряду с покорностью крестьянства, запуганного на-

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 215, лл. 54—55.

** Цитируется по альманаху «Прикамье», 1941, № 3, И. Сигов, «Зарисовки с натуры А. Погорелова (извлечение из записных книжек)», стр. 187.

сильниками, Погорелов отмечает и рост его сознания, защиту своего достоинства, открытое выражение ненависти к властям и протест против узаконенного произвола. Это выражено, например, в споре крестьянина — волостного писаря с урядником. Урядник заявляет, что может всякому мужику «в морду дать».

— Врешь! — возразил писарь.

— Я и тебе могу в морду.

— Попробуй!

— Имею полное право: ты мужик...

— Не имеешь права. В каком законе сказано, чтобы мужика по морде бить?

— Уж сказано... Отлуплю — и больше ничего. У меня разговор один — бац!

— Дурак! Ты мне закон укажи.

— Мне пристав приказал — вот тебе и закон.

— Тебя, видно, самово-то еще не били? Нет, погоди, здесь народ заводский. Ты знаешь, до тебя урядник был, так что с им сделали? Знаешь?» * И писарь, назвав урядника «полицейской затычкой», заявляет, что не боится и самого пристава.

Погорелов отмечает такое порождение векового угнетения крестьянства, как его темноту, суеверия, религиозные предрассудки. Об этом свидетельствует, например, приведенный им разговор с крестьянкой:

«Моя квартирная хозяйка в Оханске, беременная женщина, ходила в деревню Зеленьта к Николаю чудотворцу.

— Икона, что ли?

— Пошто икона? Как есть человек, угодник. В шапке, в обуви. Волосы и борода седые, а раньше, говорят, черные были: поседел, значит. Трое обуви в год изнашивает. Меняют три раза: как износит, так и надевает другие.

— Что же, он ходит разве куда-нибудь?

— Кто его знает... Это неизвестно... Видно, ходит, что ли. Шапка на нем, как у архирея. В ризе он. И шапка-то уж изнасилась... Явился он к мужику одному. Для его часовню выстроили. Народу там тьма ходит. Молебны служат. Пятнадцать копеек с человека, а ежели шапку на ково надеть, так двадцать копеек.

— Это какую шапку?

* Цитируется по альманаху «Прикамье», 1941, № 3, стр. 188.

— А с ево снимут, с ево и наденут: от болезни помогает.

— Кто же молебны служит?

— А поп. За попом посылают. В селе поп-от живет, за пять верст»*.

Однако за внешними проявлениями религиозности, за соблюдением обрядов видит Погорелов и то, что русскому народу не присущи мистицизм, чувство пиэтизма, о чем писал еще Белинский в «Письме к Гоголю». Вот, например, живая картинка с натуры, говорящая и о религиозном одурманивании масс и об отсутствии в народе религиозного фанатизма:

«По тракту идут навстречу пестрые толпы народа. Много пьяных.

— Откуда народ идет? — спрашиваю ямщика.

— Из Сосновки, с праздника.

— С какого праздника?

— Родименская.

— Что это такое?

— Не знаю. Праздник, молебен служат, гуляют».

В селе Большая Сосновая автор узнал, что Родименская — это явленная чудотворная икона, о которой ему рассказали следующее:

«Признаться, так в подвале валялась, безо внимания. Да привиделась бабе в сонном видении: вижу, говорит, ровно в подполье икона. Ну, взяли ее из подполья-то, подновили — явленная оказалась» **.

Отдельные записи говорят о духовной красоте и силе трудового человека. Сильное впечатление оставляет рассказ о крестьянине Иване Новикове, человеке светлого ума и больших способностей, не нашедших, однако, применения. Иван Новиков был широко начитанным человеком. Однажды автор с ним разговорился. Речь зашла о цветах, и Новиков обнаружил свои замечательные познания в области ботаники, приводил множество латинских названий растений. Заговорили о сектах, и Новиков с таким же знанием вопроса охарактеризовал различные секты, упомянув, что о них он много читал в «Отечественных записках». Так же основательны оказались его знания об Америке и т. д. Новиков — один из многих русских само-

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 145.

** Там же, № 136, л. 78.

родков, дарования которого не могли вырваться из-под спуда.

Или вот рассказ семидесятилетнего крестьянина о смерти его сточетырехлетнего отца:

« — Что же он, в разуме был?

— До самого последу. Такой был могутный старик. Только с неделю и похворал, спасибо, — умер. Другие вот как-то без ума бывают, хворают долго, всем в тягость, а он, спасибо, таково хорошо похворал с недельку, да и помер, никого не потревожил.

— Все время в уме был?

— В уме. Еще в тот день, как умереть-то, говорит: «Где у нас ребята-те?» — «За грибами, говорю, ушли». — «А девки?» — «По малину, мол. Да ты, батюшка, говорю, не умирать ли надумал?» — «То-то, говорит, умирать. Проститься бы надо». Пришли девки, я и говорю: «Вот, девки пришли». — «А, говорит, малины-то принесли? Я бы малинки поел». Поел он это малинки, а к вечеру и скончался»*.

В этом правдивом и жизненном рассказике выражена толстовская мысль о том, как достойно, величественно-просто умирает русский трудовой человек, мудрый и сильный духом.

В записных книжках встречается еще множество портретных набросков, характеристик и хороших и дурных людей, и угнетенных и угнетателей. Это были во многих случаях заготовки «человеческого материала» для будущих произведений.

Хорошо знакомый с механизмом горнозаводского управленческого аппарата, с действиями и нравами чиновников, Погорелов делает по этому поводу интересные заметки. Например, он характеризует систему взяток в горном управлении. Он пишет, что чиновники получали взятки вроде жалованья. До семидесяти пакетов рассылалось к большим праздникам в Екатеринбург. Здесь все регламентировано. Например, при переплавке и пробе золота надо было давать тринадцать взяток. Автор продолжает: «Взятки берут все, начиная с главного начальника и кончая последним писцом. Все обложено и на все установлена такса. Это по всем правилам организованный налог. Тут нет вымогательства,

* Цитируется по альманаху «Прикамье», 1941, № 3, стр. 189

и оно не нужно: клиенты знают сами, в каких случаях, кому и сколько платить. Платят не только частные лица, но и учреждения... Львиную долю получает, конечно, главный начальник. Это царь Урала, он, как и настоящий царь, ничего не знает, ничего не делает и ни во что не вмешивается: он приемлет дань и воздаваемые по положению почести»*.

Взятки имели форму не только денежных подачек, иногда весьма крупных. Существовала «целая система раздачи креатур: посессионные лесничие, обязанность коих состоит только в том, чтобы ничего не видеть, не слышать и ничего не делать, получая жалованье от казны и двойное от заводов; заводские врачи, существующие для проформы, и другие должности, занимаемые по протекции горного начальства»**.

Приводится такой пример: врач назначается один на все заводы огромного округа; он получает шесть тысяч в год, а лечит за него фельдшер.

Вопросы заводской жизни были предметом пристального внимания Погорелова. Судьбы уральских горнозаводских рабочих и крестьян, сильно зависевших от заводов, были тесно переплетены, но имелась, конечно, и специфика заводских отношений и быта, что Погорелов хорошо понимал. Писатель изучал экономические отношения на предприятиях, технику, делал точные описания заводов — железоделательного Кизеловского, медеплавильного Бымовского, Кнауфских заводов и др. Он рисовал чертежи цехов, печей, машин, часто точно описывал технологический процесс. Завод, техника не существовали для Погорелова сами по себе, он неизменно обращался к вопросам социальных отношений в промышленности, наибольшее внимание уделял положению рабочих, их борьбе против эксплуатации. Так, в одной из записных книжек дается подробная история Кнауфских заводов и описывается попытка мастеровых избавиться от крепостного состояния.

Нельзя не остановиться на пейзажных зарисовках Погорелова, встречающихся почти в каждой записной книжке. Это пейзажи уральские, волжские, крымские.

В записной книжке голодного 1892 года встречается

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 136, лл. 82—84.

** Там же, л. 92.

выразительное описание пересохших полей в этот год неурожая: «Палящий полуденный зной висел над потрескавшимися от засухи полями. Серая пыль покрывала дорогу, и тощий придорожный кустарник, и темный лопух, и седую полынь, кое-где сохранившиеся по сторонам тракта. Старые отжившие березы с поникшими ветвями убегали в даль до конца черных пашен. Вправо, за синевшим на горизонте лесом, поднимались черные столбы: где-то горела деревня»*.

Алексей Сергеевич много путешествовал по родной стране — на пароходе по Волге, Каме, Дону, заезжал во многие города, объездил берег Черного моря. Он любовно всматривался в природу своей родины, под влиянием нахлынувшего чувства красоты брался за перо, чтобы записать свои впечатления. Он дал несколько набросков волжского пейзажа — реки, ее покойных берегов, Жигулевских гор, неба над Волгой со всеми его оттенками.

Описывая станицы, расположенные по берегам Дона, он так характеризует реку: «Тихий Дон, действительно, тих и гладок, как зеркало. Нахмурившееся небо отражается в нем. Кругом ровная, ровная степь»**.

Писатель был исключительно чуток к цветовым оттенкам в природе, что проявилось наиболее сильно в изображении пленившей его природы крымского побережья, Черного моря. По дороге из Евпатории в Севастополь в июньский день Погорелов записывает: «Всё кругом голубое, лучезарное — прямо волшебная сказка»***. В майский полдень еще богаче палитра моря и неба: «Небо бледно-лазоревого, переходящее к горизонту в опалово-молочный цвет. На море малахитово-зеленые и фиолетовые полосы. Солнце печет, но прохладный ветерок, насыщенный морской влагой, освежает. Если смотреть против солнца, море играет тысячами серебристых искр. Позади оно бирюзово-зеленое»****. А на другой день, к вечеру, море «серебристо-стальное, в сторону солнца почти белое, чуть-чуть желтоватое. Солнце, багрово-красное, садится в туман»*****.

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 76, л. 1.

** Там же, ед. хр. № 141, л. 1.

*** Там же, ед. хр. № 138, л. 50.

**** Там же, л. 54.

***** Там же, л. 53.

Эти картины написал человек, видевший уральские самоцветы, человек, со зрением художника-пейзажиста.

Не только в законченных художественных произведениях, но и в набросках, рассеянных по записным книжкам, пейзаж у Погорелова глубоко лиричен, пронизан настроениями автора. Часто красота природы вызывает в нем чувство грусти, иногда такое большое душевное напряжение, которое разрешается слезами; часто грусть побеждается возникающим чувством надежды на лучшую, светлую жизнь, которая должна восторжествовать на прекрасной родине.

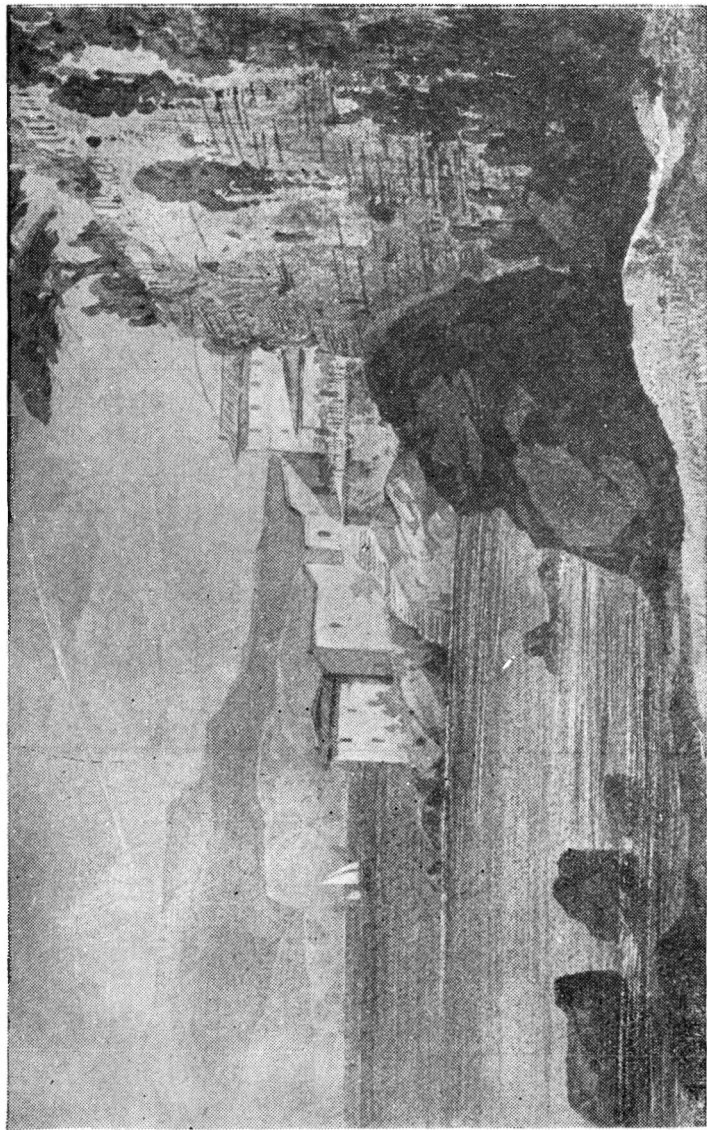
Полон лиризма отрывок «Осенняя буря», в котором рисуется сгущенно безрадостная картина осенней бури — дождь, ветер. Путник, лирический герой, почувствовал себя бодрее, когда попал с открытого поля в лес: «В лесу веселее... В лесу происходит борьба. Ветер борется с лесом. Лес шумит, колышется, но стоит твердо... Листья кружатся в воздухе, падают на землю и снова взлетают. Здесь меньше тоски, но больше силы. Лес не умирает, но только засыпает на зиму»*. Жизнеутверждающее настроение в человеке растет, наступает ночь — при описании ее возникает тема короленьковских «Огоньков»:

«Как ни печальна эта мрачная картина без красок, эта музыка без мелодии, однако бывают минуты, когда слушаешь ее с странным наслаждением и пытливо вглядываешься в черную темень с какой-то смутной надеждой найти в ней облегчение и отраду... Но вот вдали одиноко замигал огонек... Кажется, что он борется с окружающей тьмой: то потускнеет, то опять заблестит красноватым светом. Это деревня. На душе становится легче»**.

Наконец, записные книжки отразили интерес Погорелова к народному творчеству, в них имеются записи произведений фольклора, слышанных им непосредственно от самих исполнителей. Количество записанных произведений не очень велико, но они весьма разнообразны по жанрам: есть песни разбойничьи, семейные, любовные, духовные, частушки, прибаутки, солдатские антивоенные куплеты, сказки, присказки.

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 68, л. 6.

** Там же, л. 3.

Картина А. Погорелова: «Берег Черного моря».

К жанру песен беглых солдат близка песня, поэтичная по форме и социально-заостренная:

Ты взойди-ка, взойди, красно солнышко,
Над зарею взойди над высокою,
Над дубравушкой над зеленою.
Обогрей ты нас, добрых молодцев,
Добрых молодцев, сирот бедненьких,
Сирот бедненьких да солдат бегленьких,
Солдат беглых, беспаспортных *.

Другая превосходная песня, записанная Погореловым, относится к циклу разбойничьих, разинских песен:

Что пониже-то села Лыскова,
Что повыше-то села Юркина,
Выбегала тут лодка легкая,
Лодка легкая, воровская косна.
Всем эта лодка изуряжена,
Дорогим сукном изустилана,
Золотым гвоздем испробивана.
На носу стоял атаман с багром,
На корме-то стоял асаул с ружьем.
Среди лодочки лежит золотая казна.
На казне сидит красна девица,
Асаула родна сестрица,
Атаманова полюбовница.
Всем гребцам будет она тетушка,
Она немного спала, воск водела.
Асаулу быть повешену,
Атаману быть зарезану,
Еще всем гребцам по тюрьмам сидеть,
Мне же красной девице
Жить на волюшке **.

Можно предположить, что эти две песни записаны в районе Чусовского завода, потому что рядом находится описание села, завода, станции. Год обеих записей 1900.

В этом же году и, видимо, на реке Чусовой (ниже Шайтанского завода) по которой писатель в апреле

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 133, л. 7.

** Там же.

совершил путешествие на весельной лодке, записана семейная песня:

Круг я печки хожу,
Круг муравленные,
Я на печку гляжу
На муравленную.
Открывайся заслон,
Добывайся пирог.
Наедайся душа,
Душа зятюшкина.
Я наелся, как бык,
Сам не знаю, как быть.
Круг я бочки хожу,
Круг дубовенькия,
Отмыкайся гвоздок,
Наливайся медок,
Напивайся душа,
Душа зятюшкина.
Я напился, как бык,
Сам не знаю, как быть.
Круг кровати хожу,
Круг тесовенькие,
На молодку гляжу,
На молоденькую...*

Запись песни не закончена, обрывается.

Некоторые записанные Погореловым песни представляют собой довольно распространенную смесь народной любовной песни и мещанского городского романса. Такое смешение закономерно происходило, особенно в конце века, как проявление влияния города на деревню. К этому типу относится песня, из которой приведем отрывки:

Мамашенька бранится:
«Почто доченька грустна?»
Сама того не знала,
Что дочка влюблена.
Люблю дружка смертельно,
Люблю я всей душой... и т. д.
Никто так не страдает,
Как милый обо мне,

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 133, лл. 5—6.

Никто так не сражался,
Как милый на войне.
Лежит убит мой милый
Под кустиком зарыт,
Его сертук, фуражечка
На кустике висит*.

Или вот отрывок второй песни, характерной для указанного жанра по ее оборотам, способу повествования:

Лет семнадцати мальчишко,
Неженатый, холостой,
Он придумыват жениться,
Он не знат, кого спросить.
Он не знат, кого спроситься,
Кроме тятки своего:
«Позволь, тятенька, жениться,
Позволь взять, кого люблю».
Отец сыну не поверил,
Что на свете есть любовь:
Есть на свете люди добры,
Велят всех вопше любить**.

И дальше, в духе ходовых мотивов: сын пошел, заплакал, пришел к милой, снял «со правой руки кольцо», затем взял «саблю-лиходейку» и снес «буйную головку со своих могучих плеч» и т. д.

Записанные Погореловым частушки все относятся к бытовому, любовному, например:

Создай, боже, кавалера
По моим мыслям,
Чтобы белого не пил,
Папиросок не курил***.

В Соликамске 10 июня 1900 года Погорелов записал от слепых зырян духовную песню с традиционными мотивами плача нищей братии, «юбогих калич». Господь-бог обещает им дать с небеси золотую гору, медовую речку:

Будете сытые да питанные,
Одетые, оболоченные,
Да и от темных ноченьки сохраненные..

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 132, л. 1.

** Там же, ед. хр. № 129, лл. 48—49.

*** Там же, ед. хр. № 109, л. 31.

Далее на первый план выступает тема греховности людской. Суровыми изображены в песне Михаил-архангел и богородица. Они посылают нищих и беспомощных «ко киянским горам», где стоит чаша со «смолонькой кипучею». Здесь мотив аскетизма, наказания за грехи обездоленных сменяется мотивом социальным. Кому выпивать. «смолоньку»?

Пейте-ка вы, сводники, беззаконники,
Душегубы, кровопролитники...

К сожалению, в этом месте в записной книжке вырван лист, поэтому нет полного перечня тех, кому народ желает жестокой кары.

Богородица недовольна тем, что нищие подняли «много писку, много вереску», и велит:

Вы свалите-ка грешны душеньки
В огненну реку,
Потом матушкой сырой землей засыпьте,
Дерном задерните,
Прекратите писку, визгу и вереску» *.

С духовными песнями перекликается прозаическая легенда об Антихристе, обработанная Погореловым (стиль ее совершенно литературный). Погорелов подчеркивает в произведениях такого рода не столько влияние церковной идеологии на народное сознание, сколько выражение настроений, вызванных вековым рабством и угнетением. Так, легенду об Антихристе он называет «творением народного духа, погибающего в сетях антихристовой лжи...» **.

В 1904 году, во время русско-японской войны, Погорелов вносит в записную книжку солдатские куплеты, взятые из печатного источника, лубка, имевшего агитационное назначение.

Эй, микадо, будет худо,
Перебьем твою посуду,
Разнесем до тла!
Тебе с нами драться трудно,
Что ни день, то гибнет судно, —
Славные дела!..

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 133, лл. 23—24.

* Там же, ед. хр. № 48, л. 2.

Ты расстанься-ка с мечтами,
Шутить с нашими портами,
Будешь сам без них!
Лезешь сдуру к Порт-Артуру,
Потрепали твою шкуру
Мы в единый миг.
Будь умнее: поскорее
Вылезай-ка из Кореи...
Береги свой флот.
Поучись, как ходят раки,
Утекай-ка в Нагасаки
Задом наперед...
На Россию рваться брось-ка,
Ведь, выходит, словно Моська
Лает на слона!
Друг ты искренний Нью-Йорка,
А от нас, брат, будет порка,
С плетью *

Интересен отрывок «Сказки о мудром солдате», где царь задает вопросы солдату, а тот находчиво, мудро на них отвечает. Царь повторяет те же вопросы высшим сановникам, но ни один из них не может на них ничего ответить.

Любопытна такая присказка: «Пятница-девятница, помилуй меня, грешную! Ты ведь, Восподи, не знаешь, отколя я. Я из Микулина села, из Шишкиной деревни, Хорькова сноха, Большая Овдокия, суды замуж отдана. Ваньку-ту да Параньку помилуй, а моева-та старова церта хошь милуй, хошь нет»**.

При обзоре фольклорного материала, собранного Погореловым, бросается в глаза отсутствие произведений рабочего фольклора, хотя многое было им записано именно в заводских районах губернии.

Известно, что рабочий фольклор в то время развивался на Урале. Например, его изучал, собирал, теоретически осмыслял уральский писатель Белорецкий (Г. П. Ларионов), опубликовавший в начале века статьи «Заводская частушка», «Несколько слов о заводской частушке» и очерк «Заводская песня». Эти статьи

* Последнее слово неразборчиво. ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 135, л. 18.

** ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 139, л. 7.

Белорецкого обладают высокими научными достоинствами, в них рассматриваются различные стороны заводского быта и объясняется возникновение и развитие заводской поэзии. Белорецкий утверждает, что пятьсот частушек, собранных им на Южном Урале в 1901—1902 годах, — лишь капля в море сравнительно со всем числом обращающихся в народе частушек; таков был размах рабочей поэзии.

Материалы Белорецкого высоко оценила большевистская «Правда» в статье «Рабочая поэзия», помещенной в 1914 году. «Правда» писала о Белорецком как о собирателе произведений коллективного творчества рабочих, приводила частушки, записанные писателем, и указывала, что в них отразились «жгучие противоречия капиталистического строя, жестокие несправедливости хозяйского и начальнического произвола, все тяготы рабочего бытия»*, а также и резкий протест против капиталистической эксплуатации и призыв к революционной борьбе.

Фабричный фольклор остался за пределами внимания Погорелова, видимо, потому, что по роду своей работы он больше сталкивался с крестьянской массой и наиболее патриархальной частью мастеровых, мало отличавшихся по быту и сознанию от крестьян, связанных с заводами.

Для Погорелова произведения народного творчества были выражением настроений, чаяний народа, проявлением его одаренности.

Наблюдение над народным творчеством было для него важной частью общей задачи — задачи внимательного изучения народной жизни в непосредственном общении с народом.

Записи фольклорных произведений, сделанные Погореловым, свидетельствуют о большой культуре, можно сказать, профессиональном умении его в этом деле. Он очень бережно относился к живому народному поэтическому слову, чутко улавливал его особенности и точно их фиксировал.

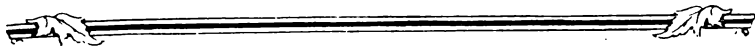
Не все равноценно в собранном писателем материале, но в общем можно отметить большую идейную

* Цитируется по сборнику «Рассказы и повести дореволюционных писателей Урала», т. II, Свердловское книжное издательство, 1956, стр. 411.

доброкачественность записанных произведений и характерность каждого образца того или иного жанра.

Изложенное лишь в самом кратком виде суммирует содержание записных книжек Погорелова. Записные книжки писателя вводят в его творческую лабораторию, позволяют заключить, по каким основным направлениям производилось им изучение жизни, что привлекало его внимание и как он оценивал наблюдаемые им явления. Они проливают свет на внутренний мир писателя, помогают лучше узнать и понять его личность. Они, в частности, обнаруживают в нем большой природный дар наблюдательности, который Погорелов активно развивал всю жизнь. Записные книжки имеют и самостоятельное познавательное значение, отражая разные стороны жизни Урала, его населения. Выборочная публикация материалов из записных книжек была бы безусловно целесообразна.

КОНЕЦ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

После поражения революции 1905—1907 годов Погорелов остался верен своим демократическим, просветительским идеалам и не терял надежды, что борьба за свободу возобновится с новой силой. В письме к Розанову он предлагает своему другу бросить акцизные дела, переехать в Петербург и приняться за дело книгоиздательства, «за большое, полезное и близкое сердцу дело проведения в народную массу идеи свободы и политического обновления» *.

Погорелов непримиримо относился к идеологической реакции, выразившейся, в частности, в распространении декадентской литературы. В этом отношении он был с теми прогрессивными писателями, которые во главе с М. Горьким выступали против всех проявлений буржуазного распада в искусстве. В 1910 году он пишет о «свистопляске всяких свинств, вроде порнографии, литературного хулиганства, декадентщины и всякого разнузданного ломанья» **. Большой любитель и знаток музыки, он резко осуждает «жалкое оригинальничанье и кривлянье без тени вдохновения» в формалистическом декадентском направлении ***.

Первую мировую войну Погорелов резко осудил, он был совершенно чужд шовинистического угара. В письме к Розановым он, сообщая о тяжелом ранении, кото-

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 179. Письмо от 1 января 1907 г.

** Архив литературного музея Мамина-Сибиряка в г. Свердловске, фонд А. Погорелова. Письмо к брату Павлу Сигову от 4 марта 1910 г.

*** Там же. Письмо Погорелова к сыну от 20 октября 1911 г.

рое получил сын Константин, называет войну бойней. Он писал сыну на фронт: «Дай бог, чтобы скорей кончилась эта война. Последствия ее неисчислимы» *.

В Петербурге Погорелов был свидетелем Февральской революции 1917 года. Свои впечатления он детально, «протоколно» изложил в записке, зафиксировав все, что он видел в эти дни: изменившийся облик улицы, войска, солдат, — привел свои разговоры о происходящих событиях. Существенным в записке является место, где Погорелов прямо выражает свое отношение к падению царской власти: «После обеда забежал В. Н. Филипповский и спешно, не раздеваясь, сообщил, что Дума объявила себя Временным правительством, что войска стали на защиту Думы. Я обнял и расцеловал его за это известие» **. Ниже рассказывается о том, что четвертый сын Погорелова, Ваня, «во всем принимал участие» и, придя домой, подтвердил, что «старого правительства уже нет», весь Петроград в руках революции, войска перешли на сторону народа. А царю — «дали пинка — и нет ничего» ***.

Об отношении Погорелова к Октябрьской социалистической революции нет никаких документальных данных, но весь творческий и жизненный путь писателя не позволяет сомневаться в его сочувствии великому социальному перевороту, хотя всего исторического содержания и значения социалистической революции Погорелов, конечно, понимать не мог.

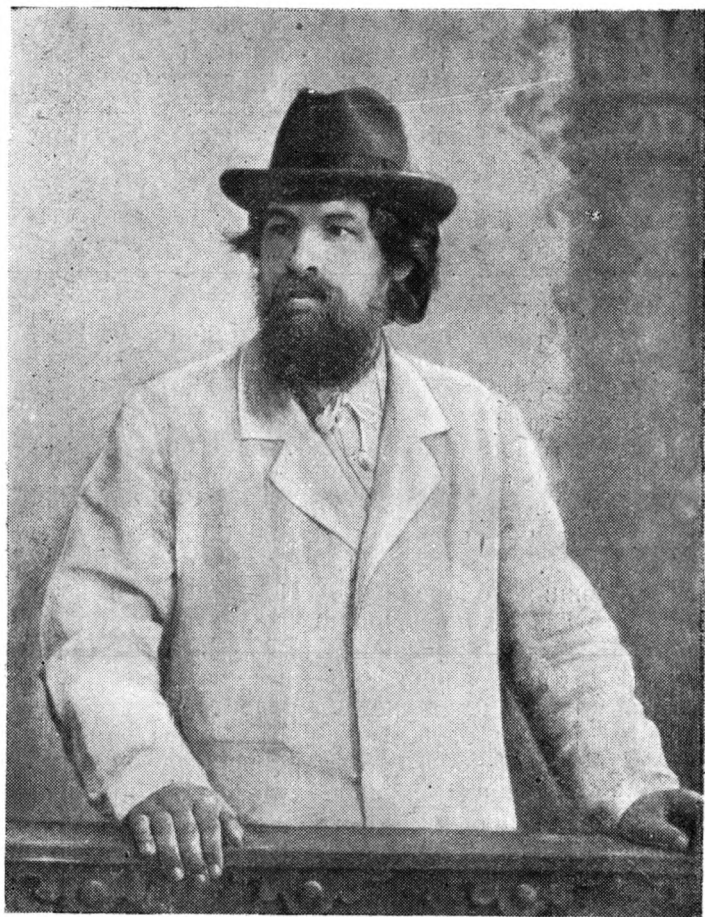
1917 год был началом тяжелого заболевания Погорелова, выразившегося сначала в предельной слабости, духовной и физической усталости. Через некоторое время определился рак легкого.

В 1919 году Алексей Сергеевич, тяжело больной, будучи отрезан от семьи колчаковским фронтом (семья проживала в Екатеринбурге), получил пропуск на выезд из Петербурга. Он намеревался добраться до Полтавы к В. Г. Короленко или в Херсон к старшему сыну, но в связи с расположением фронтов вынужден был свернуть в Ставрополь-Кавказский, к старинным своим друзьям Розановым. В Ставрополе в страшных муче-

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 176. Письмо Погорелова к сыну от 2 сентября 1914 г.

** ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 95, л. 3.

*** Там же.

А. Погорелов в последние годы жизни.

ниях Алексей Сергеевич Погорелов скончался 20 января 1920 года.

Нельзя обойти молчанием черты чрезвычайно привлекательной личности и богато одаренной натуры Погорелова. Все, оставившие о нем воспоминания, пишут о его огромном человеческом обаянии.

Внешний облик Погорелова описывает В. А. Весновский, известный уральский журналист, краевед и библиограф, лично знавший семью Сиговых. Он пишет, что Погорелов был человеком высокого роста, богатырской силы. У него были густые, длинные темные волосы, подстриженная борода. Голос — низкий бас. Одевался он безукоризненно. При первом же взгляде он производил впечатление необыкновенно деликатного, в высшей степени скромного человека и в дальнейшем всегда подтверждал это первое впечатление*.

Борис Дмитриевич Удинцев, племянник Д. Н. Мамина-Сибиряка, в своих воспоминаниях о брате писателя — Иване Сергеевиче Сигове, с которым был дружен, упоминает не раз и о Погорелове. Он пишет: «Алексей Сергеевич был, действительно, обаятельный человек, талантливый писатель, незаурядный художник, тонкий музыкант-исполнитель и к тому же композитор. Красавец, умница, он пользовался большим успехом в обществе»**.

Всесторонняя одаренность Погорелова, о которой упомянул здесь Удинцев, полнее характеризуется в некрологе писателю, написанном И. С. Сиговым (не публиковался). Сигов пишет, что Алексей Сергеевич, кроме литературного, имел еще два таланта.

«Во-первых, он был художник-пейзажист и в этой области достиг большого мастерства. Будучи самоучкой, не проходившим никакой художественной школы, он не придавал значения этому своему дарованию, хотя отдавался ему при каждом удобном случае. Писать этюды было для него наслаждением, и он писал их всюду, где мог, — и в окрестностях своего местожительства, и во время частых служебных поездок на Урале,

* См. Архив литературного музея Мамина-Сибиряка в г. Свердловске, фонд. А. Погорелова. В. А. Весновский, «Сигов Алексей Сергеевич. (Листки из воспоминаний)».

** Там же. Б. Д. Удинцев, «Несколько воспоминаний об Иване Сергеевиче Сигове», л. 2.

Картина А. Погорелова: «Жаркий летний вечер на берегу Нарвского залива около деревни Тайло» (Эстония).

в Крыму, на Кавказе, на Волге, в Сибири, Прибалтике» *. Свои картины Погорелов не подписывал из скромности. Он раздавал их знакомым.

«Во-вторых, — пишет Сигов, — он был недюжинный музыкант-скрипач, хотя и музыкальной школы тоже не проходил. Его музыкальность высоко ценили специалисты музыки, и особенно его феноменальный музыкальный слух. Кроме того, Алексей Сергеевич был и композитор» **.

Музыкальные произведения Погорелова потеряны (струнный квинтет, дуэт на тему стихотворения Некрасова «Даже вполголоса мы не певали, мы, горемыки-певцы» и др.). В фонде Погорелова в ЦГАЛИ сохранились лишь ноты «Краковяка» и «Серенады».

В своих воспоминаниях об отце Иван Алексеевич Сигов пишет, что Погорелов был удивительно добрым человеком; «природа прочно заложила в нем чувство справедливости и мужество, а так как он обладал горячим, отзывчивым сердцем, то всегда восставал против торжествующей неправды, не задумываясь о том, как это отразится лично на нем» ***.

По свидетельству И. А. Сигова, Погорелов был в полном смысле «бессребреником». Материальные его обстоятельства были всегда затруднительны, но тем не менее он щедро помогал нуждающимся. Ему совершенно чужды были карьеризм, забота о личном довольстве, ему претила даже мысль о том, что при своих данных он мог бы достичь «степеней известных».

Он обладал редкой трудовой энергией, всю жизнь проводил в заботах о других, перенес много горя, испытаний, но никогда не совершив ни одного ложного шага.

Погорелов был высоко принципиален. Он пользовался всегда большим расположением истинно честных людей. Большое сердце писателя «чувствовало переживания родной страны, как свои собственные печали и радости. Страстная любовь к родине и «святое беспокойство» за судьбу своего народа» — вот те лучшие ка-

* ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 150, л. 2.

** Там же, л. 3.

*** Архив литературного музея Мамина-Сибиряка, фонд А. Погорелова, Ив. Сигов, «Сигов Алексей Сергеевич (А. Погорелов)», л. 2.

чества, лучшие дарования, которые составляли обаяние человеческого и писательского облика А. Погорелова *.

Писателю было присуще глубокое и могучее чувство природы, ее красоты, кровной связи с ней. Уже на склоне лет, в 1913 году, в апрельский день он делает в дневнике такое признание:

«Когда... я увидел совсем близко от себя зеленую, только что пробившуюся из земли мураву, зеленый лопух и какие-то желтые цветы, мне захотелось упасть на землю и целовать зеленую мураву и старую высохшую прошлогоднюю травку. Я вспомнил, вернее — даже не вспомнил, а почувствовал, как я всегда с раннего детства любил какою-то непосредственной, почти звериной любовью эту землю, ее запах, все, что на ней растет, и в особенности ее весеннее пробуждение» **.

В этой «звериной» любви — большая человечья душа писателя, влюбленного в красоту, связанного нерушимыми узами с родной землей.

Алексей Сергеевич Погорелов пронес через всю свою творческую жизнь любовь к народу и ненависть к его угнетателям. Он скорбел о народе, часто грустил и отчаивался, и верил, звал к борьбе. Он любил землю русскую, и эта любовь была источником его силы и творческого вдохновения.

* См. Архив литературного музея Мамина-Сибиряка в г. Свердловске, фонд А. Погорелова, Ив. Сигов, «Сигов Алексей Сергеевич (А. Погорелов)».

** ЦГАЛИ, ф. 448, о. 1, ед. хр. № 139, л. 62—64.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Четверть века активно и порой самоотверженно трудился уральский писатель на литературном и общественном поприще в исторически сложную эпоху, завершившуюся первой народной революцией в России.

Погорелов был связан с народническим движением и с народнической литературой, причем в ту пору, когда «Народная воля» была разгромлена правительством и большинство народников склонилось к примирению и даже соглашению с царским правительством. Но Погорелов, подобно Г. Успенскому, В. Г. Короленко, пошел по иному пути. Уясняя себе этот путь, необходимо учесть характеристику русского народнического движения во всей сложности его групп, которую дал В. И. Ленин: «В этом широком течении есть самые различные оттенки, есть правые и левые фланги, есть люди, опускавшиеся до национализма и антисемитизма и т. п., и есть люди, неповинные в этом; есть люди, с пренебрежительностью относившиеся ко многим заветам «наследства», и есть люди, старавшиеся, елико возможно, охранять эти заветы (т. е. елико возможно для народника)»*. И В. И. Ленин указывал, что «марксисты должны заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс»**.

Погорелов принадлежал именно к той группе писателей, которые охраняли заветы 60-х годов, то есть ре-

* В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 496—497.

** Там же, т. 18, стр. 330.

волюционной демократии, и не только не разделяли, но и активно опровергали реакционно-утопические теории позднего либерального народничества.

Так, Погорелов всем своим творчеством опровергал теории либеральных народников о каком-то особом пути развития России, которой якобы суждено миновать капитализм; он показывал бурное развитие капитализма, жестокую эксплуатацию, бедствия трудящихся масс, классовую борьбу. Писатель видел всю нежизненность народнической идеализации общины как зародыша, из которого разовьется социализм. Он создал яркие картины разложения общины, расслоения крестьянства, противоречий в деревне, ломки патриархального быта и сознания.

Наконец, Погорелов открыто выразил свою ненависть к либерализму и либералам, показал перерождение народнической интеллигенции, заявил о народничестве как о движении, изжившем себя. Он до конца своей жизни с глубоким уважением относился к традициям революционного народничества, с которым был в молодости кровно связан, но многое очень правильно понял в исторической эволюции этого движения и признал факт победы марксизма над народничеством, почувствовал могучую силу качественно нового и самого передового учения в истории человечества — марксизма. Погорелов не постиг этого учения во всей его полноте и революционности, не понял исторической роли рабочего класса, хотя, в силу особенностей уральской жизни, внимание его было постоянно приковано к проявлениям классовой борьбы уральских рабочих на ранних и позднейших ее этапах. Однако социальный протест рабочих рисовался писателем без достаточного осознания и показа его исторической перспективы. Погорелов стоял в стороне от пролетарского, социал-демократического революционного движения, оставаясь представителем радикальной демократической интеллигенции, отражавшим в своем творчестве боевой демократизм крестьянских и рабочих масс в период подготовки и проведения революций 1905—1907 годов. И это было нужно и ценно для общего дела борьбы против самодержавного, помещичье-капиталистического строя России.

Погорелов отнюдь не стоит в историко-литературном процессе каким-то провинциальным, неопределившимся

одиначкой. Напротив, он тесно связан со всем литературным развитием конца XIX — начала XX веков.

Особенно много родственных черт имеется в творчестве Погорелова с творчеством Г. Успенского. Уральский писатель учился у него глубокому проникновению в жизнь пореформенной деревни, изображению социально-экономических процессов, происходящих в ней и опровергающих иллюзии либеральных народников. Тема развития капитализма, влияния его на деревню, на быт и психологию крестьянства, насыщенность произведений фактическим материалом, их публицистичность, знание народной психологии и языка — все это роднит Погорелова с Успенским. Гуманизм и демократизм Погорелова и Успенского общи по своей природе. Надо отметить, что в творчестве Погорелова «рабочему вопросу» и рабочему движению уделено больше внимания, чем у Успенского, в силу своеобразия той обстановки, которая окружала писателя на горнозаводском Урале. Он был свободен от иллюзий власти земли, которые у самого Успенского вступали в противоречие с его же здоровым скептицизмом по поводу этих иллюзий. В то же время творчество Успенского отмечено более широким и глубоким охватом действительности, проникнуто энергией более могучего ума и таланта.

Узами личной дружбы, делового сотрудничества на журнальном поприще связан был Погорелов с Короленко. Духовная близость писателей была обусловлена прежде всего общим пониманием задач литературы, призванной служить интересам народа, делу борьбы с несправедливым социальным порядком. Каждый шаг по пути демократии вызывал сочувствие обоих писателей, сливавших литературную и общественную деятельность неразрывно.

Многому учился Погорелов у своего великого современника Л. Н. Толстого. В 80—90-х годах Толстой с гениальной силой изобразил трагедию обезземеленного пореформенного крестьянства. В разработку этой темы немало внес и Погорелов, наблюдая в постоянном общении с крестьянами и мастеровыми вопиющие последствия их ограбления в результате реформы; в большинстве своих произведений он с особенной страстностью поднимал этот вопрос. Погорелов учился у Толстого и самим приемам изображения крестьянской массы и отдельных крестьянских персонажей.

Пафос обличения самодержавно-полицейской России, чиновничества, буржуазии, землевладельцев, нашедший высочайшее художественное выражение в сатире Салтыкова-Щедрина, был свойствен и Погорелову. Он разделял с великим сатириком ненависть к существующему порядку вещей, отсюда возникала и острота обличений, причем Погорелов пользовался многими приемами, выработанными Щедриным, его сатирическими формулами, вводил в текст щедринские образы, пользовался щедринским способом обличения отрицательных типов через индивидуализацию их речи и т. д.

Учась у классиков XIX века, храня их традиции, Погорелов теснейшим образом был творчески связан с представителями нового поколения школы критического реализма в России конца XIX — начала XX века, в большинстве своем группировавшимися вокруг возглавляемого Горьким издательства «Знание».

Рост капитализма, типы буржуазных хищников, их людоедская философия занимали творческое воображение и Куприна и Погорелова; недаром купринский образ кровавого Молоха фигурирует и в романе Погорелова.

Тема краха народнического мировоззрения, спора марксистов с народниками, зарождения новой марксистской интеллигенции, нашедшая развитие в творчестве Вересаева, была одной из ведущих тем и Погорелова.

Жизнь промышленных рабочих, бедственное состояние деревни, переселенчество — все это отражалось в произведениях знаньевцев и — на уральском материале — у Погорелова.

В творчестве писателей-демократов предреволюционные годы и годы самого свершения революции 1905 года оказались новым этапом, величайшие события сильно влияли на них. Пролетариат переходил к политической борьбе. Создалась революционная марксистская партия рабочего класса, партия нового типа. Пролетарский художник А. М. Горький написал «Песню о Буревестнике», пьесу «Мещане», где выразил революционную героиню и силу русского рабочего класса. На пробуждение народных масс к революционной борьбе отозвались Скиталец, Вересаев, Куприн, Гусев-Оренбургский, Телешов, Чириков и другие — каждый по-своему. Их произведения стали своеобразной «художественной летописью первой русской

революции», по выражению одного из исследователей. Отклик на события революционной бури был наиболее сильным и художественно ярким (после Горького) у А. С. Серафимовича, создавшего целую серию рассказов и очерков о 1905 годе, насыщенных героическим пафосом и суровой правдой борьбы. Очерками, рисующими события надвигающейся революции, заканчивается и творческий путь Погорелова.

Погорелов не был непосредственно связан с товариществом «Знание», но идейно-художественные принципы были у него общими с идейно-художественными принципами знаньевцев (главные из этих принципов — демократизм, революционный гуманизм, борьба с самодержавием, протест против капиталистической эксплуатации, сочувствие революционному борющемуся народу, социально-политическая актуальность творчества, реализм).

Произведения Погорелова имели революционную направленность, носившую общедемократический характер. Лишь Горький в эту эпоху художественно отражал действительность с революционных пролетарских позиций.

Магистральные темы общерусской литературы своего времени Погорелов разрабатывал, внося в них не только своеобразие своей творческой индивидуальности, но и своеобразие жизненного материала — уральской действительности. И в этом последнем смысле он ближе всех стоял, конечно, к Мамину-Сибиряку, продолжателем которого он был. В произведениях обоих писателей читатель встречает общность проблематики. Оба показывали неумолимую силу капитала, бурную ломку старых устоев, материальное преуспевание и в то же время моральное разложение буржуазии; кризис уральской промышленности, народные бедствия, безработицу, разоренье, обезземеление — все мучения трудящихся масс, подвергающихся гнету капитализма и пережитков крепостничества; красоту и силу людей труда, их назревающий и ширящийся протест, их прошлое и настоящее. Оба писателя художественно воспроизводили «особый быт» Урала, создавали типичные картины жизни родного края и целую галерею типичных образов, представителей различных классов и слоев тогдашнего населения Урала. Это вовсе не означает, что они были писателями узко областного значения и горизонта. Хорошо понимая своеобразие Урала, они умели найти кровные связи родных

мест со всей страной, в уральской жизни находили общие закономерности исторического развития России, процессы и явления, характерные для всей страны — то есть общерусские процессы, проявившиеся в формах особого быта Урала.

Устанавливая непосредственную преемственность в творчестве Погорелова и Мамина-Сибиряка, следует отметить, что Погорелов, выступивший в литературе на десятилетие позднее, изображал более поздний период в жизни Урала, идя по горячим следам быстро развивавшихся событий современности. В его произведениях больше, чем у Мамина-Сибиряка, развернута тема рабочего протеста и революционной борьбы в преддверии 1905 года. Всякая истинная преемственность предполагает продолжение, развитие традиций в новых исторических условиях. Такая преемственность и наблюдается в творчестве обоих уральских писателей.

Известность Погорелова никогда не равнялась известности, славе Мамина-Сибиряка, талант которого был значительно крупнее таланта Погорелова. Погорелов сам признавал это превосходство, считая Мамина своим творческим учителем до конца литературной деятельности. В письме к брату он писал: «На днях прочитал в «Р. М.» * рассказ Мамина «Великий грешник» и был в восторге от него: вот как надо писать»... ** Погорелов был гораздо слабее Мамина-Сибиряка в обрисовке, в лепке характеров, организующих сюжет.

Творчество Погорелова формировалось и развивалось в малоблагоприятных условиях. Оно проходило в основном в провинциальной глуши (в долгий период административной ссылки), в отрыве от живой литературной среды. Художественному творчеству Погорелов мог посвящать лишь часть своего досуга, все остальное время отнимала служба, дававшая средства для существования большой семьи. И. А. Сигов об этом писал: «Все, чего достиг А. С. в области литературного творчества, он сделал в ночные часы, или в короткие промежутки между другими занятиями, или в дороге на земских станциях,

* «Русская Мысль».

** ЦГАЛИ, ф. 441, о. 1, ед. хр. № 163. Письмо Погорелова от 1893 г.

в крестьянских избах, в гостиницах, на пароходах» *. Ясно, что Погорелов внес лишь часть того, что мог бы внести в родную литературу. И все же талант его проявился ярко и дал ему право занять свое место в рядах прогрессивных русских писателей.

Погорелов был требователен к себе в смысле художественной формы. Он весьма критически относился к написанному, постоянно чувствовал творческую неудовлетворенность, которая говорит о сознании высокой ответственности художника перед читателем. Несмотря на трудные условия для творчества, Погорелов тщательно обрабатывал свои произведения, создавая иногда по шесть — восемь вариантов одной вещи.

У Погорелова было бережное и строгое отношение к слову. Его авторская повествовательная речь чиста, отмечена профессиональной культурой, богата в словарном отношении. В авторском языке ощущается учеба у Тургенева, Гончарова, Салтыкова-Щедрина, Успенского — освоение их стилистических приемов.

Самым ярким достоинством прозы Погорелова, самым сильным проявлением его мастерства и таланта следует признать передачу им речи персонажей. Эта речь всегда умело индивидуализирована, непогрешимо верна и правдива в своей характерности, служит для Погорелова сильнейшим средством раскрытия социально-психологической сущности типов. Это мастерство было результатом многолетнего и глубокого изучения живого народного слова в самой гуще народа.

Большой мастер языка Н. С. Лесков писал: «Язык, которым написаны многие страницы моих работ, сочинен не мною, а подслушан у мужика, у полуинтеллигента, у краснобаев, у юродивых и святош. Ведь я собирал его много лет по словечкам, по пословицам и отдельным выражениям, схваченным на лету, в толпе, на барках, в рекрутских присутствиях и монастырях». Записные книжки Погорелова отражают этот же процесс собирания сокровищ народного языка в постоянном трудовом общении его с народом.

Погорелов широко пользовался в своих произведениях и монологом и диалогом. Наиболее впечатляющим

* Архив литературного музея Мамина-Сибиряка в г. Свердловске, фонд А. Погорелова, Ив. Сигов, «Сигов Алексей Сергеевич, (А. Погорелов)», л. 3.

у него остается язык изображенных им мужиков, мастеровых, ямщиков, солдат, писарей, нищих, трудового пестрого люда, так называемых «низов». В неменьшей мере правдива и убедительна у Погорелова и речевая характеристика чиновников, старшин, полицейских, буржуазных интеллигентов, заводчиков, попов и пр. Он умел передать особенности их жаргона.

Словом, персонажи погореловских произведений говорят, живут и раскрываются в языке, и это признак истинного мастерства. В этом отношении Погорелов требовал от себя многого, к этому обязывал опыт великих писателей-современников — Чехова, Толстого, Горького, непревзойденных мастеров речевого портрета. Только многолетнее, кропотливое, целеустремленное изучение живой разговорной речи дало возможность Погорелову, при его большой наблюдательности и языковой чуткости, внести и свой вклад в русскую литературу в этом отношении. Мастерство уральского писателя в речевой характеристике героев должно стать еще предметом специального исследования.

К сильным сторонам таланта Погорелова относится и его мастерство в создании социально-бытовых картин, отличающихся рельефностью, живостью, пластичностью. Напомним, к примеру, такие картины, как избиение башкир, разоренье крестьянской заимки, суд над мужиками, встреча губернатора, крестьянские сходки и т. д.

Если говорить о доминирующей тональности произведений Погорелова, то она мрачна. Эта мрачность создается картинами насилия, угнетения, беззакония, господствовавших в жизни, картинами бедствий народных масс. По отношению к темным сторонам действительности Погорелов был особенно чуток, зорек, он бесстрашно заглядывал в самую бездну царящего зла. Это отражается даже в самих заглавиях его произведений: «Мрак», «Омут», «Трясина», «Черные дни». «Суровый реализм» Погорелова дышал пафосом социальных обличений, что высоко ценил В. И. Ленин в демократической литературе прошлого.

Но нельзя представлять творчество Погорелова лишь однотонным. Ему в значительной степени был присущ юмор, близкий по своему характеру юмору Глеба Успенского. Комические ситуации редко возникают в произведениях Погорелова. Юмор его чаще всего проявляется в

речи действующих лиц. Следовательно, по своему происхождению это юмор народного ума, народного слова, хорошо уловленный и точно, ярко переданный писателем.

Свойствен Погорелову и лиризм, особенно в пейзаже и в передаче переживаний героев, вызванных общением с природой.

Но больше, чем лирическое, стилю Погорелова присуще публицистическое начало, именно то, которое характерно для многих произведений русской демократической литературы второй половины XIX — начала XX века.

Страницы произведений Погорелова густо заселены образами простых людей — индивидуальными и коллективными. Быт крестьян и рабочих, условия их труда и жизни, их правовое положение, протест, борьба изображены Погореловым с большой проникновенностью. Погорелов, как и Решетников, Кирпищикова, Мамин-Сибиряк и другие уральские писатели, поставил в русской литературе второй половины XIX века рабочий вопрос, выдвинул на первый план заводскую тему, и в этом большая заслуга уральских писателей, еще недостаточно подчеркнутая в нашем литературоведении.

Погорелов оценивал действительность с точки зрения широких демократических масс. Он выносил приговор эксплуататорскому строю, выражал горячее сочувствие людям труда.

Борьбе против того, что создавало для трудящихся невыносимые условия жизни, Погорелов отдал все свои помыслы, весь свой талант. Его оружием в этой борьбе было художественное слово.

БИБЛИОГРАФИЯ

Произведения Погорелова

«Мрак». Рассказ. 1. «Русская мысль», 1895, № 12. 2. А. Погорелов, «Мрак» и «Перед грозой». (Из жизни Приуралья). Издание С. Дороватовского и А. Чарушникова, М., 1900. 3. А. Погорелов, Избранные произведения, Свердловгиз, 1937. 4. А. Погорелов, Избранное. Молотовское книжное издательство, 1953. 5. «Рассказы и повести дореволюционных писателей Урала», Свердловское книжное издательство, т. 2, 1956.

«По закону. (Рассказ проходимца)». 1. Газета «Рудокон», 1897, № 41. 2. Литературный сборник в память женщины-врача Е. П. Серебrenниковой, СПб, 1900.

«Среди ночи». Очерк. «Русская мысль», 1897, № 5.

«Перед грозой». Повесть. 1. «Русское Богатство», 1899. 2. А. Погорелов, «Мрак», «Перед грозой». (Из жизни Приуралья). издание С. Дороватовского и А. Чарушникова, М., 1900. 3. А. Погорелов, Избранные произведения, Свердловгиз, 1937 (отрывки). 4. А. Погорелов, Избранное, Молотовское книжное издательство, 1953 (отрывки).

«Одинокiй скиталец». (Из записной книжки). 1. Литературный сборник в память женщины-врача Е. П. Серебrenниковой, СПб, 1900. 2. «Одинокiй скиталец». Издание Вятского товарищества, 1903.

«Мохов». Очерк. «Русское Богатство», 1901, № 2. 2. А. Погорелов, Избранное, Молотовское книжное издательство, 1953.

«В потьмах». Рассказ. 1. «Русское Богатство», 1903 г., № 2. 2. «Впотьмах». Издание Вятского товарищества, 1904. 3. А. Погорелов, Избранные произведения, Свердловгиз, 1937.

«В глуши». (Из записной книжки). 1. Сборник «На славном посту». 2. «В глуши». Издание Вятского товарищества, 1902.

«Омут». Повесть. 1. «Русское Богатство», 1904, № 3. 2. А. Погорелов, Избранные произведения, Свердловгиз, 1937. 3. А. Погорелов, Избранное, Молотовское книжное издательство, 1953.

«Тишина». Рассказ. 1. «Русское Богатство», 1905, № 2. А. Погорелов, Сочинения, изд-во «Задруга», 1917, т. 1. 3. А. Погорелов, Избранные произведения, Свердловгиз, 1937. 4. А. Погорелов, Избранное, Молотовское книжное издательство, 1953.

«Аликаев камень». «Повесть». 1. «Русское Богатство», 1905, №№ 1 и 2. 2. «Аликаев камень». Издание Вятского товарищества, 1906. 3. «Рассказы и повести дореволюционных писателей Урала», Свердловское книжное издательство, 1956, т. 2.

«Из дневника учителя. (Первые лучи)». Очерк. «Весть», 1906, № 1.

«Черные дни. (Из записок учителя)». Очерк. «Мирские вести», 1906, № 1.

«Из дневника учителя. (Пробуждение)». Очерк. «Весть», 1906, № 3—4.

«В деревне. (Из дневника учителя)». Очерк. «Народный вестник», 1906, № 3—4.

«Трясина». Очерк. «Народный вестник», 1906, № 6.

«Мать». Рассказ. 1. «Русское Богатство», 1906, № 12. 2. А. Погорелов, Сочинения, изд-во «Задруга», 1917.

«Памяти умерших. Петр Александрович Голубев». Некролог. 1. «Русские записки», 1915, № 2*.

КРИТИКА

Вл. Короленко, О сложности жизни (о романе «Перед грозой»), «Русское Богатство», 1899, № 8 (11).

Анонимный критик, Критические заметки (о романе «Перед грозой»), «Мир божий», 1890, № 11, отд. 2.

Анонимный критик, «Новые книги». А. Погорелов, «Мрак» и «Перед грозой» (из жизни Приуралья), «Русское Богатство», 1901, № 3.

Анонимный критик, Современный Чичиков (об очерке «Мохов»), «Биржевые ведомости», 1901, № 76.

Арнольд О., К истории лишних людей (о романе Погорелова «Перед грозой»), «Русская мысль», 1902, № 9.

В. Буренин, Критические очерки (о романе Погорелова «Перед грозой»), «Новое время», № 8538.

Анонимный критик, Журнальное обозрение (о повести «Омут»), «Русская мысль», 1904, № 5.

А. С. Ладейщиков, А. С. Погорелов (Сигов), «Избранные произведения Погорелова», Свердловгиз, 1937, Вступительная статья.

З. Ерошкина, Литературное наследство Урала, «Литературная учеба», 1936, № 7.

В. Куриленков, Литературное наследство Урала. «Литературный критик», 1938, № 4.

Анонимный автор, Вступительная статья к «Избранному» Погорелова, Молотовское книжное издательство, 1953.

И. А. Дергачев, А. Погорелов (А. С. Сигов) (Биографическая

* Не выяснено, где напечатаны следующие произведения А. Погорелова: «По градам и весям», «Перед рассветом», «В дороге», «На пароходе», «Красносельцы».

и литературно-критическая справка). «Рассказы и повести дореволюционных писателей Урала», Свердловское книжное издательство, т. 2, 1956.

Архивные фонды

1. ЦГАЛИ, фонд 448, А. С. Сигова (А. Погорелова) 5146 листов.
2. Архив литературного музея Мамина-Сибиряка в г. Свердловске, фонд А. Погорелова.
3. Личный архив М. А. Сигова, сына писателя.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Начало пути	8
Произведения пермского периода	24
Жизнь и творчество Погорелова в годы революции в Петербурге : : :	82
Неопубликованные рукописи	131
По страницам записных книжек	164
Конец жизненного пути	183
Заключение	190
Библиография	199

Марианна Митрофановна Верховская
АЛЕКСЕЙ ПОГОРЕЛОВ

Редактор *Л. Н. Правдин*
Художник *Г. Д. Петухов*
Худ. редактор *М. В. Тарасова*
Техн. редактор *Н. Г. Неудакина*
Корректор *А. И. Плешков*

ЛЕ01767 Подписано к печати 23/III-1959 г.
Формат 84×108^{1/32} 3,1875 бум. л., 13,25 печ. л. Усл.-изд. 10,455 л.
Тираж 2000 экз. Цена 5 руб. 45 коп.

2-я книжная типография Облполиграфиздата
Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Заказ 1148.